

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

55



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А 17(5)

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

55



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИЙ ЗА 1952 ГОД

ИНФОРМАЦИЯ

Ежегодно советские археологи и этнографы подводят итоги своей экспедиционной деятельности. Сессии, посвященные результатам полевых археологических и этнографических исследований, превратились в широкие конференции, на которые собираются ученые со всех концов Советского Союза. Так, в сессии Отделения истории и философии, состоявшейся 26—28 марта 1953 г., участвовало около 500 научных работников — представителей всесоюзной и республиканских академий наук, университетов, музеев и других научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана, Минска, Баку, Вильнюса, Риги, Таллина, Ташкента, Ашхабада, Кишинева, Куйбышева, Казани, Львова, Саратова, Воронежа, Тарту, Уфы, Сухуми, Калуги, Краснодар, Симферополя и других городов.

Сессию открыл академик А. В. Топчиев, отметивший, что XIX съезд Коммунистической партии уделил огромное внимание развитию советской науки и поставил перед учеными нашей страны задачу величайшей исторической важности — развивать дальше передовую советскую науку с тем, чтобы занять первое место в мировой науке.

Советские ученые должны неустанно развивать советскую науку на основе марксистско-ленинской теории, всегда подчинять свои научные исследования практическим задачам строительства коммунизма, вести непримиримую борьбу со всяческими извращениями марксизма-ленинизма, решительно разоблачать реакционную сущность буржуазной идеологии, неизменно служить делу мира между народами.

На сессии Отделения истории и философии были подведены итоги полевых исследований археологов и этнографов за 1952 г. В этой области можно констатировать значительные достижения. Раскопками многочисленных экспедиций Академии Наук СССР, академий наук союзных республик, филиалов АН СССР, музеев и других научных учреждений получен большой материал, расширяющий знания по истории нашей Родины. Важнейшим участком работы советских археологов являются археологические исследования на новостройках. Большой материал получен раскопками древнерусских городов, в числе которых исследование Великого Новгорода и находки замечательных грамот на бересте бесспорно должны быть поставлены на первое место.

Ряд важнейших проблем археологии неразрывно связан с этнографической наукой. Вопросы истории первобытно-общинного строя и происхождения народов, вопросы формирования этнических общностей на ранних этапах истории человечества могут успешно разрешаться лишь при условии теснейшей увязки данных археологии, этнографии и языкознания.

Отметив положительную работу этнографических и археологических экспедиций, А. В. Топчиев подчеркнул, что теоретическое освоение и обобщение накапливаемых материалов еще недостаточно.

Советские археологи и этнографы должны шире и глубже разрабатывать проблемы экономической истории общества, вопросы периодизации древней истории, этногенеза народов СССР, в частности происхождения восточных славян.

Археологи и этнографы обязаны создать обобщающие труды по истории народов, осветить многогранное богатство их культуры. Советские этнографы должны глубоко исследовать национальные формы социалистической культуры, изучить закономерности культуры и быта в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму. В заключение А. В. Топчиев призвал советских археологов и этнографов решительно покончить с теоретическими ошибками и вульгаризацией марксистской науки.

С докладом «О задачах советской археологии в свете решений XIX съезда КПСС и труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» выступил С. В. Киселев. Докладчик отметил, что хотя общественные науки в нашей стране, основанные на прочном фундаменте марксизма-ленинизма, достигли уже высокого уровня развития, все же в отдельных разделах науки обнаруживается недостаточное внимание к задачам, поставленным нашей партией перед советскими учеными. Один из крупнейших недостатков советской исторической науки — недостаточное внимание к изучению экономического развития древнейших обществ. В работах ряда наших историков и археологов замечается отрыв от изучения закономерностей развития первобытно-общинного рабовладельческого и феодального обществ, и они ограничиваются работами описательного характера, простым изложением фактов.

XIX съезд партии обратил внимание на необходимость усиленной борьбы против реакционной буржуазной идеологии. Наш долг — полностью ликвидировать влияние этой идеологии в нашей науке. Ослабление внимания к обобщению и изучению закономерностей исторического развития проявлялось и в учебниках по археологии и по истории древнего мира, в археологических монографиях.

Так в № 19 и 25 Материалов и исследований по археологии СССР, посвященных античной археологии, в ряде статей общеполитические выводы вообще отсутствуют, имеющиеся же выводы весьма поверхностны и вызывают возражения. Нумизматические работы обычно узко специальные, описательны и не дают такого освещения материала, которое могло бы быть использовано при изучении экономических вопросов. Между тем нумизматика — одна из важнейших вспомогательных исторических дисциплин. За последние годы открыто довольно много монетных кладов и отдельных монет, исследование которых помогает осветить мало изученные в экономическом отношении периоды истории.

Недостатком в нашей работе является неразработанность основанной на изучении экономических закономерностей периодизации первобытно-общинного, рабовладельческого и ранних ступеней феодального строя. Мало работают археологи и историки древнего мира над основными вопросами изучения производительных сил и производственных отношений. Прогресс и застой в производстве часто объясняют не экономическими причинами, а только производными факторами — завоеваниями, захватом богатой до-

бычи, особенностями политики государств и т. п. Археологи, этнографы и историки древнего мира в тесном содружестве с экономистами должны изучать основные экономические законы первобытно-общинного и рабовладельческого способа производства. Совершенно неудовлетворительно исследуются вопросы товарного производства. Среди археологов распространены самые различные мнения по вопросу о времени возникновения товарного производства, хотя есть возможность определить условия его возникновения и развития в отдельных обществах древности.

Необходимо покончить с медленным развертыванием археологами теоретической работы и в других областях исследования. До сих пор мало сделано по вопросам этногенеза, не освещены вопросы о роли миграции и пр., недостаточна работа по преодолению порочного влияния на археологию марровских «теорий». Необходимо сделать подлинно научным изучение надстроечных явлений. Этого можно добиться лишь в том случае, если анализ того или иного явления надстройки будет связан с изучением экономического строя общества на данном этапе его развития.

В заключение С. В. Киселев призвал советских археологов глубоко и творчески изучать теорию марксизма-ленинизма, широко применять критику и самокритику в науке. Это позволит им выполнить поставленную перед советскими учеными высокую задачу — занять первое место в мировой науке.

В развернувшихся прениях по докладу были указаны важные научные проблемы, решение которых требуется в ближайшем времени. Е. И. Крупнов считает такой задачей составление сводной и вместе с тем конкретной и точной истории народов многонационального Советского Союза. Археологи должны дать наиболее четкое и вместе с тем научно обоснованное представление о древних и отчасти даже средневековых этапах нашей истории, показать богатое прошлое советских народов. Некоторые труды по истории отдельных народов СССР, такие, как «История Грузии», «История Армении», имеют существенные недостатки. В них история представлена в виде описания сменяющихся династий с хвалебными характеристиками царей и полководцев.

Долг археологов — строить свою работу так, чтобы в подобных книгах были освещены вопросы социально-экономического развития древнего населения, чтобы был показан народный быт.

Г. Б. Федоров посвятил свое выступление вопросу о роли археологического материала в изучении проблем экономической истории славян. Он показал, как по археологическим данным удастся установить наличие товарного производства у славян уже в первой половине I тысячелетия нашей эры.

В. Д. Блаватский указал на недостаточную разработанность проблемы товарного производства в условиях рабовладельческого общества и на необходимость пересмотра периодизации истории Северного Причерноморья.

В. Н. Аракелян отметил, что только неразработанностью вопросов экономической истории можно объяснить вульгаризаторские попытки некоторых историков характеризовать феодальную эпоху X—XIII вв. в Армении как время зарождения капиталистических отношений.

А. П. Окладников поставил вопрос о необходимости большего сотрудничества археологов и антропологов в деле изучения физических качеств первобытного человека и его развития в зависимости от развития труда. Он обратил внимание на необходимость разработки вопросов первобытной идеологии, в частности вопроса о происхождении искусства, и решительной борьбы против вульгаризации марксизма в этих вопросах, против нигилистического отношения к достижениям советской и мировой науки, иногда проявляющегося в отдельных выступлениях.

А. М. Апакидзе говорил о том, что публикация материалов, добытых грузинскими археологами, отстает от возрастающих темпов полевых работ. Он обратил также внимание на то, что некоторые ученые, подвергшиеся серьезной критике за допущенные ими ошибки, до сих пор отказываются ответить на эту критику.

В докладе С. П. Толстова о задачах советской этнографической науки в свете решений XIX съезда КПСС и труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» одним из центральных вопросов был вопрос о предмете этой науки.

В прениях по докладу выступили Б. А. Рыбаков и С. В. Киселев, которые указали, что докладчик, в целом правильно определив задачи этнографии, недостаточно подчеркнул обязанность этнографов изучать пережитки древнего в быту народа, дающие подчас возможность реконструировать путем анализа элементы древней культуры и историю культуры. Этнографы забывают подчас о необходимости исторического подхода к этнографическим материалам. Жизнь идет вперед, пережитки и черты прошлого исчезают, а этнографы не регистрируют эти явления, не сохраняют их для науки. Этнографы очень мало занимаются в последние годы этнографией русского, украинского и белорусского народов. Нет сводных трудов по славянской этнографии.

П. И. Кушнер также обратил внимание на то, что этнографы преимущественно изучают быт наиболее отсталых малых народов, между тем как при переходе к коммунизму ведущая роль принадлежит таким народам, как русский, украинский. Изучение быта и культуры крупнейших социалистических наций нашей страны отстает от требований науки.

М. О. Косвен говорил о том, что крупнейшим недостатком является построение исследований по исторической этнографии, когда преимущественно изучаются общественные явления, а не развитие производительных сил.

Н. Н. Чебоксаров считает одной из основных задач этнографии изучение общих закономерностей и конкретных форм развития культуры разных народов во все периоды их исторической жизни в связи и на основе ведущих экономических законов этих периодов. Теоретические вопросы о связи, о зависимости культур, об экономическом базисе общества затрагивались в этнографических работах мало. А это является одной из основных задач в настоящее время.

Доклад о научных итогах работ Балтийской этнографо-антропологической экспедиции в 1952 г. сделал Н. Н. Чебоксаров. В задачи экспедиции входило всестороннее антропологическое и этнографическое изучение народов советской Прибалтики с целью выяснения их происхождения, этнической истории и характера культурных взаимоотношений с соседними народами.

В. Н. Крупянская выступила с докладом «Опыт изучения быта русских рабочих».

Об итогах и задачах антропологического изучения народов Кавказа доложил Г. Ф. Дебец. Кавказ, в силу своего географического положения, был одним из главных путей культурных и этнических связей народов Передней Азии и Русской равнины, поэтому изучение народов, населяющих Кавказский перешеек, имеет большое значение для разработки этнической истории этих областей. Антропологические материалы, важные для решения вопросов этногенеза, еще полностью не собраны, но общая картина уже вырисовывается. Антропологические типы Кавказа могут быть объединены в две большие группы: первая включает восточные области и обнаруживает наибольшее родство с типами Месопотамии, Ирана и древнего населения Средней Азии, вторая расположена на западе и отражает проникновение северных (по отношению к Кавказу) антропологических типов, распространявшихся преимущественно вдоль Черноморского побережья. Это основное

антропологическое деление Кавказа отражает весьма древние этапы истории кавказских народов, во всяком случае относящиеся ко времени до нашей эры. По отношению к отдельным народам антропологические материалы позволяют сделать более детальные выводы. Например, антропологические материалы Грузии и Азербайджана отражают древние связи составных элементов грузинской и азербайджанской наций с рядом соседних этнических групп. Хотя в настоящее время кажутся преждевременными попытки исторического объяснения намеченных связей, но их существование позволяет выразить уверенность, что после подведения итогов работ археологов, этнографов, историков и языковедов, а также после завершения намеченных антропологических работ по изучению современного населения Кавказа антропологические данные смогут быть плодотворно использованы для подлинно научного освещения проблем происхождения народов Кавказа.

П. Н. Третьяков выступил с докладом «Вопросы этногонии северных восточнославянских племен». (Доклад в сокращенном виде печатается в настоящем выпуске.)

На сессии зачитаны также доклады Б. А. Рыбакова «Происхождение Руси», А. В. Арциховского «Раскопки в Новгороде в 1952 г.»¹ и доклад А. П. Смирнова «Археологические работы Института истории материальной культуры АН СССР на новостройках в 1952 г.» (печатается в настоящем выпуске).

На пленуме ИИМК с докладом «Верхний палеолит СССР в свете новейших исследований» выступил А. П. Окладников. Периодизация древнего каменного века — палеолита, установленная французским ученым Мортилье на основании изучения последовательных изменений орудий труда и техники их изготовления, считалась до недавнего времени всеобщей, применимой для всего мира. Однако эта периодизация, в основе своей правильная, имеет слабые места, так как ее автор, придерживавшийся теории эволюционизма, не учитывал местные различия в развитии культуры, исторические переселения, сдвиги населения. Советские археологи в последние годы усиленно работают над уточнением периодизации палеолита. Замечательные открытия палеолитических памятников в Костенках на Дону позволяют пересмотреть ряд общепринятых положений. Вместо последовательной смены археологической эпохи, называемой ориньяком, следующей эпохой — солютрейской, в Костенках наблюдается иной порядок чередования археологических культур: ориньякского облика культура вклинивается в солютрейские слои, а не подстилает их. А. П. Окладников считает возможным объяснить это явление тем, что носители ориньякской культуры пришли сюда откуда-то с запада и вторглись на территорию, где жили в это время носители более высокой солютрейской культуры. Независимо от того, будет ли подтверждена эта гипотеза дальнейшими изысканиями, новая постановка вопроса советскими учеными требует отказа от схематизма в изучении первобытной культуры.

И. Г. Шовкопьяс сообщил о результатах археологических исследований в Украинской ССР в 1952 г. Основными на юге УССР были работы в районах новостроек, находящихся в степной полосе, до сих пор в археологическом отношении остававшейся недостаточно изученной. Особенно много открыто новых памятников эпохи бронзы в долине р. Молочной: за два последних раскопочных сезона здесь вскрыто свыше 300 погребений. Такой приток нового фактического материала позволяет пересмотреть историю живших здесь племен. Появившиеся около середины III тысячелетия до н. э. первые степные курганы с так называемым древнеямным типом погребений принадлежали населению, переходившему к освоению степных паст-

¹ С основными положениями этих докладов читатель может ознакомиться по статьям, опубликованным в «Вестнике АН СССР», № 9, 1952; № 1, 1953.

бищ, населению, в среде которого уже господствовали патриархальный строй и власть вождей. Древнеямные захоронения сменяются катакомбными, принадлежавшими по всем признакам родственным племенам. Другой эпохой, памятники которой были подробно исследованы, является скифо-сарматское время. Большой интерес представляет изучение памятников славянской культуры — раннеславянских могильников (так называемых полей погребения) у Каменского и Гавриловского городищ, поселения у Берислава, у с. Осокоровки и др. После почти 50-летнего перерыва возобновились раскопки древнерусских курганов в Чернигове. Велись раскопки древнерусских городов Галича, Переяслава-Хмельницкого, Колодяжина, Киева и др. Полевые археологические исследования в СССР — важный вклад в древнюю историю нашей страны.

А. М. Беленицкий сделал доклад о раскопках древнего Пянджикента (печатается в настоящем выпуске).

Об археологических исследованиях Хорезмской экспедиции сообщил С. П. Толстов. Кроме обширных разведок, охвативших огромную территорию от Ташаузской области до устья Узбоя, экспедиция вела раскопки крепости IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-Кала, крепости II в. н. э. Гуяр-Кала, городища Куня-Уаз (существовало с конца I тысячелетия до н. э. до IV—V вв. н. э. и в IX—XI вв.), городища Шах-Сенем (существовало с IV—III вв. до н. э. до монгольского нашествия) и средневековой столицы Хорезма — Куня-Ургенча. В итоге разведывательных работ открыты многочисленные местонахождения, относящиеся к первобытной эпохе, выявлена древняя грандиозная и оригинальная оросительная система окраин Сарыкамышской котловины, созданная местным туркменским земледельческим населением и питавшаяся водами огромного Сарыкамышского озера, существовавшего в XV—XVII вв. На городищах Гуяр-Кала и Куня-Уаз раскопаны укрепления и древние здания, найдены произведения скульптуры. На городище Шах-Сенем большой интерес представляют развалины мечети, богато декорированной резным алебастром. Найдено много бытовых предметов и произведений прикладного искусства XII—XIII вв. Крепостные стены городища, построенные в XII в. из кирпича, имеют внутри двухэтажную стрелковую галерею. В Куня-Ургенче внутри вала обнаружена сохранившаяся на высоту 5,5 м городская стена, сложенная из обожженного кирпича. Она была построена в XIV в. и засыпана на рубеже XV и XVI вв., вероятно после разгрома города Шейбани-ханом. Вскрыты обширные городские кварталы XV—XVII вв., впервые ярко представившие облик позднесредневекового среднеазиатского города, переживавшего период упадка¹.

Т. С. Пассек сделала обзор археологических исследований в Молдавии. Четыре отряда Молдавской археологической экспедиции обследовали в 1952 г. свыше 150 памятников, из которых наиболее древними являются верхнепалеолитические местонахождения, обнаруженные более чем в 20 пунктах. Изучение памятников трипольской культуры у селений Солончени, Екимауцы, Журы дало новые материалы для истории раннего и среднего этапов развития земледельческих племен на юге Восточной Европы. Большой интерес представляют раскопки поздне трипольского бескурганного могильника у с. Выхватинцы. Найденный здесь антропологический материал впервые позволит изучить древний тип человека трипольской культуры конца III—начала II тысячелетия до н. э.

Под руководством Г. Б. Федорова велись раскопки на трех славянских городищах тиверцев у селений Екимауцы, Алчедар и Царевка, где проведено изучение сложных оборонительных сооружений X—XII вв., жилищ,

¹ Краткий отчет С. П. Толстова опубликован в «Вестнике древней истории», № 1 и 2, 1953.

ремесел, сельского хозяйства, прикладного искусства и т. п. Изучение материалов показывает, что своеобразная материальная культура тиверцев неразрывно связана с центрами Киевской Руси.

Г. Д. Смирновым велись большие раскопки в одном из центров средневековой Молдавии — Старом Орхее; получены интересные данные о жизни крупного молдавского города XIV—XVI вв.

А. М. Апакидзе сделал обзор археологических раскопок 1952 г. в Грузии. Большие работы были проведены по изучению палеолитической и неолитической стоянок у с. Дзеври Кутаисской области. Этот многослойный, весьма сложный памятник дал интереснейшие находки каменных орудий мустьерской эпохи и очень интересный образец первобытного искусства в виде скульптурного изображения рыбы (из кости) и др. Впервые в Юго-Осетии и Восточной Грузии обнаружены находки, относящиеся к нижнему палеолиту. Гебская археологическая экспедиция изучала памятники, связанные с горным делом и металлургией древнегрузинских племен. Доказано, что металлургия базировалась на местных рудных ресурсах. Началось изучение древних городов черноморского побережья Грузии раскопками Бичвинта (Пицунда, Пителинт). Выявлены грандиозные стены и башни укрепленной части города, разные хозяйственные и культовые сооружения, преимущественно первых веков нашей эры. Экспедиция открыла развалины большого храма — трехнефной базилики с интересным мозаичным полом. Велись раскопки города-крепости Уджарма — выдающегося памятника крепостной архитектуры раннефеодальной Грузии. Основные сооружения цитадели относятся к IV—V вв. н. э. Значительный археологический слой в крепости относится к XII—XIII вв.

Х. А. Моора выступил с докладом «Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных» (печатается в несколько измененном виде в настоящем выпуске).

В докладе о задачах античной археологии Северного Причерноморья В. Д. Блаватский отметил некоторое отставание теоретических работ в этой области от важных исследовательских задач, уклон в сторону публикации материалов в ущерб историческим обобщениям и выводам. Одной из важнейших проблем является исследование истории отдельных племен и народностей, в частности роль их в истории Боспора. Для этого необходимо усилить раскопки сельскохозяйственной периферии античных государств. Чрезвычайно важно изучение истории производства, в частности экономической базы местных племен, различных групп производителей материальных благ, роли свободного труда, труда рабов и т. д. Недостаточно внимания уделяется ряду разделов идеологии и вообще проблеме соотношения базиса и надстройки в античных государствах Северного Причерноморья. Следует усилить работы по изучению взаимоотношений этих государств с областями Восточной Европы и со странами Средиземноморья. Результатом работы советских историков и археологов-антиковедов должно быть выявление во всей полноте картины возникновения, развития и распада рабовладельческих отношений в Северном Причерноморье.

С большим докладом «Русь и хазары» выступил М. И. Артамонов. В прошлом докладчик были допущены ошибки в освещении роли хазарского каганата в истории Восточной Европы. В докладе были подвергнуты самокритическому анализу старые концепции автора и обрисована история хазар и их взаимоотношений с Русью на широком фоне истории племен и народов Восточной Европы. М. И. Артамонов показал, что хазарское государство, как и другие кочевые империи, было патриархально-феодальным и как таковое оставалось застойным и тормозило развитие своих соседей. Хазария не играла и не могла играть никакой положительной роли в истории нашей страны. Русское государство создавалось не благодаря хазарам, а в длительной и упорной борьбе с хазарами.

Во время сессии и пленума работали специальные секции по различным разделам археологии. На секциях также было зачитано много интересных докладов.

Сессия, на которой были подведены итоги полевых работ 1952 г., продемонстрировала значительные успехи советской археологии и этнографии. В то же время были выявлены некоторые недостатки, преодоление которых является важнейшим требованием к ученым этих отраслей исторической науки. Прежде всего нужно преодолеть отставание теоретической работы в области археологии и этнографии.

I. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

РАННЕСЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА
В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ¹

До недавнего времени славянская культура последних веков до нашей эры была известна на Восточноевропейской равнине лишь по археологическим памятникам Среднего Поднепровья.

В 1899 и 1900 гг. В. В. Хвойкой были раскопаны погребения II—I вв. до н. э. у с. Зарубинцы Киевской области, остававшиеся в течение сорока лет единственным исследованным памятником этого рода. В 1937, 1940 и 1941 гг. И. М. Самойловским был открыт и исследован большой могильник зарубинецкой культуры у с. Корчеватого под Киевом. Дальнейшие разыскания в Среднем Поднепровье, произведенные Институтом археологии АН УССР, показали, что поля погребений и места поселений зарубинецкой культуры широко распространены в Среднем Поднепровье, захватывая Киевскую, Полтавскую, Черниговскую и Житомирскую области. В последние годы они обнаружены также и южнее, в Нижнем Поднепровье. Материалы из раскопок полей погребений у с. Зарубинцы и с. Корчеватое пополнились сейчас материалами из раскопок зарубинецких поселений, среди которых особенно выделяется поселение на Пилипенковой горе около Канева, исследованное в 1947—1948 гг. В. А. Богусевичем. Все эти материалы, относящиеся к двум-трем последним векам до нашей эры, не оставляют сомнения в том, что перед нами действительно раннеславянская, а не какая-либо другая культура. Зарубинецкие племена, судя по археологическим данным, были очень близки современному им населению Повисленья и поречья Одера, известному по полям погребений пшеворского типа, а также раннеславянскому населению северных областей Чехии и Моравии.

В настоящее время перед археологами, занимающимися изучением зарубинецких памятников — полей погребений и поселений, поставлены две большие задачи. Во-первых, необходимо выяснить происхождение зарубинецкой культуры и ее носителей — раннеславянских племен Среднего Поднепровья. Пока что от разрешения этой задачи мы очень далеки, несмотря на то, что к ней привлечено внимание и силы многих исследователей. Сложность ее решения состоит в том, что в дозарубинецкое время в области Среднего Поднепровья проходила граница распространения двух древних культур — культуры скифского характера, представленной большими городищами, поселениями и курганами VI—III вв. до н. э., и другой, пока еще очень плохо известной культуры, принадлежащей племенам, обитавшим

¹ Сокращенное изложение доклада «Вопросы этногонии северных восточнославянских племен», сделанного автором на сессии.

в более северных областях. Граница между ними проходила примерно по линии Житомир—Киев—Курск.

Очень возможно, что граница, разделявшая в VI—III вв. до н. э. две древние культуры Среднего Поднепровья, не была границей двух этнических групп — скифов и предполагаемых ранних славян, или протославян. В настоящее время, особенно после работ А. И. Тереножкина, становится очевидным, что «скифская» культура Киевщины имела не только свои специфические черты, на что уже давно указывали археологи, но и была совсем иного происхождения, чем культура населения более южных, собственно скифских областей. Многие археологи склоняются к мысли, что городища и курганы скифского облика в лесостепных областях Среднего Поднепровья принадлежали не скифам, т. е. не ираноязычным племенам, а раннеславянским, попавшим, в отличие от своих более северных сородичей, под влияние скифской культуры. Одним из аргументов в пользу этого предположения является то, что элементы зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья восходят как будто бы не только к протославянской, т. е. более северной, но и к местной «скифской» культуре.

Таким образом, условием разрешения вопроса о происхождении зарубинецкой раннеславянской культуры в области Среднего Поднепровья является выяснение скифо-славянских отношений и связей.

Во-вторых, перед исследователями зарубинецкой культуры встала задача выяснить, в каком отношении находилась эта культура к так называемой черняховской культуре Среднего Поднепровья, распространенной в первой половине и середине I тысячелетия н. э. и справедливо рассматриваемой ныне в качестве культуры антов.

В. В. Хвойка, исследовавший в 1889 и 1900 гг. поля погребений у с. Черняхова и с. Ромашки, считал, что зарубинецкая и черняховская культуры принадлежали одному и тому же населению, являясь двумя этапами в развитии культуры одних и тех же раннеславянских племен Среднего Поднепровья. За пятьдесят лет, отделяющих нас от работ В. В. Хвойки, это его мнение осталось непоколебленным. Но вместе с тем выяснилось, что носителями черняховской культуры были, повидимому, не только местные, собственно славянские, но и другие племена, в частности остатки скифских и сарматских племен, подвергавшихся в начале и середине I тысячелетия н. э. ассимиляции со стороны славян. При этом не исключено, что некоторые элементы черняховской культуры, в частности ее керамика, являются неславянским вкладом.

Таким образом, вопрос об отношении зарубинецкой культуры к черняховской сложнее, чем казалось в свое время В. В. Хвойке. И здесь, как и в первом случае, для разрешения вопроса требуется выяснение скифо-славянских, а также сармато-славянских связей.

Если изучение раннеславянской культуры в области Среднего Поднепровья затрудняется наличием еще далеко не выясненных скифо-славянских отношений и связей, то совсем иначе обстоит дело с изучением раннеславянских археологических памятников более северных областей, население которых не имело контакта со скифо-сарматским миром. Исследование этих памятников поможет не только осветить историю северных восточнославянских племен, главной областью которых было Верхнее Поднепровье, но и разобраться в сложных вопросах о судьбах среднеднепровского славянства.

До последнего времени раннеславянская культура в области Верхнего Поднепровья оставалась, однако, почти совсем не исследованной. Смоленские и белорусские археологи в 20 и 30-х годах нашего века обследовали большое число древних городищ, расположенных по берегам Днестра и его многочисленных притоков. Ни одно из них не подверглось серьезным раскопкам. Время существования городищ определялось неправильно: все городища,

предшествующие времени древней Руси, были отнесены к концу первого тысячелетия нашей эры, тогда как в действительности жизнь на них продолжалась в течение более полутора тысяч лет, начиная с середины I тысячелетия до н. э. и кончая IX—X вв. н. э. Долгое время, в соответствии со старыми представлениями о расселении славян, считалось, что эти городища были не славянскими, а принадлежали дославянскому, в частности литовскому, населению.

К наблюдениям, которые явились серьезным вкладом в науку, следует отнести разделение древних верхнеднепровских городищ на две группы: собственно днепровскую с неорнаментированной лепной керамикой и другими особенностями в материальной культуре и северо-западную со штрихованной глиняной посудой. К последней относится известное Банцеровское городище вблизи Минска, подвергшееся в 30-х годах небольшим раскопкам.

Очень важным для славянской археологии было открытие в области Верхнего Поднепровья полей погребений, близко напоминающих зарубинецкие. Они обнаружены на Припяти и на ее притоках в районе Турова и на Днестре в пределах Могилевской и Смоленской областей, но оставались почти совсем не исследованными. Время их не было выяснено; создалось впечатление, что они состоят из очень небольшого числа захоронений (трупосожжений); их стали поэтому называть «миниатюрными». Отношение полей погребений к городищам также не было выяснено.

Главная причина того, что раннеславянские археологические памятники были очень плохо изучены и в области Среднего Поднепровья, в особенности в Верхнем Поднепровье, заключалась в распространении среди археологов порочных представлений Н. Я. Марра. Согласно этим представлениям, славяне рассматривались в качестве новообразования, появившегося на Восточноевропейской равнине в результате трансформации, охватившей якобы на какой-то стадии развития различные жившие здесь ранее неславянские племена. Признание стадияльного «взрыва» в качестве начала славянской жизни привело к тому, что древние племена оставались по сути дела вне поля зрения археологов-славистов. В частности, именно поэтому, вследствие широкого распространения марровских положений, до сих пор остаются до конца не разъясненными скифо-славянские отношения и связи. Н. Я. Марр и его последователи ошибочно полагали, что в скифское время славян еще не было и что при последующем «взрыве» скифы, наряду с фракийцами, сарматами и другими племенами, явились предками славян. В более северных областях предками славян были объявлены все жившие там в древности племена. Признание всепобеждающей, по существу мистической, силы стадияльного «взрыва» делало излишним изучение древних племен. Зачем нужно было изучать их этнические особенности, если последующий «взрыв» приводил к их уничтожению и образованию новых этнических особенностей, не похожих на старые!

В настоящее время, когда вульгарно-материалистические пороки «учения» Марра и его последователей, разъясненные в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», стали вполне очевидными не только в лингвистике, но и в археологии, перед археологами-славистами встали большие задачи в области изучения этнических процессов в далеком прошлом. Ведь славяне, или протославяне, существовали не только в скифские времена, но и значительно раньше. Задачи эти не могут быть разрешены без значительных полевых исследований. Большую роль должны сыграть археологические работы, ведущиеся в Среднем Поднепровье и Поднестровье советскими археологами. В настоящей краткой статье освещены некоторые предварительные итоги работ Славянской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, изучающей раннеславянские памятники в области обитания северных восточнославянских племен.

В области Верхнего Поднепровья и по ее периферии Славянская экспедиция ИИМК АН СССР, поставившая своей главной задачей выявление и изучение памятников раннеславянской культуры, начала работать с 1951 г. В первый же год работ, когда были осмотрены древние городища на правом берегу Днепра от Могилева до устья Припяти и по берегам Припяти, в среднем и нижнем ее течении, выяснилось, что городища и поля погребений относятся здесь к большому промежутку времени. Древнейшие из городищ следует датировать серединой I тысячелетия до н. э., позднейшие — временем древней Руси. Одни, наиболее ранние из известных сейчас в Верхнем Поднепровье полей погребений также оказались очень древними, принадлежащими к середине I тысячелетия до н. э., другие, поздние — к последним векам до нашей эры.

Центральное место в работах экспедиции в 1951 и 1952 гг. заняло исследование группы раннеславянских памятников — городищ и «полей погребений» последних веков до нашей эры и начала нашей эры, культура которых представляет собой ближайшую аналогию зарубинецкой культуры Киевщины.

Значительные раскопки ведутся экспедицией на городище и на полях погребений у с. Чаплин Лоевского района Гомельской области. На городище, представляющем собой обычное для северных областей укрепление на мысу коренного берега, обнаружены остатки нескольких наземных жилищ столбовой конструкции, многочисленные ямы-погребка, орудия из железа, в том числе топоры-кельты и серпы, зернотерки, украшения из бронзы и изделия из глины. На полях погребений открыто более двадцати трупосожжений, сопровождаемых керамикой, железными и бронзовыми украшениями таких же форм, как на городище. Время городища и могильника определяется последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Особенно ярко выявляется в материалах раскопок земледельческий характер культуры обитателей городища. С зарубинецкой культурой ее сближают керамика (широкие ребристые миски, сосудики с ручками и высокие горшки с выложенной поверхностью, сделанные без помощи гончарного круга) и украшения, прежде всего железные и бронзовые фибулы латенских типов.

Аналогичный материал получен во время раскопок в 15 км ниже Чаплинского городища на городище у с. Мохов, где открыты остатки небольшого наземного жилища столбовой конструкции с очагом, расположенным в специальном углублении, примыкающем к одному из углов постройки.

Как и на зарубинецких поселениях Киевщины, керамический материал Чаплинского и Моховского городищ состоял из двух не похожих одна на другую групп глиняной посуды. Одну из них составляла лощеная (черная или коричнево-серая) посуда зарубинецких типов, другую — грубые лепные горшки разной величины, имеющие обычно по обрезу венчика или по плечикам несложную орнаментацию в виде ямочных вдавлений, насечек и «защипов». Керамика эта несколько отличается от грубой посуды зарубинецких поселений Среднего Поднепровья и напоминает посуду юхновских городищ бассейна Десны. Обе группы керамики безусловно синхроничны, что доказывается нахождением той и другой в очагах жилищ, а также в захоронениях принадлежащего населению городища поля погребений.

Кроме городищ и полей погребений последних веков до нашей эры, на этой же территории оказались городища и более раннего времени, повидимому середины первого тысячелетия до нашей эры. На двух из них, находящихся у с. Горошков и с. Милограды, сотрудниками экспедиции О. Н. Мельниковской и Ю. В. Кухаренко были произведены в 1952 г. небольшие раскопки.

В итоге работ установлено, что между этими городищами и городищами последних веков до нашей эры имеется непосредственная генетическая связь, о чем свидетельствует весь облик материальной культуры тех и других па-

мятников, сохраняющий свои специфические черты. В верхних слоях Горошковского и Милоградского городищ выявлен материал, характерный и для Чаплинского. Материал основных наслоений древних городищ — грубая лепная керамика, прясла с узорами, глиняные фигурные изделия — близок тому, что найдено на Чаплинском и Моховском городищах. На древних городищах нет лишь лощеной посуды, а грубые сосуды имеют несколько иные формы. Встреченные здесь остатки столбовых наземных жилищ не отличаются от жилищ Чаплинского и Моховского городищ. Среди материала Чаплинского городища и могильника обнаружены отдельные экземпляры посуды, характерной для основных слоев более древних городищ.

Среди керамического материала Горошковского и Милоградского городищ, представленного грубыми лепными горшками обычной формы, обращают на себя внимание сосуды с уплощенным или круглым и яйцевидным дном, по другим признакам не отличающиеся от остальной керамики. Несколько фрагментов таких сосудов было найдено и на Чаплинском городище. Несомненно, мы имеем здесь дело с весьма древней, доживающей свой век формой.

Ближайшей аналогией является круглодонная посуда из некоторых погребений, исследованных в Житомирском и Киевском Полесье и относящихся к эпохе поздней бронзы, т. е. к началу I тысячелетия до н. э. Они рассматриваются обычно — и это, повидимому, вполне справедливо — как наиболее поздний вариант среднеднепровской и воынской культур эпохи бронзы. Прежде всего мы имеем в виду материалы из раскопок С. С. Гамченко, к сожалению, до сих пор оставшиеся неопубликованными.

Среднеднепровская, воынская и другие близкие им культуры III—II тысячелетий до н. э., локализовавшиеся в лесостепных областях между Днестром и верховьями Днестра, а также в бассейне рек Вислы и Одера, рассматриваются в археологической литературе в качестве древнейших выявленных в настоящее время следов пребывания славянских или протославянских (балтославянских) племен. Предполагается, что в течение II тысячелетия до н. э. эти скотоводческие племена значительно расширили зону своего обитания, передвинувшись в области, занятые ранее другим, совсем не похожим на них населением, — в бассейн Верхнего Днестра, на Десну, в Верхнее Поволжье (фатьяновская культура) и в юго-восточную Прибалтику. Если на Волге и в некоторых районах Прибалтики эти племена были уничтожены или ассимилированы местным протофинноугорским населением, то в бассейне Верхнего Днестра они не только удержались, но и явно взяли верх над местным населением. Начиная с II тысячелетия до н. э. обитатели бассейна Верхнего Днестра по облику материальной культуры резко отличались от населения бассейна Волги и более северных областей.

В середине I тысячелетия до н. э., когда в Поволжье и на севере развилась хорошо известная археологам культура городищ дьякова типа, в области Верхнего Поднепровья и по его периферии на основе местных культур эпохи бронзы, восходящих к среднеднепровской культуре, возникла культура типа Горошковского и Милоградского городищ на Днестре, юхновских на Десне, Гремячего и Свинуховского в верховьях Оки. Впоследствии из этой культуры вырастает культура типа Чаплинского и Моховского городищ, т. е. вариант зарубинецкой, а в более северных районах в несколько более позднее время — культура северных восточнославянских племен, известная по Мощинскому и другим близким ему городищам, по верхнеокским курганам типа Иваньково—Почепок, по длинным курганам и пр.

В материалах Чаплинского, Моховского и более древних Горошковского и Милоградского городищ, кроме круглодонной посуды, можно отметить еще один интересный элемент, подтверждающий высказанную выше мысль о развитии культуры верхнеднепровских городищ на основе культуры среднеднепровского типа. По археологическим и этнографическим данным

хорошо известно, что нередко очень устойчивым этническим признаком является орнамент. Среди материалов с городищ имеется большое число орнаментированных глиняных изделий, похожих на пряслица, устойчивой своеобразной формы. Беглого взгляда на их орнамент достаточно для того, чтобы вспомнить зональную геометрическую орнаментацию сосудов среднеднепровской культуры. Это наше наблюдение приобрело еще больший интерес, когда выяснилось, что на более древних городищах некоторые пряслица имели форму и облик круглодонных сосудов. Эти пряслица, в отличие от более простых, неорнаментированных, вряд ли служили грузиками для веретен. Они заставляют вспомнить маленькие глиняные сосудики votivного характера, которые в изобилии встречаются на украинских Белоградцевских зольниках.

Работы Славянской экспедиции по исследованию раннеславянских памятников Верхнего Поднепровья будут продолжаться в течение ряда лет. Помимо дальнейшего изучения приведенных выше двух групп древних городищ и полей погребений, нашей задачей является изучение славянских памятников, относящихся к началу и середине I тысячелетия н. э. В пределах Гомельской области, где расположены Чаплинское, Моховское, Горошковское, Милоградское и несколько других аналогичных им городищ, эти памятники пока не обнаружены. Жизнь на Чаплинском городище продолжалась, видимо, до первых веков нашей эры, о чем свидетельствует найденный в одном из жилищ крупный обломок сосуда черняховского типа. Между периодом обитания Чаплинского городища и временем заселения расположенной здесь группы городищ эпохи древней Руси, в основании культурного слоя которых лежит керамика роменского типа, устанавливается промежуток не менее чем в 500 лет. Этот промежуток и должен быть заполнен в результате дальнейших работ.

Вместе с тем Славянская экспедиция должна расширить район своих работ на Днепре, распространив его на бассейн Припяти и на Смоленщину. Она будет поддерживать контакт с белорусскими археологами, изучающими древние городища в центральных и северо-западных областях Белорусской ССР.

А. П. СМЕРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ИИМК АН СССР НА НОВОСТРОЙКАХ

В связи с новостройками пятой пятилетки перед советскими археологами была поставлена задача сохранить для науки памятники культуры, расположенные в зоне или на территории строителъств.

Первоочередными задачами Института истории материальной культуры АН СССР являются археологические исследования в зоне строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС; кроме того, он принимает участие в работах Института археологии АН УССР в связи со строительством Каховской ГЭС.

Куйбышевская экспедиция в 1952 г. продолжала работы, начатые в 1950 г. Была охвачена территория Шигонского района Куйбышевской области, кончая нижним течением Камы и казанским течением Волги в пределах ТАССР. В общей сложности пятью отрядами исследовано 50 представляющих наибольшую научную ценность археологических памятников различного времени, от палеолита до позднего средневековья.

Первый отряд под руководством А. М. Ефимовой производил раскопки одного из замечательных памятников нашего прошлого — столицы государства волжских болгар Великие Болгары и других памятников различного времени, расположенных в районе Куйбышева Татарского и Тенишева. Большой научный интерес представляет урочище Ага-Базар, которое связывается, по преданию, с торжищем древних русов, приезжавших с торговыми целями к болгарам.

Второй отряд под руководством Н. Я. Мерперта производил раскопки курганов и стоянок в окрестностях с. Хрящевки Ставропольского района Куйбышевской области, а также исследовал галечники в урочище Тунгус на Волге, где снова были собраны кости четвертичных животных и каменные орудия, относящиеся к ашельско-мустьерскому времени. Основные работы проведены на двух памятниках эпохи бронзы на правом берегу и левобережном Шейкинских поселениях, где вскрыта площадь около 3000 м² при глубине культурного слоя 0,8—1,5 м. Кроме того, отрядом раскопано пять курганов общей площадью 1959 м.²

Третий отряд под руководством А. Е. Алиховой производил раскопки памятников эпохи бронзы по нижнему течению р. Усы, от дер. Комаровки и ниже, до устья.

Четвертый отряд, руководимый А. В. Эбруевой, произвел работы по изучению археологических памятников по правому и левому берегам нижней Камы и по нижнему течению Вятки. Были исследованы памятники X—XIII вв., расположенные на склонах оврагов, выходящих устьем к Каме или ее притокам, в том числе поселения, связанные с городищем Керменчук, известным восточным авторам и русскому летописцу

и разрушенным монголами в 1236 г. Особый интерес представляет железяная яма, раскопанная на одном из этих поселений близ дер. Рагозин.

Пятый отряд под руководством заслуженного деятеля науки ТАССР Н. Ф. Калинина работал в казанском Поволжье. Раскопано 20 археологических памятников, главным образом конца эпохи бронзы. В 1952 г. почти полностью закончены работы на территории казанского Поволжья, где остались неизученными только памятники самой Казани и части пригородов. Полностью закончена фиксация местонахождений на нижней Каме и на значительной площади Куйбышевской области.

Наиболее древние следы деятельности человека, относящиеся к эпохе среднего палеолита, исследованы в урочище Тунгус, где в прошлые годы были обнаружены каменные орудия ашельско-мустьерского типа, а также остатки четвертичной фауны. Найдены ручные рубила древних типов, скребла, отщепы и остатки костей мамонта.

Много внимания всеми пятью отрядами экспедиции было уделено изучению памятников эпохи бронзы. Эта эпоха была в Поволжье временем сложения и развития патриархальных отношений, временем формирования больших культурных общностей. Изучение этих вопросов — важная задача советской исторической науки. Без ее разрешения немыслимо создание марксистской истории народов Поволжья. Мы никогда не поймем истории сложения казанских татар, чувашей, удмуртов, мордвы, мари, если не изучим все вопросы, связанные со срубной, абашевской и андроновской культурами. Мы должны твердо помнить, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный, с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем... За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства...»¹

Среднее Поволжье интересно тем, что на его территории соприкасаются границы различных племенных групп. Благодаря взаимосвязи этих племен, здесь создан ряд культурных вариантов. На территории Поволжья встречаются элементы культур разноразличных народов: и финно-угорских, и племен, населявших южную Сибирь и Приуралье.

Раскапывая памятники эпохи бронзы, экспедиция имела возможность выяснить своеобразие культур племен, населявших обширную обследованную территорию, и в настоящее время можно с большой долей вероятности наметить районы обитания отдельных племен того времени. Наиболее южный наметился по р. Усе, где были раскопаны стоянки у озера Моечного в районе дер. Комаровки, а также вскрыты курган и стоянки той же культуры у дер. Актуши. Здесь, в культурном слое мощностью до 1,4 м, встречались керамика и орудия труда. Особо интересны бронзовые топорик, нож и крюк, свидетельствующие о высоком техническом уровне мастерства местных литейщиков, работавших, повидимому, на привозном сырье. Керамика представлена обломками плоскодонной посуды, украшенной в верхней части разнообразным орнаментом, чаще всего грубой гребенкой. На некоторых сосудах встречается накладной валик, характерный для самого конца II—начала I тысячелетия до н. э. Встречены также украшения из белой пасты.

Аналогичный материал найден и на поселении у дер. Актуши.

В 4 км к юго-востоку от Комаровки раскопан на снос курган, расположенный в группе из восьми курганов. Три из них вскрыты еще в 1938 г. сотрудником ИИМК АН СССР Г. П. Гроздиловым, причем открыты захоронения в срубах, обычные для позднесрубной культуры.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951, стр. 26—27.

Раскопанный экспедицией курган, диаметром около 30 м, высотой около 2,5 м, содержал погребения разного времени, от эпохи бронзы до эпохи железа.

Большой интерес представляет находка в ненарушенном культурном слое на стоянке у озера Моечного небольших обломков железных вещей. Нет основания считать их новыми, попавшими позднее, так как культурный слой нигде не нарушен. В таких же условиях такие же находки сделаны и севернее, в стоянках близ Казани (Карташиха № 1, Карташиха № 2, Займище 2), где в ненарушенном культурном слое обнаружены мелкие обломки железных вещей. Самый факт находки железа в поселениях конца II—начала I тысячелетия до н. э. заслуживает внимания. Еще в 1936 г. Институтом антропологии и этнографии АН СССР совместно с Воронежским музеем было исследовано древнее поселение предскифского времени, расположенное близ самого Воронежа, на левом берегу реки того же названия. При раскопках встречена керамика срубной культуры, т. е. керамика, по типу близкая найденной на указанных выше стоянках. На Воронежской стоянке в числе других находок встречены шлаки. Часть из них — остатки меднолитейного производства, часть — железные, полученные при кричном процессе выработки железа, с содержанием 5,1% закиси и 64,2% окиси железа¹.

Собранный материал позволяет ставить вопрос о более раннем распространении железа, чем это предполагалось до настоящего времени. Во всяком случае XI—X вв. до н. э. могут считаться временем появления железных орудий в Восточной Европе.

Следующий район, где изучались памятники эпохи бронзы, это устье р. Черемшана близ дер. Хрящевки Ставропольского района Куйбышевской области. В 1952 г. здесь было исследовано два поселения эпохи бронзы и раскопано пять курганов с 67 погребениями, из которых 66 относятся ко времени бронзы. Большая часть погребений ничем не отличается от обычных захоронений срубно-хвалынской культуры.

Особо следует выделить большую группу захоронений на правом боку, с сосудом, находящимся за головой. Такие погребения характерны для более северных районов. Не исключается возможность, что отмеченная нами группа погребений принадлежит представителям более северных племен, проникших на эту территорию.

В некоторых отдельных случаях отмечено, что кости сваливались в могильную яму в полном беспорядке. Этот прием захоронения характерен для некоторых погребений более северных районов и наблюдался, в частности, в южной Чувашии. Там вторичные захоронения были открыты в Байбатыревских курганах и в Абашевском могильнике. Подобный же обряд установлен и для нижней Камы, где в Ананьинском могильнике встречены погребения костей, лишенных мышечной ткани.

Интересно одно из погребений длинного кургана. В нем обнаружены прекрасной сохранности череп и конечности, лежащие в порядке, характерном для скорченного захоронения. Позвонки, таз, лопатки отсутствовали. В другом погребении не было черепа, все остальные кости сохранились очень хорошо. Такие расчлененные погребения часто встречаются в тех же северных районах, у племен абашевской и ананьинской культур.

Орнаментация некоторых сосудов из раскопанных курганов, характерная для керамики срубной культуры, близка абашевской. Эти своеобразные черты не позволяют отнести исследованную нами курганную группу к числу классических памятников срубной культуры и заставляют выделить особый район их распространения, занятый, очевидно, отдельным племенем. Такое своеобразие объясняется местоположением памятников на пограничной с абашевцами территории.

¹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Л.—М., 1941, стр. 157, 160.

Судя по обряду погребения, по вещам, в числе которых имеются и аналогичные абашевским, и по височным привескам, напоминающим украшения этого рода из могильника Фаскау на Северном Кавказе, все раскопанные курганы хрящевской группы можно датировать последними столетиями II тысячелетия до н. э.

Большого внимания заслуживают поселки. Оба они занимали высокие обрывистые берега реки, ограничивающей их с трех сторон, а с напольной стороны были защищены неглубокими, ныне почти целиком запывшими рвами. Характер расположения поселков свидетельствует о больших межплеменных противоречиях, о возросшем накоплении богатств внутри родовых групп, что заставляло принимать меры к защите имущества на случай нападения. Рвы, открытые вокруг поселений, у с. Хрящевки относятся к древнейшим укреплениям Восточной Европы. Они, так же как и материал, характеризующий производительные силы, свидетельствуют о высоком развитии общества на том этапе, когда возникают грабительские войны, о которых говорил Энгельс, характеризуя последнюю стадию развития первобытного общества.

Поселки раскапывались большими площадями. Вскрыто в общей сложности более 3000 м²; обнаружено, что культурные напластования нигде не нарушены и состоят из одного слоя.

Значительную часть левобережного поселка занимала большая землянка, вернее полуземлянка, глубиной до 1,2 м, площадью 150 м². На дне ее расчищены ямы от столбов покрытия и стен. Кровля была перекрыта слоем дерна, четко прослеженным на профилях культурного слоя в центре раскопа. Расположение столбов на площади котлована позволило Н. Я. Мерперту реконструировать облик жилища. Оно представляло собой полуземлянку длиной 16 м, шириной 9 м, со стенами из вертикальных бревен, поставленных с промежутками и закрытых плетнем.

Интересны погреба для хранения продуктов. Недалеко от входа в землянку, с южной стороны, расположен погреб в виде ямы цилиндрической формы (диаметром около 1 м, глубиной до 4 м), куда на веревках спускались сосуды с пищей. Дно ямы было выложено деревом и ветвями. На дне стояли сосуды, валялись кости домашних животных, среди которых обнаружен целый скелет поросенка.

На поселке в правобережье открыта аналогичная полуземлянка с очагом в центре и с подобным же погребом глубиной 5 м. Такие погреба стали известны впервые в результате исследований Н. Я. Мерперта. Они свидетельствуют о высокой культуре хранения мясных запасов.

Археологические находки позволяют восстановить картину хозяйства населения, обитавшего в исследованных домах. Огромный остеологический материал, собранный при раскопках, позволяет говорить о скотоводстве как основном занятии населения. Соотношение костей различных видов животных в полной мере согласуется с данными прежних наблюдений археологов по скотоводческому хозяйству у населения Поволжья эпохи бронзы. Нельзя не отметить, что лошадь разводилась тогда не только ради мяса, но использовалась также в качестве транспортного животного, что подтверждается находкой в поселке костяных псалий.

Значительный удельный вес в хозяйстве имело мотыжное земледелие, о чем можно судить по находке небольшой зернотерки. Жители Среднего Поволжья занимались охотой и рыболовством, на что указывают находки грузил и множество костей рыб, в частности щуки.

Обитатели землянки принадлежали к одной родовой группе, включавшей, судя по площади, около 150 человек.

Исследование поселений дало большой материал, позволяющий осветить хозяйство и общественные отношения, о которых свидетельствуют и материалы из раскопанных курганов, где были встречены не только погребения

старейшин, но и семейные, отражающие процесс распада рода. Наличие обрядов погребения, характерных для соседних областей, говорит о проникновении иноплеменников в местную этническую среду.

Все эти явления свойственны патриархальной стадии развития общества.

Анализ найденной керамики позволил выявить элементы, которые подтверждают принадлежность населения поселков к племенам срубной культуры. Нельзя не отметить, что ориентировка погребений в курганах — головой на запад — связывает племена Поволжья и с савроматами. Большую ценность представляет находка бронзового наконечника дротика листовидной формы с широким пером и длинной втулкой, который Н. Я. Мерперт относит к VII—VI вв. до н. э.

Таким образом, археологический материал, собранный вторым отрядом по группе памятников эпохи бронзы, дает основание судить об этническом составе населения Ставропольщины.

Третья группа памятников эпохи бронзы исследована в районе селения Болгары Куйбышевского района ТАССР. Здесь, к юго-западу от деревни, на протяжении 7 км открыты небольшие стоянки, одновременно исследованные отрядом Н. Я. Мерперта. Это стоянки близ Греческой палаты, в урочище Борки и у озера Степного. Собрано немного керамики и каменные орудия: долота, пластины, стрелы и отщепы. Весь материал, керамический и кремневый, аналогичен материалу стоянок казанского течения Волги и отличен от поселений, раскопанных близ Хрящевки.

Четвертая группа памятников эпохи бронзы — стоянки казанского течения Волги — раскопана А. Х. Халиковым под руководством Н. Ф. Калинина. В 1952 г. было исследовано 19 стоянок, относящихся к этому времени.

На 1 и 2-й Карташихинских и двух Займищенских стоянках исследованы жилища — полуземлянки, соединенные проходами. Размеры их в среднем достигают 100 м².

Большой научный интерес представляет жертвенное кострище, обнаруженное на одной из стоянок. Прослежены отдельные этапы его постепенного превращения из первоначально небольшого в огромное, достигавшее 5,5 м в диаметре. Кострище было окружено 18 небольшими очажками. В очажках найдены обломки костей животных и черепки сосудов. Открытое сооружение идентично жертвеннику, исследованному в 1951 г. на территории Балымской стоянки. А. Х. Халиков указал аналогии в ритуальных сооружениях удмуртов, мари и других финно-угорских народов. Такие же жертвенные места известны и у русских славян, примером чего может служить жертвенник, открытый близ Новгорода экспедицией ИИМК под руководством А. В. Арциховского.

Исследования приказанских стоянок, проведенные за последние годы, особенно раскопки на 19 стоянках в 1952 г., дали огромный материал, позволяющий всесторонне охарактеризовать исторический процесс, протекавший здесь в эпоху бронзы. Общество, которому принадлежали поселения, стояло на сравнительно высокой ступени развития. Основой хозяйства было скотоводство и мотыжное земледелие. Значительный удельный вес имели охота и рыболовство. Люди жили еще родовыми коллективами, ведя общее хозяйство, о чем свидетельствуют размеры жилища.

Раскопки дали большой материал, подтвердивший выводы о генетической связи ананьинской культуры эпохи раннего железа с материальной культурой на исследованных стоянках. Эта связь чувствуется и в кремневом инвентаре, а главным образом в керамике. На стоянках обнаружена керамика с текстильным, веревочным и ямочным орнаментом, из которых два последних вида характерны для орнаментации посуды ананьинской культуры. Вырабатывается и круглодонная посуда, которая господствует на следующей стадии в ананьинскую эпоху. Повидимому, круглодонная посуда первоначально попала сюда в связи с проникновением племен — носителей

абашевской культуры. Новые данные о проникновении абашевской и срубной культур на территорию казанского Поволжья облегчают решение вопросов, связанных со сложным процессом этногенеза народов Поволжья. Доказано, что ананьинская культура принадлежит угро-финским народам и характеризует одну из ранних стадий их истории. Это положение позволяет утверждать, что и приказанские стоянки, исследованные отрядом Н. Ф. Калинина, точно так же принадлежат угро-финским племенам.

Значительных успехов добилась экспедиция в изучении средневековых памятников. Большой интерес представляет болгарское погребение. В насыпи одного из курганов эпохи бронзы у с. Хрящевки найдено вводное погребение с вещами, в числе которых — подвески и бусы, характерные для салтовской культуры. Это позволяет отнести открытое погребение к VIII—IX вв. и видеть в нем один из ранних памятников, связанных с появлением болгарских племен в Поволжье. Вновь найденное погребение и материалы Тарханского могильника, исследованного Н. Ф. Калининым в 1950 г., еще раз подчеркивают роль салтовской культуры в формировании болгар, в частности волжских болгар.

Интересно изученное на озере Рубленом большое поселение — деревня XIV в., принадлежавшая, повидимому, древней мордве. Она занимает площадь около 3500 м².

Поселение датируется достаточно точно находками керамики красного цвета и некоторого количества желтой, т. е. дает комплекс, характерный для XIV в. Другая древнемордовская деревня такого же типа, площадью около 2500 м², обследована близ Березовки того же района по нижнему течению р. Усы. Раскопки дали разнообразный материал. Найдены обломки жерновов, лепная и гончарная керамика, рыболовные грузила. Особый интерес представляет равноконечный шиферный крест типа, широко распространенного в русских древностях домонгольского периода. Этот предмет и найденный в прошлом году бронзовый энколпион начала XIII в. позволяют говорить о проживании русов на Волге в XII—XIII вв. и объясняют глубокое влияние русской культуры на древнюю мордву.

На этом же поселении вскрыт могильник, в котором на площади около 25 м² было открыто 40 погребений.

Обе деревни характеризуются значительной толщиной культурного слоя, что дает основание для заключения о сравнительно развитой системе земледелия, исключающей необходимость смены места поселения в связи с переменной пахотных участков.

Большие работы были проведены по дальнейшему изучению развалин столицы государства волжских болгар. Здесь, под горой, на уровне первой заливной террасы, вскрыто около 1300 м² при глубине культурного слоя до 4,5 м. Раскопками открыты одновременные культурные напластования, начиная от X в. и кончая современностью. Из числа находок особый интерес представляет литейная форма для отливки широких пластинчатых браслетов киевского типа. Форма приготовлена из опоки, на которой вырезан углубленный орнамент в виде пальметки, включенной в широкий гладкий квадрат. С одной стороны формы сохранились вырезки для скобочек, через которые продевался стержень. Сохранилось и углубление для стержня. Подобные формочки были обнаружены и в Киеве.

Болгарская литейная форма — памятник, свидетельствующий о проживании в городе русских ремесленников. По аналогии с русскими вещами этого типа, а также орнаменту находка датируется домонгольским временем, концом XII—началом XIII в.

Нижние горизонты культурного слоя мало насыщены находками. Это показывает, что подгорные районы принадлежали к числу мало заселенных частей города. Есть все основания полагать, что в домонгольский период г. Болгар в экономическом отношении уступал таким городам, как Биляр

или Сувар, где культурные напластования домонгольского периода весьма мощны и богато насыщены различными культурными остатками.

Обнаружена яма с человеческими скелетами — памятник событий 1236 г. Это естественное углубление, куда при приведении города в порядок после разрушения его монголами были сброшены трупы убитых. Они были засыпаны пестроцветом, близким домонгольскому. Таким образом, условия нахождения костяков на поверхности домонгольского слоя, засыпанных домонгольским культурным слоем, позволяют довольно точно датировать находку временем батыева погрома 1236 г. Этот памятник служит как бы иллюстрацией к словам русской летописи, правдиво изобразившей страшную картину монгольского погрома: «В лето 6744... осени приидоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славный Великий город Болгарьский и избиша оружием от стрца и до унаго и до сущаго младенца и взяша товара множество, а город их позгоша огнем и всю землю их плениша»¹.

После разрушения города монгольская армия ушла; оставшиеся в живых жители вернулись на развалины и стали восстанавливать город. Однако прошло немало времени, прежде чем он снова стал крупным торговым и ремесленным центром Поволжья.

При вскрытии культурного слоя обнаружено более 20 домов, в подавляющем большинстве рубленных из соснового дерева. Как и в прошлые годы, это постройки 3 × 3 м, 6 × 9 м. Интересно, что в ряде подполий найдены конские черепа, положенные в качестве берегов. Этот обычай неоднократно наблюдался в болгарских домах. Иногда конские черепа клались в специальные углубления и сверху прикрывались камнями. Средняя глубина подполий около 1 м. Открыто и несколько колодцев.

В 1952 г. были закончены работы по изучению ряжей и дренажного канала, укреплявших берег р. Меленки в XIV в. н. э.

Большой интерес представляет исследование района гончарных мастерских, расположенных в заречной части городища. Здесь вскрыто четыре горна, три одноярусных и один двухъярусный.

Горны относятся ко времени не ранее половины XIV в., но существовали, судя по стратиграфии культурного слоя, не одновременно. Рядом с горнами открыты развалины деревянных домов, повидимому принадлежавших гончарам. Здесь были найдены штампы для нанесения орнамента, глиняные матрицы для лепки посуды с рельефным орнаментом и куски минеральной краски, служившей для окраски некоторых сосудов. Все материалы показывают теснейшую связь с культурой последующего Казанского ханства.

За последнее время возрождается старая точка зрения — о связи Казанского ханства с Золотой Ордой, а не с волжской Болгарией. Эта точка зрения строится на анализе истории господствующей верхушки Казанского ханства, действительно свергнувшей местную болгарскую феодальную знать и захватившей власть в Казани, что определило на значительное время антимосковскую политику. Однако это обстоятельство не позволяет разорвать историю народа эпохи болгарского царства и Казанского ханства. Это — один и тот же народ на разных этапах его развития.

Большое внимание уделила экспедиция исследованию урочища Ага-Базар, которое считается пристанью города Великие Болгары. Основанием для такого суждения явилось одно место в записке Ибн-Фадлана, где он говорит о русах, приезжавших в город Болгары с торговыми целями. Урочище Ага-Базар расположено у устья р. Меленки, в 7 км от Болгар, на берегу залива Волги. Весьма возможно, что Ага-Базар являлся пригородом Болгара. Время его существования определяется довольно точно: к X. в. он уже существовал, на что указывают находки керамики саркельского типа

¹ ПСРЛ, т. I, 1846, стр. 196.

и комплекс посуды из V слоя, в котором основное место занимает керамика слабого обжига, лепная, красная же составляет только около 20% общего числа находок. Последнюю дату существования Ага-Базара дают монеты начала XV в. (1409 г.). Время прекращения жизни на Ага-Базаре совпадает с датой гибели города Великие Болгары.

В результате раскопок получен большой и интересный материал, характеризующий и этнический состав населения города и освещающий вопрос о происхождении культуры волжских болгар.

Хотелось бы отметить еще одну черту, на которую обращали внимание только вскользь. Это славянский характер культуры болгар, пришедших из Приазовья. Это подчеркивается находкой в урочище Ага-Базар древнеславянской керамики того типа, который встречается в нижнем слое Цимлянского городища и свидетельствует о славянском элементе в Хазарии; становится понятным и замечание Ибн-Фадлана о царе славян при описании им волжских болгар.

Работы 1952 г. дали историкам, изучающим древний мир и средневековые, большой материал для уточнения древней этнической карты. Есть все основания полагать, что стоянки Казанского Поволжья принадлежали угро-финнам, на основе культуры которых позднее развились такие культуры, как ананьинская и пьяноборская, принадлежавшие племенам — предкам мари и удмуртов. Достаточно ясно выступает и роль славян в формировании культуры народов Поволжья.

Одновременно получен большой материал, показывающий, что срубная культура в Среднем Поволжье, распространенная на территории к югу от р. Утки, принадлежит различным савроматским племенам.

Раскопки 1952 г. дали материал, позволяющий судить о характере производительных сил феодальной деревни X—XIV вв. и города.

Большие работы были проведены Сталинградской экспедицией, состоящей из четырех отрядов. Наиболее ранним памятником является мустьерская стоянка, исследованная на правом берегу Волги С. Н. Замятниным. Этот памятник, как и местонахождения, открытые на средней Волге Куйбышевской экспедицией, свидетельствует о глубокой древности появления человека на Волге.

— Значительные работы осуществлены отрядом И. В. Сеницына¹. В его задачу входило проведение раскопочных работ на территории завожских степей, где археологические исследования были организованы впервые. Здесь выявлены многочисленные памятники, в большинстве случаев курганные группы или отдельные насыпи. Обследование показало, что курганы группируются в местах, имеющих водные источники и богатые пастбища. Густо заселенной оказалась территория левобережной Волго-Ахтубинской полосы, в районе Ленинска и других приволжских пунктов. В степной части наиболее заселенными районами оказались побережье озера Бектуль, Арал-Сар, междуречье Узень и Кушума. В безводной пустынной степи, особенно на участке между Кушумом и Уралом, совершенно нет признаков древних памятников. Лишь с приближением к Уралу, в районе с. Калмыкова, снова появляются курганы вдоль береговой полосы р. Урал.

Материал, полученный в процессе исследования древних поселений степной части Заволжья, представляет собой комплекс микролитических орудий и разнообразной керамики, характерной для древнейших этапов истории степного Заволжья.

Большие работы проведены в низовьях Еруслана. Здесь были подвергнуты раскопкам I и II Бережновские курганные могильники. На первом из них, исследованном полностью, вскрыто около 200 разновременных погребений, во втором — восемь курганов.

¹ См. подробнее в статье И. В. Сеницына в настоящем выпуске.

За три месяца работы отрядом экспедиции раскопано 75 курганов эпохи бронзы и несколько поселений. На одном из них, около I Бережновского могильника, обнаружена керамика, типичная для курганных погребений позднесрубной культуры Нижнего Поволжья. В числе интересных находок следует отметить литейные формы, а также мелкие обломки слитков меди.

Курганные погребения могут быть разбиты на три группы: погребения эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и кочевников IX—XV вв. Изучение особенностей погребального ритуала и стратиграфические наблюдения позволяют установить хронологическую последовательность открытых памятников.

Наиболее ранними были погребения древнеямной культуры, в могилах квадратной или округлой формы. Отличительная черта — обряд положения на спине, причем ноги согнуты коленями вверх, голова ориентированна на восток или северо-восток. Скелеты посыпаны красной краской. В позднеямных погребениях отмечаются некоторые изменения ритуала и появление плоскодонных горшков с характерным зубчатым орнаментом. Могильный инвентарь имеет много общих черт с памятниками катакомбной культуры, открытыми здесь же, в низовьях Еруслана.

Положительным итогом работы, по мнению И. В. Сеницына, является открытие в Заволжье погребений катакомбной культуры. В Бережновских могильниках открыты катакомбные погребения, в которых встречены ярко выраженные деформированные черепа. По характеру устройства могил погребения разделяются на два типа — в катакомбах и в овальных ямах. Покойники клались на спине, с вытянутыми руками и с согнутыми вверх ногами и скорченно на левом боку. Ориентировка — на восток или северо-восток. Могильный инвентарь состоял главным образом из плоскодонных сосудов с отогнутой шейкой, с поверхностью, сплошь покрытой орнаментом. Интересны находки каменных и медных бус, а также височных колец.

Особо следует указать на небольшую группу погребений позднесарматского времени. Характерным признаком этой группы является устройство могил с подбоем. Черепа погребенных (во всех случаях) были деформированы.

Последней по времени группой памятников являются погребения поздних кочевников XI—XII вв. и периода Золотой Орды.

Большие работы проведены вторым отрядом (начальник К. Ф. Смирнов), на левом берегу Волги, в зоне Сталинградского водохранилища. У села Политотдельского и поселка Иловатки раскопано 12 курганов, давших более 60 погребений. Наиболее древние из них относятся к ямной культуре¹.

Отрядом открыты совершенно новые для Поволжья погребения одних лошадей (без человека) в курганах у поселка Иловатки. В одном кургане этого типа обнаружена большая площадка обожженной земли с золой, углями и деревянными обуглившимися плахами. Возможно, что здесь были и человеческие трупосожжения. Курганы, судя по находке удила с железными псаллиями, относятся к X—XI вв. Курганы с кострищами были известны и раньше в Поволжье, но характер кострищ и находок, по мнению К. Ф. Смирнова, там иной. К. Ф. Смирнов полагает, что эти курганы были оставлены тюркскими племенами, каковыми могли быть печенеги, для которых характерны и погребения одних коней и трупосожжения, на что указывают Идриси и Абульфеда. Трупосожжения представляют несомненно большой интерес, но вопрос об этнической принадлежности этих захоронений не может быть решен так безапелляционно. Напомним, что в эту эпоху в Прикаспии исторические источники упоминают славян, а для последних характерны и курганы с трупосожжениями и захоронения коней без людей. При

¹ Подробнее о результатах раскопок см. статью К. Ф. Смирнова в настоящем выпуске.

решении данного вопроса необходимо тщательно сравнить полученные данные с материалом славянских трупосожжений.

Отряд В. П. Шилова работал в левобережной приволжской полосе, между с. Быково и р. Ахтубой; им обследован участок протяженностью свыше 100 км. Эта территория довольно обильна курганами, из числа которых раскопаны насыпи близ сел Калиновки, Быкова и Новоникольского. У с. Калиновки вскрыто 16 курганов со 136 разновременными погребениями, начиная от эпохи бронзы и кончая захоронениями поздних кочевников. Наиболее интересно погребение литейщика: в кургане найдены две глиняные формы для литья вислообушных топоров, одна форма для литья клиновидных топоров, три глиняные льячки, четыре орнаментированных сопла и кальцинированные кости, служившие мастеру в качестве флюса.

Большие работы проведены Институтом истории материальной культуры совместно с Институтом археологии АН Украинской ССР. Они велись в зоне строительства Каховской ГЭС и Молочанского водохранилища. Одним из объектов было Каменское городище у пос. Каменки Запорожской области, исследованное под руководством Б. Н. Гракова. Городище является важнейшим памятником эпохи расцвета степной скифской культуры и может быть связано рядом данных со знаменитыми царскими степными курганами IV—III вв. до н. э. Работы развернулись в юго-западной части дюнного поля, так называемого Каменские кучугуры, вдоль Гирл-Белозерского лимана. Здесь восемью раскопами была вскрыта значительная площадь. Обнаружены следы так называемых столбовых скифских жилищ. Интересны остатки многокомнатного строения с несколькими глинобитными очагами на полу. При раскопках его был получен большой археологический материал. Это здание, вытянутой формы с округленными углами, представляет собою наиболее полный образец скифского многокомнатного жилого строения площадью около 200 м².

Интересны находки из восьмого раскопа, где обнаружено много отходов металлургического производства, железные и медные шлаки, пробойники. Весь материал достаточно ясно показывает, что металлургия была основным занятием населения этого города, единственного ремесленно-торгового укрепленного поселка на всем Нижнем Днепре в эпоху расцвета культуры степных скифов. Ремесленники города получали в обмен на свою продукцию немало импортных греческих продуктов, прежде всего вина и оливкового масла, ввозившихся сюда в амфорах. Найдено довольно много образцов греческой чернолаковой посуды. Особо интересен браслет, представляющий собой прекрасный образец вещей, выполненных в так называемом «зверином стиле». На концах браслета тщательно выгравированы львиные головки. Из числа уникальных предметов следует отметить перстень с изображением журавля, навкратийское навершие в виде мужской головы и бусы — прекрасные образцы древнегреческих изделий.

Большой материал дали раскопки для изучения приемов строительного дела скифов. Глубокие канавы ограничивают дом и его отдельные комнаты. Стены строились из вертикальных столбов. Дома имели в плане либо овал, либо четырехугольник.

Начало IV в. до н. э. было временем расцвета скифской культуры на Нижнем Днепре. Отсюда греческие купцы вывозили значительную часть хлеба. В результате развития этой торговли богатела скифская аристократия, богатые погребения которой известны уже давно. Однако до раскопок Каменского городища не были известны ни жизнь скифских ремесленников, ни самые ремесла, особенно металлургия. Раскопки последних лет, в особенности в 1952 г., дали ответ на многие вопросы.

Значительные работы были проведены Б. Н. Граковым и на акрополе Каменского городища. Собран большой материал для характеристики скиф-

ской культуры более позднего времени и важный для понимания многих вопросов, связанных со сменой скифов славянским населением.

Под средневековыми слоями в скифских горизонтах были открыты остатки домостроительства, вымостки, мощеные дворики. Стены многих каменных зданий складывались из блоков и рваного камня. Остатки черепицы свидетельствуют о заимствовании видов греческого перекрытия. В 1952 г. на акрополе найдены образцы дорогой импортной керамики, в том числе чернолаковой аттической и малоазийской и так называемых мегарских чаш с изображением скачущих на колесницах эротов. Весь материал заставляет предполагать, что эта территория города принадлежала аристократической и военной части населения. С сокращением Каменского поселения до пределов акрополя во II в. до н. э. социальный характер самого поселка, конечно, изменился, о чем свидетельствует появление землянок.

Со времени исчезновения поселения на кучугурах и сосредоточения всей жизни в пределах акрополя продолжалось развитие скифской культуры, о чем можно судить по находкам предметов быта, в частности керамики. Однако наряду с этим появляются новые формы, связанные с проникновением керамики корчеватовских типов.

Большой интерес представляет землянка необычного для Каменского городища типа. Б. Н. Граков считает, что это сооружение также результат влияния элементов раннеславянской культуры. Землянка и обнаруженная в ней печь близки жилищам, относимым к черняховской культуре, памятники которой появляются на Нижнем Днепре в III в. н. э.

Заслуживает также упоминания селище у Знаменской пристани. В нижней части культурного слоя была найдена керамика эпохи бронзы, перекрытая скифским слоем V—IV вв. до н. э.

Очень интересен Каменский могильник, где вскрыто 69 погребений. Первая группа их относится к черняховской культуре. Погребения ориентированы на север; костяки лежали вытянуто; инвентарь составляли арбалетные фибулы подвязного типа, стеклянная синяя бусина и посуда лепная и сделанная на гончарном круге. Вторая группа погребений относится к более позднему времени и датируется VIII в. н. э.

Большие работы проведены у совхоза «Приднепровского» в пределах Херсонской области. Исследованы поселки первых веков нашей эры и эпохи бронзы, а также могильник, на котором встречены два вида погребений — трупосожжения и трупоположения. Среди последних отмечено одно особенно интересное. Покойник был положен в камеру из деревянных плах, на подставленные под туловище и концы ног сосуды (всего 11 сосудов). Скелет лежал на спине, головой на север. Найденный инвентарь позволяет отнести погребение к IV в. н. э.

И, наконец, экспедицией Б. Н. Гракова было исследовано Гавриловское городище, относящееся к позднескифской культуре. Б. Н. Граков считает, что насельниками городища были скифы, жившие здесь с более раннего времени.

Работами экспедиции установлено существование славянских памятников черняховского типа в степных районах Приднепровья. Это обстоятельство важно для определения путей и времени проникновения раннеславянского населения в степь и Причерноморье. Раскопки расширяют общее представление о материальной культуре раннеславянского населения. Для изучения материальной культуры черняховского типа важнейшим моментом является нахождение в погребениях точно датированной керамики.

Другой отряд этой экспедиции работал на территории Молочанского водохранилища. Раскопки велись в основном близ хут. Шевченко, города Большой Токмак и у с. Заможное. В курганах, исследованных отрядом, вскрыты погребения ямной культуры и более поздней катакомбной. В катакомбных погребениях костяки были или в скорченном, или в вытянутом

положении, в простых прямоугольных или овальных ямах и реже в катакомбах. Кроме керамики, найдено глиняное колесо и каменное навершие булавы. В насыпи одного из курганов обнаружено несколько сосудов срубной культуры, возможно, связанных с детскими погребениями. К более позднему времени относятся скифские, сарматские и средневековые погребения.

Интересный материал получен в результате исследования селища на берегу р. Чингула. Собранная керамика подтверждает существование тесных генетических связей культуры поздней бронзы этого района и культуры скифов нижнеднепровских степей.

Близ города Б. Токмак вскрыт скифский курган с глубокой могилой и подземной камерой в стене могильного входа. Судя по находке стрел и копья, погребение принадлежало воину. В этом же кургане было совершено захоронение в VII—VIII вв. н. э.

В широкой долине р. Молочной, от с. Заможное до пригорода г. Молчанска, исследован ряд курганов, в которых обнаружены погребения ямной, катакомбной и скифской культур. Своеобразием ямных погребений этого района является обкладка могил массивными камнями. Требовались большие усилия целого коллектива, чтобы доставить эти камни, очевидно издавна. К. Ф. Смирнов полагает, что это могилы родовых старейшин или глав зарождавшейся патриархальной семьи. Раскопки дали яркий материал, показывающий развитие катакомбной культуры и связь ее с ямной; хорошо прослежена преемственность форм могил, погребального обряда и форм керамики.

Не меньший интерес представляет небольшая группа памятников срубной культуры, по мнению К. Ф. Смирнова, генетически не связанная с предшествующей, но особенно важная для изучения вопроса формирования скифской степной культуры, сложившейся здесь в VII—VI вв. до н. э. Обнаруженные сарматские погребения дополняют наше представление о районах распространения кочевых сарматских племен, вытеснивших скифов во II в. до н. э. из некоторых днепровских и приазовских районов.

Летом 1952 г. под руководством В. Д. Блаватского была произведена более углубленная разведка древних памятников в Крыму на участке между Феодосией и Керчью. Эта территория в древности представляла собою европейскую часть Боспорского государства, в которое она была включена примерно в первой половине IV в. до н. э. Район еще не подвергался археологическому исследованию, и впервые полученные разведкой материалы особенно ценны потому, что они характеризуют сельскохозяйственные территории европейского Боспора. Здесь обнаружены четыре курганных могильника и 16 населенных пунктов, расположенных отчасти под Керчью, но преимущественно в районах между Тасуновым и Зеленым Яром, около Семи Колодезей и Бранного Поля, а также под Феодосией.

При сборе подъемного материала на большей части древних поселений на 13 из них обнаружены находки, относящиеся к античному времени, главным образом III—I вв. до н. э. и первым векам нашей эры. Средневековая керамика встречается в четырех пунктах, сгруппированных в районе Феодосии.

На одном из обнаруженных разведкой древних поселений около дер. Тасуново, в 40 км к западу от Керчи, произведены раскопки. Поселение было расположено на большом естественном холме с круто спускающимися к западу, югу и северу склонами. С восточной стороны холм соединяется небольшой седловиной с соседней возвышенностью, на которой обнаружены высеченные в скале склепы.

При разведке на поверхности холма встречено много фрагментов керамики первых веков нашей эры — краснолаковые сосуды, боспорские красноглиняные и узкогорлые амфоры и т. п., а также строительный мусор. Для исследования поселения на северо-восточном склоне холма заложены два

раскопа общей площадью 288 м². Первый из них, площадью около 200 м², пришелся на мусорные слои большой мощности; видимо, здесь, на склоне холма, занятого поселением, были устроены мусорные свалки. В северной (нижней) части раскопа под слоями мусора открыта вымостка, очень плотно сбитая из обломков керамики и мелкого рваного камня. В вымостку оказалась впущенной большая пустая зерновая яма обычной «грушевидной» формы, частично вырытая в культурном слое, подстилающем вымостку, частично (в нижней части) выдолбленная в материковой скале. Других строительных остатков в этом раскопе не оказалось, зато мусорные свалки, достигающие здесь 4 м толщины, дали счесь много всевозможных находок, главным образом керамики. Почти весь найденный материал относится от конца I до III в. н. э. и только единичные находки к более раннему времени — к последним векам до нашей эры. Керамические изделия представлены главным образом обломками амфор и лепных сосудов. Чаще всего встречаются фрагменты больших широкогорлых амфор с массивными профилированными или круглыми ручками, изготовленные из красной глины и несомненно являющиеся изделиями местного, боспорского производства. В большом количестве встречаются и привозные светлоглиняные узкогорлые амфоры, а также реберчатые, иногда круглодонные. Лепная керамика вся выделана из очень грубой темнокоричневой или черной глины с большой примесью кварцевого песка; формы разнообразны: кувшины, горшки, чашки и миски обычно плоскодонные, иногда на невысоком поддоне, часто украшенные насечками или защипами по краю. Простая столовая керамика представлена чашками и тарелками, подражающими по форме краснолаковым, кувшинчиками и «кубками». В небольшом количестве, но постоянно встречаются фрагменты краснолаковой и стеклянной посуды.

Любопытны и разнообразны терракоты, которых обнаружено очень много. Наряду с довольно эллинизированными формами — протомы Афродиты, фигура сидящей богини (Кибелы?) и др. — встречаются в изобилии обломки весьма оригинальных местных типов терракоты: так называемые «чертики» с подвесными членами, грубые антропоморфные изображения, интересная фигурка женщины-демона, грубо и схематически исполненные протомы женского божества; встречаются обломки терракотовых масок и колесики от терракотовых повозок.

Производственная деятельность населения засвидетельствована находками костяных игл для вязания сетей, ткацких пирамидальных грузил, точильных брусков, пряслиц, железных гвоздей. Все поддающиеся датировке находки, в том числе и несколько найденных монет, относятся к первым векам нашей эры, главным образом к II и III вв.

Во втором раскопе обнаружено несколько каменных стен, идущих в различных направлениях и выложенных из рваного камня средней величины. К сожалению, ограниченные средства не позволили исследовать открытые сооружения — это задача будущего. Но уже сейчас ясно, что по типу кладки остатки сооружений Тасуновского городища близко напоминают стены городища у деревни Ивановки (предполагаемый Илурат), расположенного в нескольких километрах от Тасуновского и относящегося к тому же времени.

Возле поселения находился некрополь. Установлено наличие вырубленных в материковой скале монументальных склепов. Один из них, начисто разграбленный, был зачищен и обследован экспедицией. Сооружение состояло из небольшого хода и обширной высокой погребальной камеры с лежанкой на стороне, противоположной входу. Размеры лежанки позволяли расположить по длине ее двух покойников.

На основании первых разведочных раскопок можно следующим образом характеризовать исследуемый памятник.

Поселение возникло в I в. н. э., хотя на его месте еще за несколько столетий существовала какая-то жизнь, очень слабые следы которой в виде

совершенно незначительных обломков керамики встречаются в позднейшем слое. Тарсуновское поселение, вероятно, было хорошо укреплено. Оборонительные сооружения пока еще не открыты, но весь характер местности и расположение поселения вблизи Асандрова вала говорят за то, что оно должно было быть крепостью. Кроме того, в раскопах найдено каменное ядро, свидетельствующее о применении осадных машин. В населении городка резко преобладали местные этнические элементы, сохранявшие свою культуру и подвергшиеся эллинизации лишь в слабой степени, о чем неопровержимо свидетельствует состав находок на городище, особенно керамики и терракот. Прекращение жизни поселения относится к III или началу IV в. н. э. По характеру найденного материала, по особенностям топографического расположения исследуемое поселение очень близко к городищу д. Ивановки, и можно высказать предположение, что, находясь на западной периферии Боспорского царства, оно, так же как и Илурат, служило крепостью и опорным пунктом для боспорских войск, охранявших Асандров вал. Все материалы раскопок не противоречат такой гипотезе, но подтвердить ее смогут дальнейшие, более широкие раскопочные работы.

Проведенные Институтом истории материальной культуры на новостройках в 1952 г. работы сохранили для советской науки ценнейшие материалы, значительно расширяющие и дополняющие наши знания по древней и средневековой истории нашего отечества.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ПЯНДЖИКЕНТЕ

Пянджикентский отряд Таджикской археологической экспедиции, работавшей под руководством члена-корреспондента АН СССР А. Ю. Якубовского, продолжал в 1952 г. раскопки на городище древнего Пянджикента. Общие итоги их следует признать весьма значительными. Пянджикент дает прежде всего замечательные образцы древней архитектуры и городского типа и сельского пригородного.

Работы дали много новых находок, расширяющих наши представления о материальной культуре согдийцев в доарабское время. Важным достижением надо признать открытие новых памятников искусства, в особенности скульптуры.

Но значение проведенных работ заключается не только в накоплении новых данных и наблюдений. Мы получили материалы для постановки некоторых весьма важных проблем общесторического порядка. Впервые в Пянджикенте обнаружены следы ремесленных мастерских, и теперь мы можем поставить вопрос о характере ремесленного производства, вопрос, по которому до настоящего времени высказываются самые противоречивые мнения. Интересные проблемы возникают по истории искусства народов Средней Азии. Данные раскопок очень важны для истории собственно Пянджикента, в частности для определения времени его существования, смены и эволюции идеологии, верований населения города.

Раскопки произведены на территории шахристана и на территории пригородного поселения. На шахристане раскапывались три крупных строительных массива (II, III и VI объекты). В пригороде вскрыты три отдельно стоявшие дома сельского типа (VIII объект).

Не останавливаясь подробно на архитектурном описании раскопанных объектов, что должно стать темой специальной работы, ограничимся лишь самой общей их характеристикой.

Объект II. Этим названием обозначен участок городища¹, на котором расположен второй из открытых в Пянджикенте храмов (рис. 1 — сверху). По объему работ участок занимает первое место; вскрыта площадь около 700 м² при средней глубине в 4 м. Особое внимание уделялось исследованию валов ограды, окружавшей двор храма. Вскрыты три стороны ограды — западная, северная и восточная. Южная сторона исследована во время раскопок прошлых лет. Таким образом, мы имеем достаточно полное представление об этом храме как архитектурном комплексе.

¹ Каждый из раскапываемых на городище участков, который предположительно включает отдельный строительный комплекс, получает постоянный номер, обозначаемый римской цифрой.

Каждая из сторон ограды составляет более или менее разнообразную систему построек, различных по плану и назначению. Из отдельных помещений отметим помещение № 4 в северной стороне ограды. Есть некоторые основания считать его мастерской ремесленника, мастера-металлиста. Особенно интересен айван — открытая на восток галерея, идущая по внешней стороне восточной ограды, справа и слева от главных ворот. В завале айвана обнаружено много фрагментов скульптурных фигур, а на двух стенах (западной и южной) южного крыла — остатки панели с рельефной скульптурой (см. ниже). На участке II объекта собрано наибольшее по сравнению с другими объектами число находок. Отметим, что из трехсот монет, найденных в 1952 г., более двухсот обнаружено на этом участке.

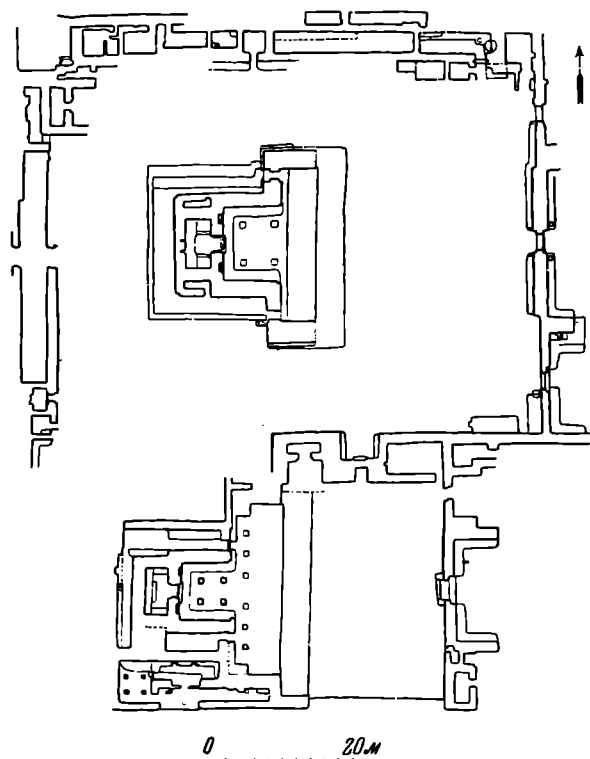


Рис. 1. Общий план первого и второго (сверху) храмов.

Объект III. Огромный строительный массив, тянувшийся параллельно восточному валу крепостной стены, протяженностью более 100 м при ширине более 30 м, раскапывается с 1949 г. В 1952 г. раскапывался участок в северо-восточном углу массива, площадью более 250 м². Вскрыто полностью или оконтурено шесть отдельных помещений. Из них особенно интересен парадный зал. Это квадратное помещение 7,8 × 7,8 м с одним проходом в восточной стене. Помещение разрушено пожаром. Стены, сложенные из пахсовых блоков, сохранились на высоту в среднем до 3,5 м. Они были тщательно оштукатурены двойным слоем обмазки. Когда-то вся их поверхность была покрыта многоцветной росписью, от которой сохранились лишь отдельные пятна; только по самому низу стен сохранились остатки широкого орнаментального бордюра, выполненного красной краской, вероятно по шаблону. Большой интерес в архитектурном отношении представляют обуглившиеся деревянные конструкции упавшего на пол перекрытия.

При разборке обгорелого дерева обнаружены плахи с резьбой. Рельеф резной поверхности сравнительно невысокий. К сожалению, обуглившаяся

поверхность дерева благодаря резьбе очень сильно осыпается. Тем не менее удалось установить некоторые мотивы узора. Так, на одной деревянной плахе изображен побег выходящего растения, на другой — дуга арочки с пятилепестковыми розетками.

Пожар в зале произошел, повидимому, внезапно. В отличие от остальных аналогичных помещений, на полу которых обычно находились единичные и часто случайные предметы, в помещении зала сделан ряд ценных находок, имеющих существенное значение для восстановления быта жителей. Здесь найдено несколько целых сосудов, предназначенных для варки пищи, в том числе сосуд, почти целиком заполненный горохом. Под раздавленными обломками сосудов обнаружено много хлебных злаков — проса, кукурузы, пшеницы, ячменя. Важность этих находок, первых на городище, не требует особого подчеркивания.

На суфе у входа найдено около 130 шариков из глины (диаметром 1 см). Шарiki слабо обожжены, причем не совсем ясно, произошел ли обжиг во время пожара или же они были обожжены специально. Возможно, что шарики служили для гаданья или какой-то игры¹.

Объект VI расположен к юго-востоку от здания III, вблизи восточного вала крепостной стены. Раскопки его начаты в 1951 г., а в 1952 г. были продолжены к востоку от первых двух помещений. На этом участке, площадью около 200 м², наместились контуры шести помещений; пока они полностью не исследованы.

Наиболее важный результат работ — открытие помещений верхнего этажа. Удалось зафиксировать устройство части кухни с очагами и установить наличие небольших комнат, полы которых, а вероятно и стены, были покрыты ганчевой штукатуркой. Судя по размерам этих «комнат» и по характеру штукатурки, они служили, как полагает руководивший раскопками Б. Стависский, хранилищами зерна или других продуктов. Таким образом, выясняется, что помещения верхнего этажа имели, видимо, вспомогательное значение. В числе наиболее интересных комнат следует отметить помещение с пандусом, ведущим на второй этаж, и квадратное помещение (6 × 6 м), на верхних частях стен которого обнаружены следы росписи. Остальные представляют собой комнаты коридорного типа со сводчатыми перекрытиями.

Объект VIII — это группа холмов за пределами городской стены, к востоку и к югу от нее. В 1951 г. был раскопан один такой холм и вскрыт отдельно стоящий дом, очень интересный по четкости своего плана.

В 1952 г. раскопано три других дома² и собраны новые ценные материалы, в частности по планировке отдельных зданий. План каждого дома отличается существенными особенностями. Установлены некоторые новые детали внутреннего устройства помещений. Большое значение приобретает открытие в одном из домов ремесленной мастерской, открытие, важное не только для суждения о занятиях жителей пригорода, но и о социальном положении пянджикентских ремесленников в целом.

Материалы раскопок вполне подтвердили и некоторые наблюдения, сделанные в 1951 г., относительно строительной техники, строительных материалов, основных конструктивных приемов построек пригородного типа.

Подтвердились общие наблюдения, что дома пригородных жителей были рассчитаны на проживание отдельных небольших семей. Во всех трех домах жилая площадь рассчитана лишь на одну небольшую семью.

Необходимо отметить открытие в доме № 2 мастерской, связанной с изготовлением стекла (рис. 2—1), а в одном из помещений дома № 4 (рис. 2—2) — мастерской оссуариев. Из трех найденных здесь оссуариев

¹ Аналогичные шарики нередки среди археологических находок в Средней Азии. Такие шарики применялись до последнего времени у казахов для гаданья.

² Нумерация домов идет в следующем порядке: № 1 (раскопки 1951 г.), № 2, 3, 4 (раскопки 1952 г.).

интересен один, на лицевой стенке которого сохранились любопытные украшения: по всей поверхности стенки идут полосы из зигзагообразных линий; в центре расположена вылепленная от руки женская фигура в длинном платье, держащая над головой длинный шарф; по обе стороны фигуры помещено по одной птице.

В комплексе археологических находок 1952 г., имеющих большое значение для восстановления общего облика и уровня материальной культуры жителей Таджикистана изучаемого времени, следует выделить:

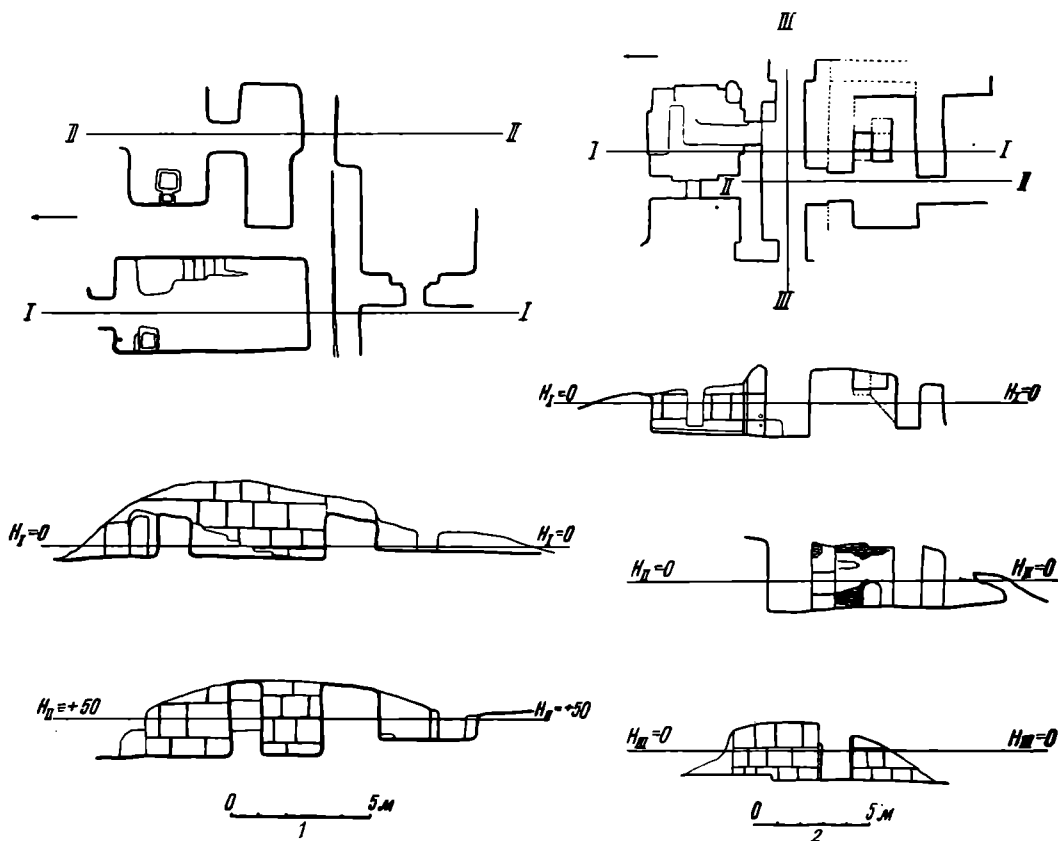


Рис. 2. Планы и разрезы домов:

1 — дом № 2; 2 — дом № 4 (объект VIII).

Керамические и стеклянные изделия. Находки керамических изделий — этого наиболее массового археологического материала — были особо обильны, причем, в отличие от прошлых лет, в 1952 г. найдено много целых сосудов.

Много форм целиком восстанавливается по фрагментам (рис. 3). Керамика очень разнообразна: много образцов крупных хумов, достигающих высоты 90 см и диаметра тулова 75 см. Некоторые хумы с клеймами-тамгами или с отпечатками печатей владельцев. Клейма весьма разнообразны: в виде жертвенника (?), фигур оленей, козлов, плода граната и др.

Собрано много кувшинов; два кувшина раскрашены красной краской, у одного орнаментальным мотивом служит ветвь граната, завершающаяся плодом этого дерева.

Многочисленны кружки и чаши, среди которых есть очень парадные, украшенные оттисками розеток из плодов граната. Несколько экземпляров имеют слюдяную обсыпку, имитирующую металл (серебро, золото). Три фрагмента сосудов украшены орнаментальными поясами с изображениями человеческих лиц и масок.

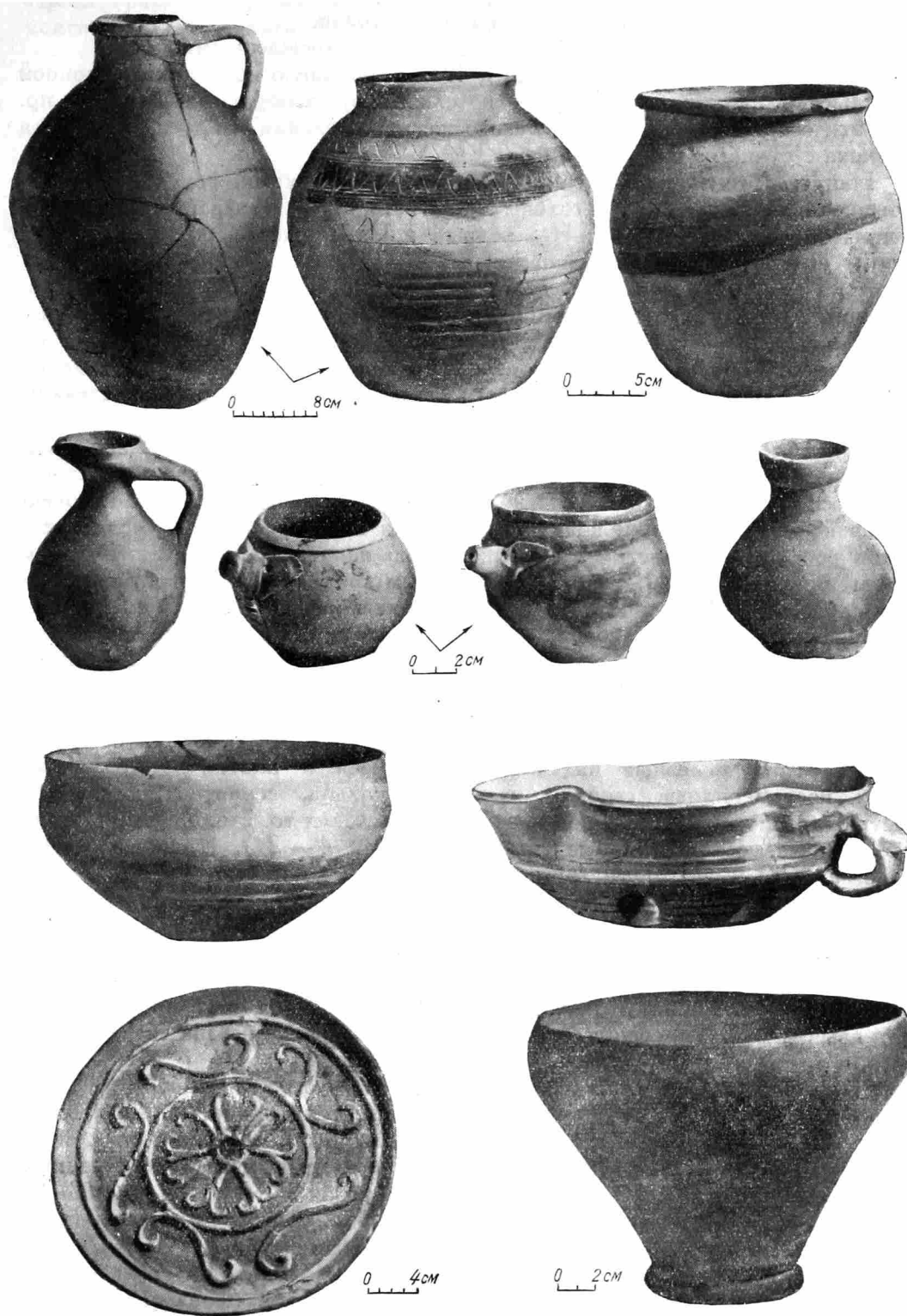


Рис. 3. Керамические изделия из Пянджикента.

Среди находок много мелкой глиняной посуды, частично служившей, вероятно, для хранения приправ к пище или косметических жидкостей. Сосуды эти обычно весьма изящной формы. Три из них снабжены носиками (сливами), оформленными в виде коровьих голов.

Многие из этих изделий найдены почти неповрежденными.

Нельзя не отметить собранную в 1952 г. большую коллекцию кухонной посуды для приготовления пищи — котелков, кружкообразных сосудов и пр. Все эти сосуды ручной лепки. Такого же изготовления найдена интересная крышка с ручкой в виде рогов быка.

Найдено несколько детских игрушек — погремушек, ручки которых обычно оформлены в виде головы животного, а также фрагментов фляги, покрытой голубой поливой. Это первый в Пянджикенте поливной сосуд, форму которого удастся установить.

Железные изделия. Находки железных изделий очень разнообразны (рис. 4). Особенно ценными следует признать впервые найденные здесь орудия труда. Значительно расширяется и общее представление об объеме производства железных изделий. Основная группа железных изделий собрана в помещениях ограды второго храма. Интересные находки сделаны и в пригородных усадьбах.

В количественном отношении первое место среди находок железных предметов занимают предметы вооружения, прежде всего наконечники стрел. Интересна находка наконечника копья. При постоянных находках наконечников стрел наконечники копий встречаются очень редко. Из числа предметов вооружения отметим также железную пандырную пластинку 3,5 см длины при ширине в 1,3 см, с закругленным концом. Два отверстия по бокам служили для пришивки к матерчатой или кожаной подкладке. Наличие в комплексе защитного вооружения чешуйчатых шлемов засвидетельствовано росписями. Так, на росписях квадратного зала объекта VI один из воинов изображен в шлеме такого типа.

Большая группа железных изделий относится к хозяйственному домашнему инвентарю, среди которого относительно часто встречаются ножи.

Встречены железные изделия, относящиеся к плотнично-столярному делу: костылевидные гвозди¹, железные кольца, вероятно являвшиеся частью дверной цепочки (рис. 4—27); для каких-то столярных изделий предназначались наугольные накладки (рис. 4—24), двойные скобы (рис. 4—22) и некоторые другие предметы.

Железные принадлежности конской сбруи немногочисленны, но интересны. К ним относятся две прямоугольные пряжки от ремней подпруги (рис. 4—5, 6). Из них одна крупная (6 × 5 см), другая меньше (3 × 2 см). Язычок пряжек прикреплен непосредственно на одном из стержней рамки, чем они конструктивно отличаются от поясных пряжек, у которых обычно для язычка делалась специальная ось, делящая пряжку на два звена. Кроме того, пряжки от поясов имеют более сложную форму.

Наиболее важной находкой следует признать удила. Несмотря на сильную коррозию, конструкция их восстанавливается полностью. Они снабжены прямыми псалиями и имеют по два кольца для прикрепления ремней узды и поводьев. Такого типа удила характерны для инвентаря кочевнических захоронений Семиречья и Южной Сибири.

Интересно отметить, что и на росписях Пянджикента удила даны такой же формы. Во всяком случае наличие псалий бесспорно.

К орудиям труда относятся серпы, особого вида топорики (рис. 4—1), наковальня (?) и лопатка для горна. Найдено два полностью сохранившихся экземпляра серпов. Они несколько разнятся по размерам. Общим для них является способ прикрепления рукоятки: оба они бесчерешковые; тупой

¹ В Пянджикенте встречаются и гвозди со шляпками.

конец пластины серпа вставляется в соответствующий вырез рукоятки, прикреплённой одной или двумя заклепками, которые сохранились на обоих серпах (рис. 4—9, 10). Такой способ прикрепления рабочей части к рукоятке следует считать характерным для Пянджикента.

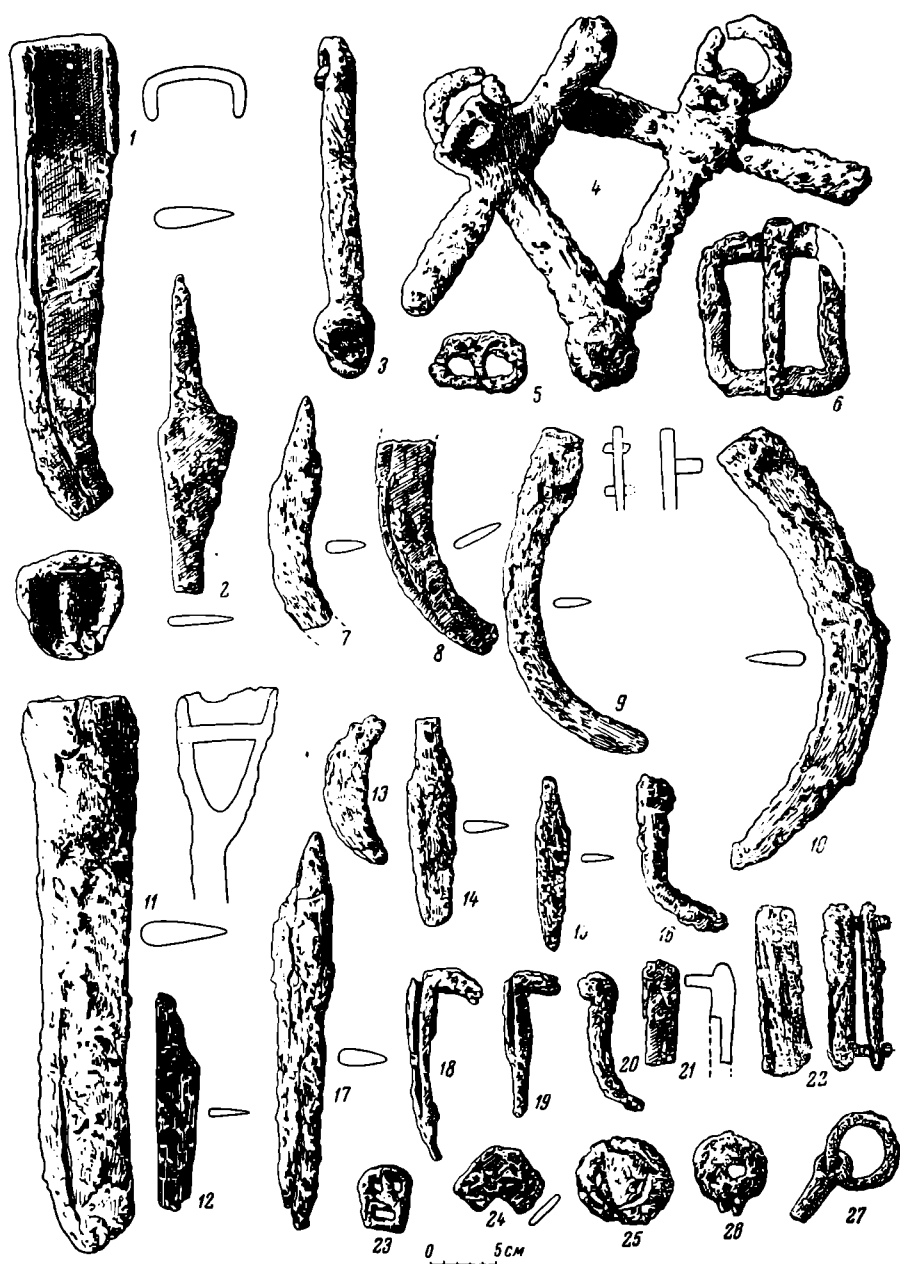


Рис. 4. Железные изделия из Пянджикента.

Два топорика, обнаруженные в 1952 г., несколько напоминают по форме распространенные до настоящего времени на Кавказе хозяйственные топоры, так называемые цалды, служащие для различных работ, преимущественно для рубки мелкого кустарника, очистки полей от колючек.

Интересны и два других предмета, которые предположительно определены нами как наковальня и лопатка для горна. Предмет, принятый за наковальню, найден в пригородном доме № 4. Он представляет собой массивный железный слиток весом около 5 кг, овальный в сечении.

Среди археологических находок Средней Азии до настоящего времени древние наковальни не встречались и форма их неизвестна.

Изделия из бронзы. Как и в предыдущие годы, в 1952 г. встречено много изделий из бронзы, но в большинстве случаев в обломках. Подавляющая часть находок происходит из раскопок помещений ограды храма. Некоторые фрагментарные остатки бронзовых предметов следует отнести, видимо, к отходам производства или, наоборот, к заготовкам для дальнейшей обработки (обломки витой проволоки, сплюснутые пластины и т. д.).

Из числа изделий, сравнительно сохранившихся, отметим несколько бубенчиков характерной шаровидной формы с прорезью внизу (рис. 5 — 2—4). Такие бубенчики часто встречаются в курганах Средней Азии, Семиречья и Южной Сибири, синхронных Пянджикенту.

Два небольших колокольчика, из которых один обычной формы в виде усеченного конуса, а другой в виде усеченной четырехгранной пирамидки, могут рассматриваться как принадлежность конской сбруи (подвески к ошейнику) или же в качестве культовых предметов. Второй из названных колокольчиков найден вместе с крупными бусами в угловом помещении ограды (северо-запад), имевшем несомненно культовое назначение. Интересен миниатюрный котелок с дисковидной подножкой, снабженный двумя дырочками (рис. 5 — 1), свидетельствующими о том, что предмет к чему-то пришивался или прибивался. Близкие по форме котелки найдены на Сукулукском городище в Киргизии на трассе Большого Чуйского канала. А. Н. Бернштам считает их половинками бубенцов (салтовского типа).

Из других бронзовых изделий отметим находку ключа от замка. За время работ на Пянджикентском городище это третий случай находок ключей, причем все ключи по форме отличаются друг от друга.

Из предметов, известных по находкам прошлых лет, отметим пряжки от пояса, иглы, мелкие гвоздики, скобы и пр.

Бусы. Бусы, как и в прошлые годы, встречались часто. Найдено больше всего коралловых бус. Обнаружены куски от коралловых веточек без отверстий. Возможно, что это остатки производства. Повидимому, коралл привозился в необработанном виде и выделка бус производилась на городище. Об этом можно судить и по некоторым другим найденным поделкам из коралла. Очень интересна коралловая подвеска, которой придана форма маленькой ножки (рис. 5 — 9). Для этого удачно использована естественная форма коралловой ветки и, кроме того, коралл подвергся специальной обработке, в частности, резцом обозначены все пять пальцев ноги.

Найдено несколько бус из различных полудрагоценных камней (лазурита, оникса, сердолика, халцедона, сардоникса). Но чаще всего встречались бусы из горного хрусталя. Среди этих бус есть явно бракованные экземпляры, с выщербинами или из весьма низкосортного материала (например, мутного горного хрусталя). По всей вероятности такие бусы следует отнести за счет брака местного производства.

Широко распространенными были бусы из пасты и стекла, также разнообразные по форме и величине. Среди них чаще всего попадаются мелкие экземпляры из зеленой пасты (бисер). Одна пастовая бусина найдена в золотом ажурном цилиндрике. Нередко встречаются и янтарные бусы, среди которых преобладают крупные экземпляры.

В заключение отмечу находку одного кристалла пирита с двумя отверстиями, сделанными на двух противоположных углах. Своеобразное применение кристаллов пирита засвидетельствовано находками в Пазырыкских курганах. Здесь найдены женские сапожки, на подошве которых такие кристаллы были нашиты в виде украшений наряду с бисером¹.

¹ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 106, рис. 42.

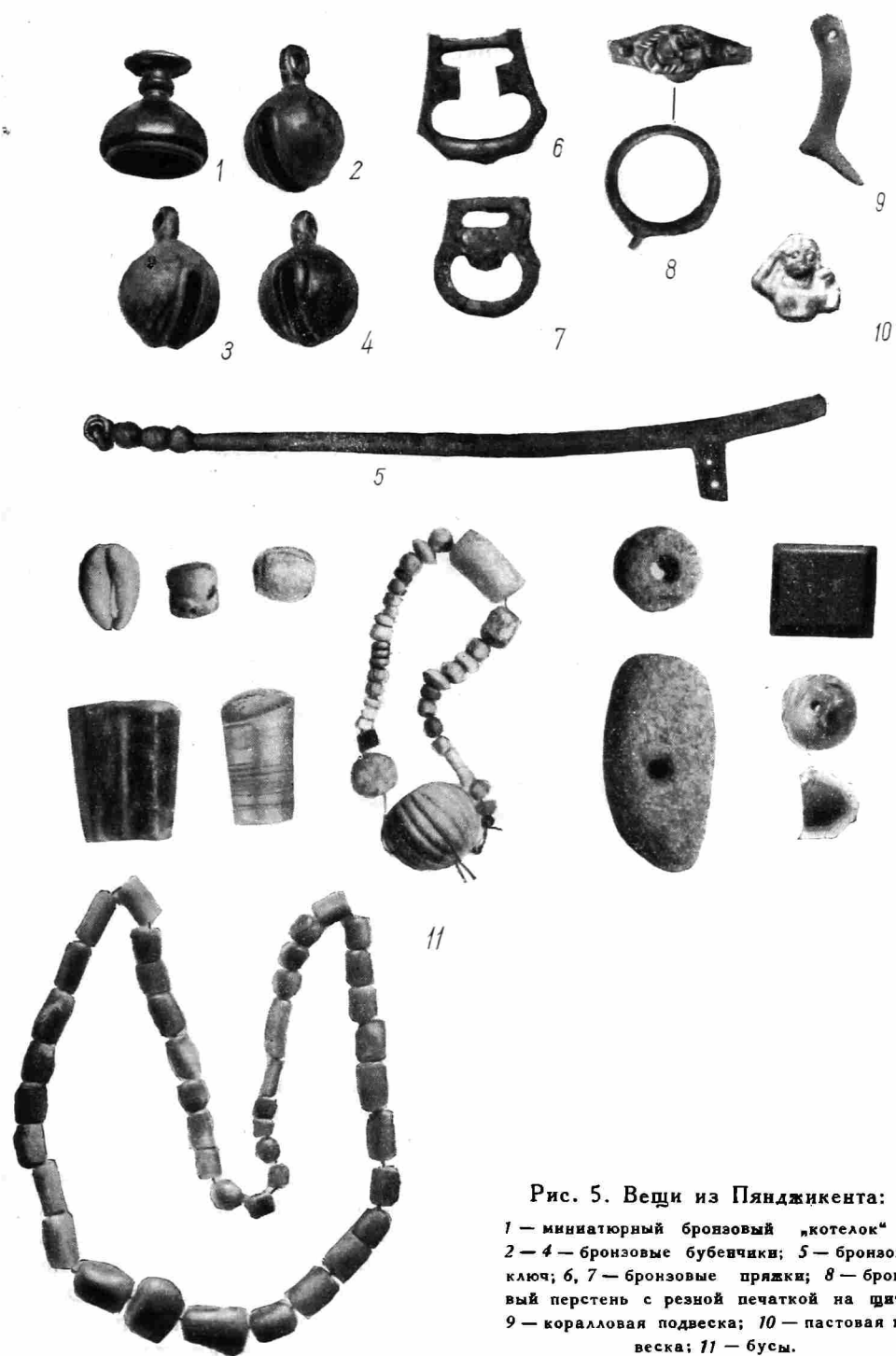


Рис. 5. Вещи из Пянджикента:

1 — миниатюрный бронзовый «котелок» (?);
 2 — 4 — бронзовые бубенчики; 5 — бронзовый
 ключ; 6, 7 — бронзовые пlectры; 8 — бронзо-
 вый перстень с резной печаткой на щитке;
 9 — коралловая подвеска; 10 — пастовая под-
 веска; 11 — бусы.

Общее впечатление, которое оставляют бусы из находок 1952 г., то, что они являются в основном предметами местного изготовления. Материал для них, за исключением коралла и янтаря, в изобилии имелся в соседних горах (самоцветы) и изготовлялся в местных мастерских (паста, стекло). Крупные каменные бусы — это votивные приношения в храм.

Изделия из кости. Остатки костяных поделок в Пянджикенте не редкость. В основном это пластинки или круглые рукоятки, украшенные

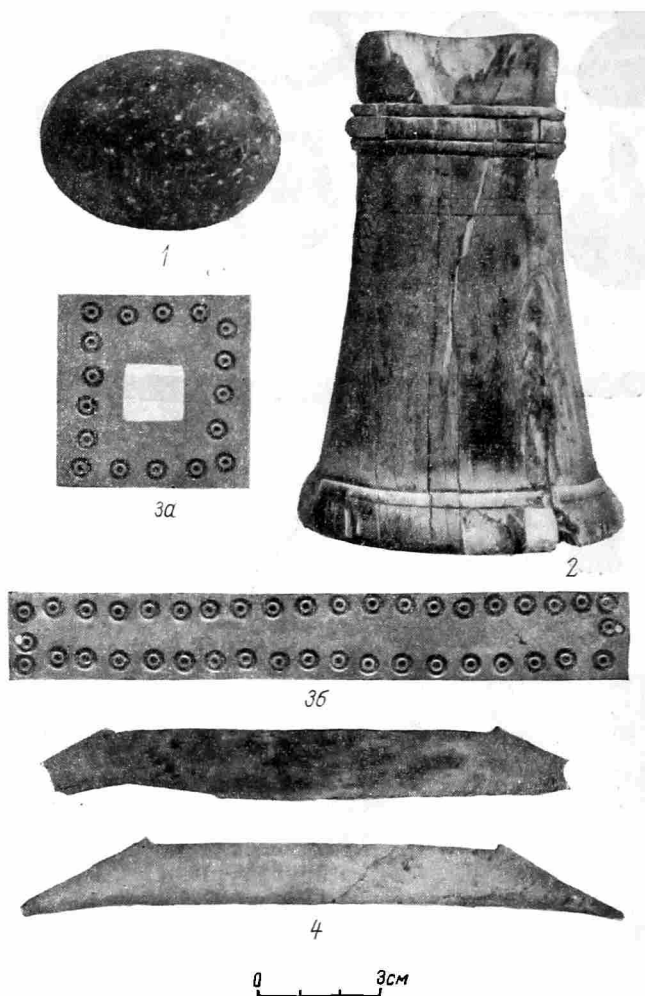


Рис. 6. Вещи из Пянджикента:

1 — каменное «яйцо»; 2 — костяная рукоятка меча; 3а, 3б — костяные пластинки; 4 — костяные накладки лука.

сравнительно стандартным орнаментом в виде циркульных кружков (рис. 6 — 3а, 3б). В 1952 г. найдено несколько таких пластинок, отличающихся тщательностью обработки. Назначение их неясно. Возможно, что такие пластинки служили для изготовления ларчиков или шкатулок. Наибольший интерес представляют впервые найденные четыре накладки для лука. Все они одинакового размера (длина 15 см, ширина 1,5 см), предназначались для серединной части лука (рис. 6 — 4). Внутренняя сторона покрыта перекрещивающимися неглубокими насечками для лучшего приклеивания к основе лука.

Особо следует отметить находку большой рукояти меча из слоновой кости, украшенной по краям рельефными валиками. Рукоятка сделана

в форме слабо суживающегося усеченного конуса высотой 13 см. Гнездо для черешка оружия имеет глубину 8 см (рис. 6—2).

Монеты. Находки монет особо обильны (300 штук). Только в одном помещении ограды второго храма встречено около 130 монет¹. Не было ни одного помещения, в котором не попадалось бы по нескольку монет. В большинстве случаев это монеты согдийского типа с квадратным отверстием. Коллекция пянджикентских монет в настоящее время превосходит все известные коллекции (Государственного Эрмитажа, Самаркандского музея и др.). Найдены также монеты других типов с изображениями лиц, в том числе бухархудатов, а также монеты с арабскими надписями. Последние дадут возможность уточнить верхнюю дату жизни города.

Разные находки. Из отдельных находок заслуживают быть отмеченными следующие предметы.

1. В северной ограде второго храма обнаружен небольшой стеклянный флакон (рис. 7). Фрагментов различных сосудов из стекла найдено более десятка. Несмотря на небольшое количество изделий из стекла, можно, однако, считать, что Пянджикент являлся местом изготовления стеклянной посуды. Об этом свидетельствует находка остатков стекольной мастерской. Редкость находок, видимо, объясняется тем, что стекло, как и другие ценные изделия, было унесено жителями.



Рис. 7. Стеклянный флакончик.

2. Крупная перламутровая пластинка, вероятно, предназначенная для дальнейшей обработки. В Пянджикенте и в прошлые годы были найдены отдельные мелкие изделия из перламутра, изготовленные, повидимому, на месте.

3. Темносерый, почти черный, хорошо обкатанный, яйцевидный по форме камень с выгравированным изображением колоса или ветки на одной стороне и рядом насечек на другой (рис. 6—1). Каменные «яйца» такого же типа, но без гравировки, известны по находкам на трассе Большого Ферганского канала. В. Д. Жуков полагает, что они имели или утилитарное значение и служили для подкладки домашним птицам, или же это были игрушки². Наличие гравированного рисунка на пянджикентском камне заставляет думать, что они имели какое-то магическое значение.

4. Косметическая каменная палочка для сурмления глаз (длина 7 см). Такие палочки известны по археологическим находкам и этнографическим данным.

5. Четыре надписи на согдийском языке. Из них три процарапаны на стенках глиняных сосудов до обжига. Одна надпись в две строки сохранилась полностью (рис. 8—1). От двух остальных сохранились лишь отдельные знаки. Четвертая надпись, также сохранившаяся фрагментарно, сделана черной тушью или краской на скульптуре. К сожалению, до сих пор они не прочтены. Однако сам факт наличия надписей на стенках глиняных сосудов очень интересен как свидетельство распространения грамотности среди населения.

¹ Подробнее о монетах древнего Пянджикента см. статью О. И. Смирновой в настоящем выпуске.

² В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда Археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, стр. 64.

Памятники скульптуры. Некоторые находки прошлых лет указывали вполне определенно на то, что наряду с живописью в Пянджикенте было распространено и искусство ваяния.

В 1952 г. это наблюдение блестяще подтвердилось. Как указывалось, фрагменты скульптуры обнаружены в завале айвана у восточной стены второго храма. Ввиду большого значения этого открытия остановимся на нем подробнее. Изображения в большинстве случаев несомненно были преднамеренно варварски сбиты с тех мест, где они первоначально находились. В процессе раскопок обращено внимание на то, что на айване найден только один тип монет, а именно монеты с арабской легендой. После их очистки можно будет установить и дату гибели постройки, и, вероятно, виновников разрушений.

Благодаря очень скрупулезной работе реставраторов удалось вынуть, расчистить и закрепить многие различные по величине скульптурные фрагменты, в том числе два фрагмента одежды с поясами, крупный фрагмент полы одежды с замечательно изящной по рисунку рельефно изображенной оторочкой, две кисти рук, большой обломок блюда (?) с лежащей на нем рыбой, голову фантастического зверя, две головы драконов, изображение двух стоящих в геральдической позе драконов, помещенных в подковообразной рамке с отогнутыми краями (рис. 8—2), крупный фрагмент изображения человеческого лица (рис. 8—3). Несмотря на фрагментарность перечисленных скульптурных деталей, они свидетельствуют о высоком мастерстве скульпторов древнего Пянджикента.

Кроме того, обнаружена рельефная скульптурная панель, на которой сохранился ряд фигур, образующих определенную композицию. Эта панель идет по низу западной и южной стен южного крыла айвана. В наиболее высокой своей части она сохранилась почти на метр, а на участках, подвергшихся более сильному разрушению, на высоту всего лишь около 0,5 м. Характерно, что ни одной головы у человеческих фигур не сохранилось на месте. Очевидно, это обстоятельство также свидетельствует о том, что разрушение произведено арабскими завоевателями, совершавшими походы под знаменем ислама и видевшими в изображениях человеческих лиц признаки язычества.

Композиционно сохранившаяся панель делится на две не одинаковые по величине части. На первой, помещенной прямо над полом суфы, представлена фигура человека по пояс (рис. 9—1); в правой, опущенной книзу руке на ладони изображен крупный предмет, повидимому являющийся основанием большой базы жертвенника. Однако возможно, что он служил постаментом для скульптурной фигуры. Это тем более вероятно, что у подножия сооружения обнаружены раздавленные скульптурные фрагменты, которые вполне могли принадлежать человеческой фигуре. Человеческая фигура на панели безглавленная. Одета она в легкую, без рукавов, слегка складчатую одежду, стянутую в поясе. В открытом вырезе одежды резко выступают ключицы. Обнаженная рука непропорционально длинна по сравнению с фигурой. Скульптура по всей вероятности должна изображать лицо, приносящее дар храму.

На расстоянии 0,5 м от фигуры с «базой» в руке размещена вторая часть основной композиции панели, занимающая в длину почти 10 м и захватывающая обе стенки айвана, западную и южную. Начало оформлено в виде входа в скалистый грот. Здесь как бы зарождается водный поток, который и служит фоном для всей композиции. Вода показана в виде рельефных волн, разветвляющихся сперва спиралью, а затем идущих в разных направлениях. Волнистый фон был первоначально окрашен в синий цвет. На этом фоне и расположен ряд фигур.

В центре композиции на западной стене помещена человекообразная фигура (по пояс), как бы выходящая из воды, к которой с обеих сторон



Рис. 8. Изделия из обожженной глины:

1 — фрагмент глиняного сосуда с согдийской надписью; **2** — скульптурное изображение драконов в геральдической позе; **3** — фрагмент скульптурной головы.

направляются гиппокампы, рыбы и морские животные. Между отдельными фигурами много свободного пространства.



1



2

Рис. 9. Детали скульптурной панели на западной (1) и южной (2) стенах айвана.

Более компактно расположены фигуры на встречной, южной, стене (рис. 9—2). Здесь на пространстве 3 м помещено несколько групп изображений. Первая состоит из двух человеческих фигур (по пояс), выступающих из водной ряби. Они расположены за дельфинообразным (?) морским существом с завитым хвостом и головой, обращенной влево. Человеческие фигуры одеты в легкие складчатые одежды. В правой руке одна фигура держит небольшой жезл, в левой козленка (?). Не совсем ясно, связаны ли по за-

мыслу человеческие фигуры в одну группу с дельфином или же они независимы друг от друга. Впечатление таково, что обе фигуры плывут на дельфине и первая направляет движение жезлом.

Центр стены занят фигурой фантастического существа с человеческим туловищем, заканчивающимся двумя петлеобразно загнутыми змеевидными хвостами. Это самая крупная скульптурная фигура на панели. Обе руки отбиты в предплечьях. Туловище обнаженное. Лишь вокруг бедер слабым рельефом нанесен пояс пальметок, образующий набедренную повязку. От этой фигуры вправо изображены две рыбки, плывущие в сторону широко раскрытой пасти драконообразного чудовища. Верхняя и нижняя челюсти его снабжены мощными клыками и большими зубами. Изогнутый язык, первоначально окрашенный в красный цвет, толстые складки кожи над глазами и на шее с большой экспрессией передают свирепый облик хищника, готового проглотить плывущих в его сторону рыб.



Рис. 10. Фрагмент росписи. Бордюр на стенах северного крыла айвана.

Головой хищника заканчивается вся композиция. Скульптура у края стены повреждена.

Крупные фрагменты скульптуры сохранились на полу в северном крыле айвана. Здесь сохранилось сооружение, условно названное нами базой; оно аналогично той, которую держит в руке первая фигура в южном крыле айвана.

Расположены обе базы симметрично по отношению друг к другу, на одинаковом расстоянии от прохода. Но в северном крыле следов поддерживающей ее фигуры не обнаружено.

Большой интерес представляет постамент, открытый у северной стены северного крыла айвана. Прямоугольный в плане, он представлял собой лепное сооружение, фасадная сторона которого, к сожалению, сильно попорченная, была оформлена в виде переплетенных толстых жгутов (вероятно, изображавших змей), обрамленных рамкой. На постаменте стояла громадная человеческая фигура; от нее на месте сохранились только ступни ног, судя по которым фигура была больше человеческого роста по крайней мере в полтора раза.

На стенках южного крыла айвана роспись сохранилась только в виде незначительных пятен, на северном же крыле она сохранилась относительно хорошо. Здесь, несомненно, вся поверхность стен когда-то была покрыта многокрасочной росписью, окаймленной по низу широким меандровым бордюром (рис. 10).

Скульптура, открытая в Пянджикенте, наряду с памятниками скульптуры, обнаруженными в Хорезме, Бухаре (Варахша) и Южном Туркменистане (Ниса), бесспорно займет выдающееся место среди памятников искусства древних народов Средней Азии.

Предоставляя искусствоведам оценку художественных достоинств пиянджикентской скульптуры, следует отметить, что по своему содержанию (главным образом панели) она является уникальной среди открытых до последнего времени памятников ваяния Средней Азии. В сюжетах росписей Пиянджикента мы не находим каких-либо близких по содержанию мотивов. Последнее обстоятельство несомненно не случайное. Оно свидетельствует о том, что скульптурная панель и живопись Пиянджикента — памятники не синхронные. Ряд существенных деталей заставляет прийти к выводу, что открытая в айване панель — памятник более раннего времени, чем живопись, относящаяся к последнему этапу существования Пиянджикента. Стилистические особенности скульптуры бесспорно говорят о том же. Подтверждается это и анализом содержания. Действительно, ближайшие параллели, которые мы можем найти, датируются временем не позже V в. Это относится и к отдельным фигурам скульптуры панели и ко всей композиции в целом. Говоря об аналогиях и параллелях, мы имеем в виду общий характер их. Что касается художественной трактовки отдельных фигур и всей композиции, то она отличается несомненной оригинальностью и прямых аналогий ей мы не знаем. В этом смысле пиянджикентская скульптура, так же как и живопись, является произведением самостоятельной местной художественной школы.

Близкими параллелями к наиболее выразительным фигурам на панели, например чудовищу с разинутой пастью, фигуре человека со змеевидными хвостами вместо ног (тритону) и гиппокампу, могут служить открытые сравнительно недавно аналогичные скульптурные изображения в северном Афганистане. В скульптурных украшениях архитектуры Беграма (Шоторак)¹ и резной кости, найденной там же², можно встретить немало весьма близких по содержанию изображений. Как выяснено, аналогичные фантастические существа представляют вполне определенные мифологические образы, так называемые макара и якши, олицетворявшие водную стихию, связанные с ее богами³. Изображения этих существ получили, между прочим, широкое распространение в буддийском искусстве и специально в архитектурной скульптуре.

Появление таких образов в Средней Азии, где зависимость земледельческого населения от воды являлась одним из важнейших факторов мифотворчества, не представляет ничего неожиданного. Элементы почитания водной стихии в Средней Азии прослеживаются с глубокой древности и сохранились в фольклоре и этнографии до последнего времени. Особо важно отметить фольклорные отражения интересующих нас образов. Так, очень часто в среднеазиатских (таджикских в особенности) сказках выступают драконы, охраняющие источники воды. Столь же распространенным образом является, например, и водный конь (асп-и-оби). Можно считать несомненным, что к этой категории фантастических существ принадлежат и изображенные на фризе существа.

Вместе с тем было бы неверным видеть в пиянджикентском фризе только разрозненные, не связанные между собой отдельные образы. Во всей композиции чувствуется определенное единство. Можно предположить, что панель является своеобразным изображением того потока, от которого зависела жизнь населения, а именно Зеравшана. Исторически засвидетельствованное первоначальное имя этой реки — греческое Политимет и согдийское Намик — говорит о том, что Зеравшан был объектом почитания и обожествления.

¹ J. Meunier. Schotorak, MDAFA, т. X, Paris, 1942, pl. XXXVII.

² J. Hackin. Recherches Archeologiques de Begram. MDAFA, т. IX, pl. XXXIII, LXI, рис. 192.

³ Ср. А. Соомарасвами. YAKSAS, р. II, Washington, 1937, стр. 13 и др.

Одну из внешних форм, в которую было облечено представление о Зеравшане как о божественном источнике вод, по всей вероятности и дает нам скульптурная композиция панели.

По содержанию пянджикентская скульптура не стоит одиноко. Так, очень близким к пянджикентской панели является скульптурное изображение индийских рек Ганга и Джумны, открытое в Гвалиоре¹. Общий фон, изображающий водную поверхность, и отдельные водные существа гвалиорской скульптуры живо напоминают пянджикентские. Гвалиорский фриз датируется приблизительно тем же временем, что и памятники Беграма, — по словам известного исследователя индийского искусства Коомарасвами, рубежом IV и V вв. н. э.²

Таким образом, можно считать, что: 1) фриз из Пянджикента отражает круг верований, отличающийся от тех верований, которые отражены в живописи; 2) время создания скульптуры должно быть отнесено к более раннему периоду, чем живопись, т. е., видимо, к VI в. Эта дата соответственно должна быть отнесена и к Пянджикенту как поселению в целом.

Последний вывод находит свое подтверждение в одной интересной находке, сделанной также в 1952 г. Я имею в виду находку золотого брактеата, оттиснутого по образцу римских монет. Важно отметить то, что брактеат найден под стеной ограды храма в тайнике, вход в который был закрыт в древности суфой, после того как тайник был опустошен.



Рис. 11. Золотой брактеат.

Брактеат представляет собой оттиск штампом, образцом для которого послужила римская монета с изображением герба Рима — волчицы, кормящей двух младенцев (рис. 11). Как известно, римские монеты с таким изображением чеканились с III в. до н. э. до первой половины VI в. н. э. Сравнивая изображение на пянджикентском брактеате с монетами Рима, приходится признать, что, хотя брактеат и не копия с определенной монеты, иконографически трактовка эмблемы Рима на нем ближе к монетам V—VI вв. По всей вероятности, монета, по образцу которой был вырезан штамп, попала в Среднюю Азию в том веке, когда Средняя Азия вошла в прямой контакт с Византией. Учитывая обстоятельства находки брактеата, мы получаем лишнее подтверждение приведенного выше вывода о существовании Пянджикента в VI в. н. э.

¹ Коомарасвами. Указ. соч., pl. 20.

² Там же, стр. 76.

О. И. СМЕРНОВА

МОНЕТЫ ДРЕВНЕГО ПЯНДЖИКЕНТА¹

В течение 1951—1952 гг. Пянджикентский отряд СТАЭ продолжал раскопочные работы на городище древнего Пянджикента (близ современного районного центра — Пянджикент Ленинабадской области Таджикской ССР). Работы велись на самом городище и за его пределами; продолжались раскопки двух предполагаемых храмовых зданий (объекты I и II), начатые отрядом в 1947 г., и большого жилого комплекса дворцового типа (по мнению архитектора В. Л. Ворониной — городского квартала), раскопки которого были начаты в 1949 г. (объект III); были начаты также раскопки новых объектов: крупного здания, повидимому дома представителя местной знати (объект VI), и нескольких загородных усадеб за стенами городища (объект VIII).

В результате раскопок собран богатый монетный материал исключительного значения. Всего монет, целых и во фрагментах, найдено 384. Часть их очень плохой сохранности. Основная масса (363 экз.) представлена медными согдоязычными монетами различных типов, причем некоторые типы до сих пор нам не были известны. Кроме согдоязычных, найдено 14 медных арабоязычных монет (фельсы чекана г. Самарканда второй половины VIII в.), четыре так называемых «бухархудатских» монеты из низкопробного серебра и четыре монетных кружка, настолько поврежденных, что принадлежность их к той или иной группе определить невозможно.

Перечислим состав монетного материала по отдельным объектам.

Объект I. Всего найдено 20 монет, из них три фельса, одна монета бухархудатов, остальные из группы согдоязычных. Среди последних четыре новых типа, три из них особенно интересны: на оборотной стороне монет находятся легенды, содержащие имена и титулы князей древнего Пянджикента, на лицевой стороне — гербы (тамги) этих князей.

Монетные находки сделаны в самом «храмовом» здании и на территории прилегающего к нему двора, в помещениях ограды.

Объект II особо богат монетным материалом (126 экз.). Треть находок (42 экз.) очень плохой сохранности; часть монет, видимо, пострадала от пожара. Однако и по внешнему виду монетных кружков и по остаткам легенд и знаков на них они смело могут быть отнесены к монетам согдоязычной группы. Согдоязычные монеты в основном представлены экземплярами с легендами, содержащими имена и титулы князей древнего Пянджикента. Кроме того, встречено девять экземпляров с легендой *frtr m'wk'* — «старший жрец» (?), несколько экземпляров уже известных нам монет ихшидов Согда второй половины VII—начала VIII в. (Вахшумана, Шишпира и Тархуна),

¹ Предварительное сообщение по материалам раскопок 1951 и 1952 гг.

три монеты Тургага, сына Гурека (середина VIII в.), и три арабских фельса второй половины VIII в. При раскопках объекта II обнаружено также пять согдоязычных монет нового типа, из которых две принадлежат к типам монет ихшидов Согда; чтение имен на них должно пополнить известную нам хронологическую таблицу верховных правителей средневекового Согда.

На территории «храмового» здания, в северном крыле его жилой ограды, найдены остатки клада из 129 медных монет, на составе которого мы остановимся ниже.

Объект III. Всего найдено 53 монеты, из них шесть фельсов. Согдоязычные в основном представлены монетами князей древнего Пянджикента одного типа с экземплярами, найденными при раскопках «храмовых» зданий (объектов I и II), и монетами ихшидов Согда Гурека (а также подражаниями монетам этого князя), Тургага и Вахшумана.

Объект VI. Всего найдено 23 монеты, из них одна арабский фельс, одна монета бухархудатов, остальные принадлежат к уже известным нам типам согдоязычных монет ихшидов средневекового Согда — Шишпира, Тархуна и Гурека; две монеты с именем одного из князей Пянджикента.

Объект VIII. Загородные усадьбы, естественно, оказались самым бедным объектом. Раскопки их дали пока всего 13 монет, из них четыре арабские, одна бухархудатов и восемь согдоязычных. Среди последних встречаются два новых типа с изображениями правителей на лицевой стороне и тамгами и согдийскими надписями на оборотной.

Как видно из приведенного материала, раскопки 1951 и 1952 гг. значительно обогатили наши собрания согдийских монет раннего средневековья. Но несмотря на находку новых типов, состав монетного материала в основном остается тем же, полностью подтверждая данную ранее датировку верхнего слоя городища (VII—VIII вв. н. э.). Из сделанных на городище находок особый интерес представляют остатки клада, обнаруженные на территории «храмового» здания (объект II). Клад найден россыпью при расчистке завала небольшого помещения (№ 5) в северной части (северном крыле) ограды «храмового» здания. Первоначально монеты находились в сосуде или просто в тайничке в верхней части здания и упали вместе с рухнувшими верхними частями стен и крышей, образовавшими завал. В том же крыле ограды (в соседнем помещении № 4) обнаружены отдельные предметы, по мнению А. М. Беленицкого, остатки оборудования горна мастерской мастера по металлу. Клад состоит из 129 медных согдоязычных монет. Все монеты литые. 125 монет из 129 принадлежат к одному типу и вариантов не имеют (рис. 12 — 1, 2). Ниже приводим краткое описание одной из монет клада.

Посередине монетного кружка — квадратное отверстие, характерное для согдоязычных монет, литых по китайскому образцу¹. Лицевая сторона: посередине монетного кружка помещено изображение родового знака (тамги) князя (рис. 12 — 1), причем родовой знак расположен так, что квадратное отверстие совпадает с его центральной частью и составляет с ним одно целое. Обратная сторона: надпись из четырех слов, выполненная согдийским государственным письмом в одну строку. Каждое слово занимает одну из сторон центрального квадратного отверстия и содержит имя и титул князя, выпускавшего монету: $\gamma w \beta \mid p n \dot{s} u \mid M R y'.$ — «царь афшин Пянджикента...?» (чтение имени окончательно не установлено).

По внешнему и внутреннему краю монетного кружка идет широкий и плоский ободок. $\mathcal{A}$, длина 20 мм, вес 2,50 г, сохранность очень хорошая.

¹ Сравни расположение трехконечного $\mathcal{A}$ знака на монете, найденной при раскопках на Мунчак-тепе в южном Таджикистане. См. Отчет о работе Кафиниганского отряда начальника отряда М. М. Дьяконова.

Надписи на монетах вполне четкие и, несомненно, выполнены опытной рукой. Сами монеты, как говорилось выше, принадлежат к одному типу. Вариантов среди них не обнаружено. Размеры монет почти одинаковы (20—21 мм), вес же сильно колеблется (2,3—3,2 г). Сохранность монет различная.

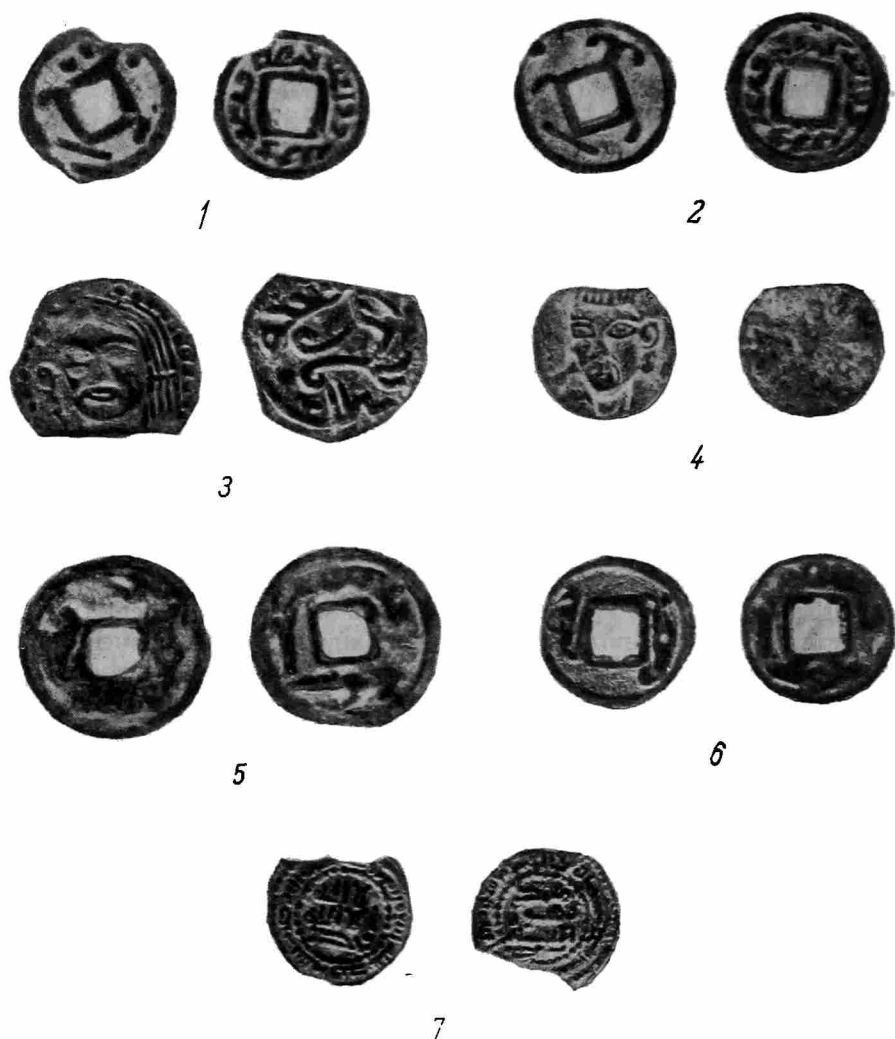


Рис. 12. Монеты из раскопок древнего Пянджикента:

1, 2 — монеты неизвестного князя Пянджикента; 3, 4 — монеты с изображениями правителей монголоидного типа (3) и местного, согдийского; 5, 6 — монеты ихшида Вахшумана равных достоинств; 7 — арабоязычная монета с изображением родового знака ихшидов
Согда на оборотной стороне.

Большое количество однотипных монет — большая удача для нумизмата, так как это обстоятельство значительно облегчило чтение находящихся на оборотной стороне монет надписей. Кроме того, сравнение матриц различных экземпляров монет позволило установить некоторые моменты техники литья, но на этом мы здесь останавливаться не будем.

Что касается надписей, то содержание их крайне интересно. Из них видно, что правитель Пянджикента, носивший титул $\gamma\omega\beta\ \rho\eta\epsilon\upsilon\ \text{MRy}'$ (титул, давно известный нам по документам с горы Муг в Таджикистане), имел право выпускать монету (медную) со своим именем и гербом. Много монет того же типа найдено (как следует из приведенного выше перечня

монетных находок) на других объектах (кроме объекта VIII) — факт, говорящий о том, что они несомненно имели в то время хождение. Встречено и несколько других — новых — типов согдийских монет; среди них имеются два типа, на оборотной стороне монет которого находятся надписи, содержащие имена и титулы трех (?) других пянджикентских (рпсѹ — «пянджикентский») князей. Это с несомненностью свидетельствует о существовании в древнем Пянджикенте монетного двора. Примечательно, что на лицевой стороне этих монет в качестве княжеских знаков помещены знаки рунического (?) письма; возможно, что Пянджикентом правила династия тюркского происхождения.

Заслуживают также внимания мало известные нам до сих пор согдоязычные монеты с изображением правителей на лицевой стороне. В этих изображениях намечается два различных антропологических типа — монголоидный и местный, согдийский. Любопытно, что на лицевой стороне монеты с изображением лица монголоидного типа, слева от него (рис. 12—3), имеется надчекан, состоящий из одного согдийского слова fgn — «благодарить» (сравни среднеперсидское *farāh* в том же значении) — термин, обозначающий божественную благодать, которой, по верованиям древнего Ирана, должен был обладать законный представитель царствующего дома. На монете с изображением лица другого типа (рис. 12—4) такого надчекана нет.

Что касается уже известных нам типов монет ихшидов (верховных правителей) Согда, то обследование нового материала установило существование у одного правителя монет двух разных стоимостей. Монеты отличаются только по весу и диаметру. В оформлении лицевой и оборотной сторон отличий нет (рис. 12—5, 6).

Весь материал в целом подтвердил высказанное ранее положение о том, что во второй половине VIII в. согдоязычные монеты имели хождение на территории Согда одновременно с арабоязычными¹. Подтверждается и высказанное там же предположение о преемственности арабского чекана Самарканда от монет верховных правителей Согда, что нашло отражение в помещении родового знака ихшидов Согда в поле на оборотной стороне арабских фельсов. Любопытно, что знак на последних перенесен на оборотную сторону монеты и помещен под символом веры (рис. 12—7), иными словами, этот знак уже имел второстепенное значение.

¹ МИА, № 15; Труды СТАЭ, т. I, 1950, стр. 231

Х. А. МООРА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
В ЭСТОНСКОЙ ССР В 1951 и 1952 гг.

После изгнания гитлеровских оккупантов археологические работы в Эстонии получили новый размах и поднялись на новую, высшую ступень. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что с 1946 по 1952 г. объем полевых археологических работ в Эстонской ССР увеличился в шесть раз. Но развитие археологии в Эстонии состоит не только в увеличении внешних масштабов работы, а в первую очередь в изменении качества исследований. Археология Эстонии стала подлинной наукой. Важнейшая задача археологов Эстонской ССР — разоблачение появившихся в годы буржуазно-националистической диктатуры антинаучных концепций и создание нового, марксистского обобщения древнейшей истории Эстонии. Эта общая задача определяет и цель полевых археологических работ: они направлены на получение новых материалов, необходимых для выяснения древнейшей истории Эстонии на основе марксистско-ленинской методологии и для заполнения тех серьезных пробелов, которые остались от старой формалистической археологии периода буржуазной диктатуры.

При перестройке своей работы на марксистских началах археологи ЭССР получали и получают большую помощь от Института истории материальной культуры АН СССР в целом и от отдельных его сотрудников. Благодаря этому археологические работы в ЭССР с каждым годом все больше координируются с работами ИИМК. В 1951—1952 гг. некоторые археологические исследования в Эстонии производились совместно силами ИИМК АН СССР и Института истории АН ЭССР.

В условиях буржуазной Эстонии неолитические памятники долго оставались одними из наименее изученных. Естественно, что с началом планомерного исследования археологических памятников в Советской Эстонии большое внимание было уделено изучению именно эпохи неолита. Начиная с 1946 г. ежегодно производились раскопки неолитических поселений.

В 1951—1952 гг. главным объектом исследования была стоянка Акали, расположенная на берегу р. Акали, южного притока р. Эмайыги, на западном побережье Чудского озера. Культурный слой здесь покрылся торфом, благодаря чему в древнейшей части стоянки сохранились и изделия из кости. Стоянка Акали особенно интересна тем, что, вследствие повышения уровня воды в Чудском озере и во впадающих в него реках и связанного с этим затопления территории стоянки, жители были поставлены перед необходимостью постепенно отходить от первоначальной береговой линии и переносить стоянку на лежавший в ее тылу холмик. Благодаря этому очень ясно различаются культурные отложения разных времен.

Во время раскопок была проведена траншея поперек всей территории стоянки и заложены небольшие раскопы по ее краям для установления размеров занимаемой площади. Раскопки дали богатый материал: несколько тысяч обломков керамики, около тысячи мелких кремневых изделий, предметы из кристаллических пород и десятки находок янтаря.

Наиболее древними бытовыми остатками на поселении, залегающими ближе всего к первоначальному берегу р. Акали, являются черепки типичной ямочно-зубчатой керамики, относящейся приблизительно к середине III тысячелетия до н. э. Несколько дальше от берега наряду с ямочно-зубчатой

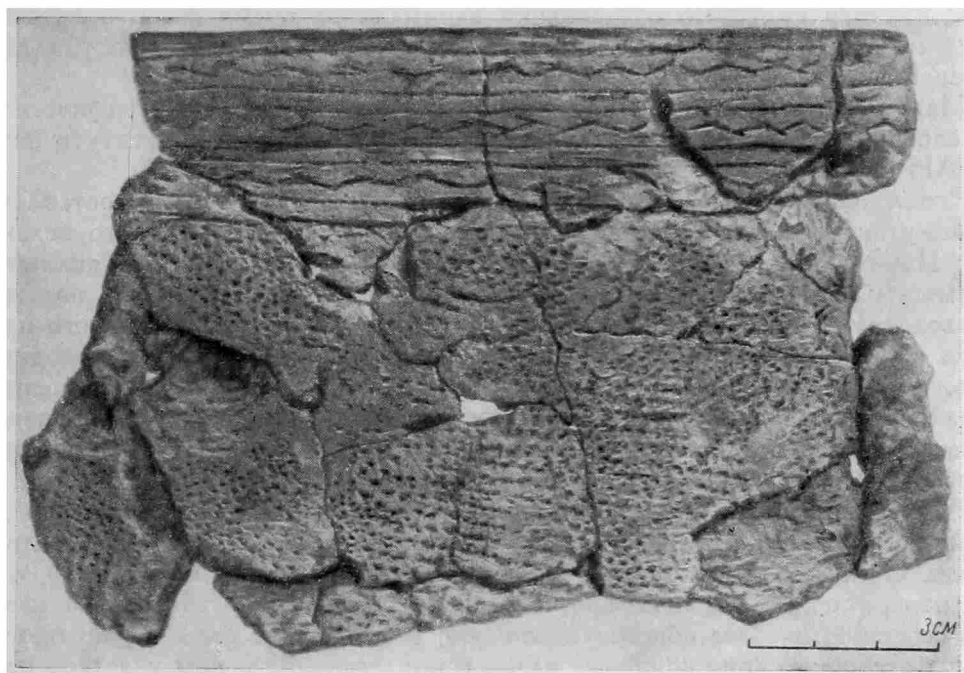


Рис. 13. Обломок глиняного сосуда с отпечатками зубчатого штампа и сетчатым орнаментом. Стоянка Акали.

керамикой встречается шнуровая и ранняя сетчатая керамика, которая по мере удаления от берега сменяется поздней сетчатой. К последней примешивается штрихованная керамика, т. е. формы, характерные уже для раннего железа середины и второй половины I тысячелетия до н. э.

Таким образом, на поселении можно впервые в Прибалтике проследить последовательную смену разных типов керамики, известных нам до сих пор из различных разобщенных между собой местонахождений. Это имеет, естественно, исключительный научный интерес для разрешения хронологических вопросов. Следует отметить еще и то, что на стоянке Акали обнаружены отдельные образцы керамики с орнаментом смешанного или переходного характера, например обломок сосуда (рис. 13), на котором имеется и зубчатый и ранний (грубый) сетчатый орнамент. На материале из Акали впервые можно установить, что в Прибалтике шнуровая керамика пережила известное развитие, так как можно различить ее ранние и поздние варианты. Одним словом, материал Акали представляет большой интерес для разрешения ряда вопросов по мало известному нам до сих пор периоду II—I тысячелетий до н. э.

Примерно в 2,5 км к западу от Акали в 1951 г. обнаружена другая стоянка — Кулламяги, где встречен такой же материал и в такой же последовательности, как и на Акали. Раскопки этой стоянки подтверждают

наблюдения, сделанные в Акали. В процессе раскопок обеих стоянок выяснены и их размеры. Территория стоянки Акали тянется в направлении берега реки (с северо-запада на юго-восток) на протяжении 100 м, а в другом, перпендикулярном к берегу реки направлении (с северо-востока на юго-запад), — 170 м. Длина территории стоянки Кулламяги в направлении, параллельном реке (с северо-востока на юго-запад), 170 м, а в другом (с северо-запада на юго-восток) — 90 м. Различная протяженность стоянок в разных направлениях объясняется тем, что стоянка Акали лежит на холмике, обращенном одним концом к реке, тогда как Кулламяги расположена на боковой стороне холма, направленного длинной осью параллельно берегу. Надо иметь в виду, что обе стоянки занимали за время своего существования не всю площадь, а только полосу ее, которая, постепенно удаляясь от берега, поднималась на более возвышенные части холмов.

Материалы раскопок обеих стоянок положены в основу монографического исследования, законченного в начале 1953 г. сотрудником Института истории АН ЭССР Л. Ю. Янитсом.

Эпоха бронзы и начало железного века, как и эпоха неолита, составляют промежуток времени, в отношении которого существует еще много неясностей. Памятники этого периода уже в течение нескольких лет являются предметом археологических изысканий А. К. Вассара. В 1952 г. под его руководством производились раскопки городища Иру, расположенного примерно в 7—8 км восточнее Таллина. Целью раскопок Ирусского городища было, с одной стороны, получение новых материалов по мало изученной эпохе раннего металла, а с другой — накопление данных для разрешения поставленного перед археологами ЭССР вопроса о времени возникновения и древнейшего развития города Таллина.

Иру — ближайшее к Таллину древнее городище. Оно расположено на природной гряде удлинённой формы, с высокими крутыми склонами с двух сторон. С двух других концов городище укреплено валом. Есть еще и третий, поперечный вал, разделяющий его площадку на две части — на меньшую северную и более обширную южную. В довоенные годы были произведены раскопки обоих концевых валов и прилегающих к ним участков площадки¹. Под насыпью северного вала были обнаружены остатки культурных отложений поселения конца бронзового и начала железного века. В изученной части площадки следов этого поселения не сохранилось. Объясняется это, повидимому, потревоженностью культурного слоя, подвергавшегося долгое время распашке. Южный концевой вал оказался поздним; под ним также не сохранилось следов названного поселения. В 1952 г. была поэтому снесена часть среднего вала, причем под его насыпью обнаружены, как и под северным валом, остатки культурного слоя древнейшего поселения. Найдены предметы из кости и рога, обломки керамики, в том числе и сетчатой, датируемые первой половиной и серединой I тысячелетия до н. э. (рис. 14).

Примерно в середине I тысячелетия н. э. над остатками поселения был насыпан земляной вал, над которым позже был построен в два разных периода вал из известнякового плитняка. Слои середины и второй половины I тысячелетия дали керамику того же типа, что и вскрытые прежними раскопками напластования в районе северного и южного валов². Из металлических предметов укажем уникальную пряжку VI—VII вв. (рис. 15—3). В позднейшем слое (IX—X вв.) сохранились обуглившиеся остатки зерен ячменя и конского боба. В X—XI вв. городище Иру прекратило существование. По соседству с ним в это время возникает на месте нынешнего Тал-

¹ См. об этом «Muistse Eesti linnused» (Городища древней Эстонии). Тарту, 1939, стр. 53 сл. (или резюме, стр. 224 сл.).

² Ср. «Muistse Eesti linnused», рис. 29, 30, 57, 58.

лина новое, более мощное укрепление Колывань, в котором нашел отражение новый этап развития производительных сил и общественных отношений — этап становления феодализма.

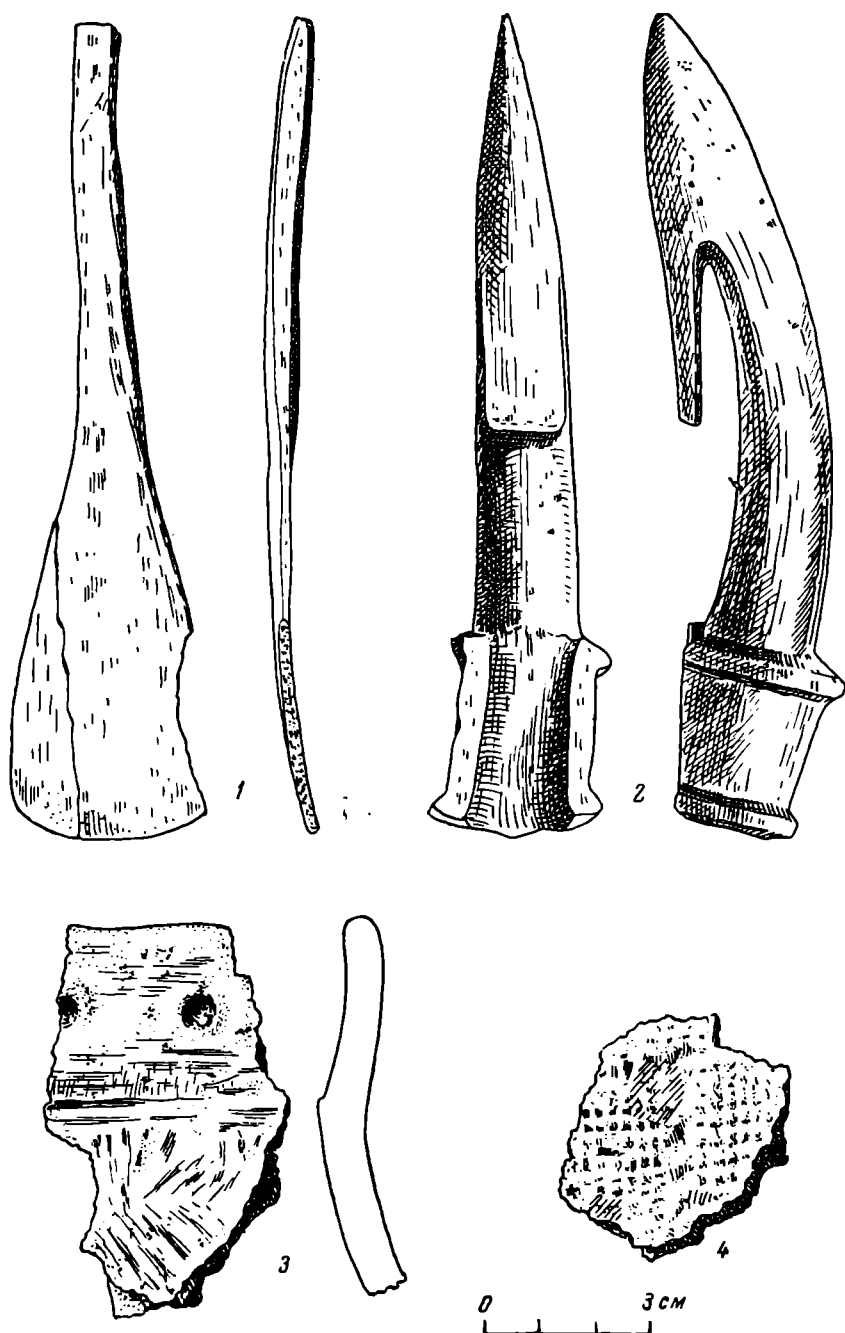


Рис. 14. Костяные предметы (1, 2) и образцы керамики (3, 4) из древнейших слоев городища Иру близ Таллина.

Сотрудницей Института истории АН ЭССР М. Х. Шмидехельм разработан богатый археологический материал из северо-восточных районов Эстонии, относящийся ко второй половине I тысячелетия до н. э. и началу I тысячелетия н. э. Ввиду того, что этот материал, добытый большей частью в досоветское время, происходит почти исключительно из могильников,

М. Х. Шмидехельм произвела в тех же районах раскопки некоторых городищ. В 1951 и 1952 гг. раскапывалось городище Клооди (Пахнимяги) в Раквереском районе, в 1952 г., помимо того, произведена шурфовка на городище Таракаллас в соседнем Кивиылиском районе. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что в результате работ последних лет на севере

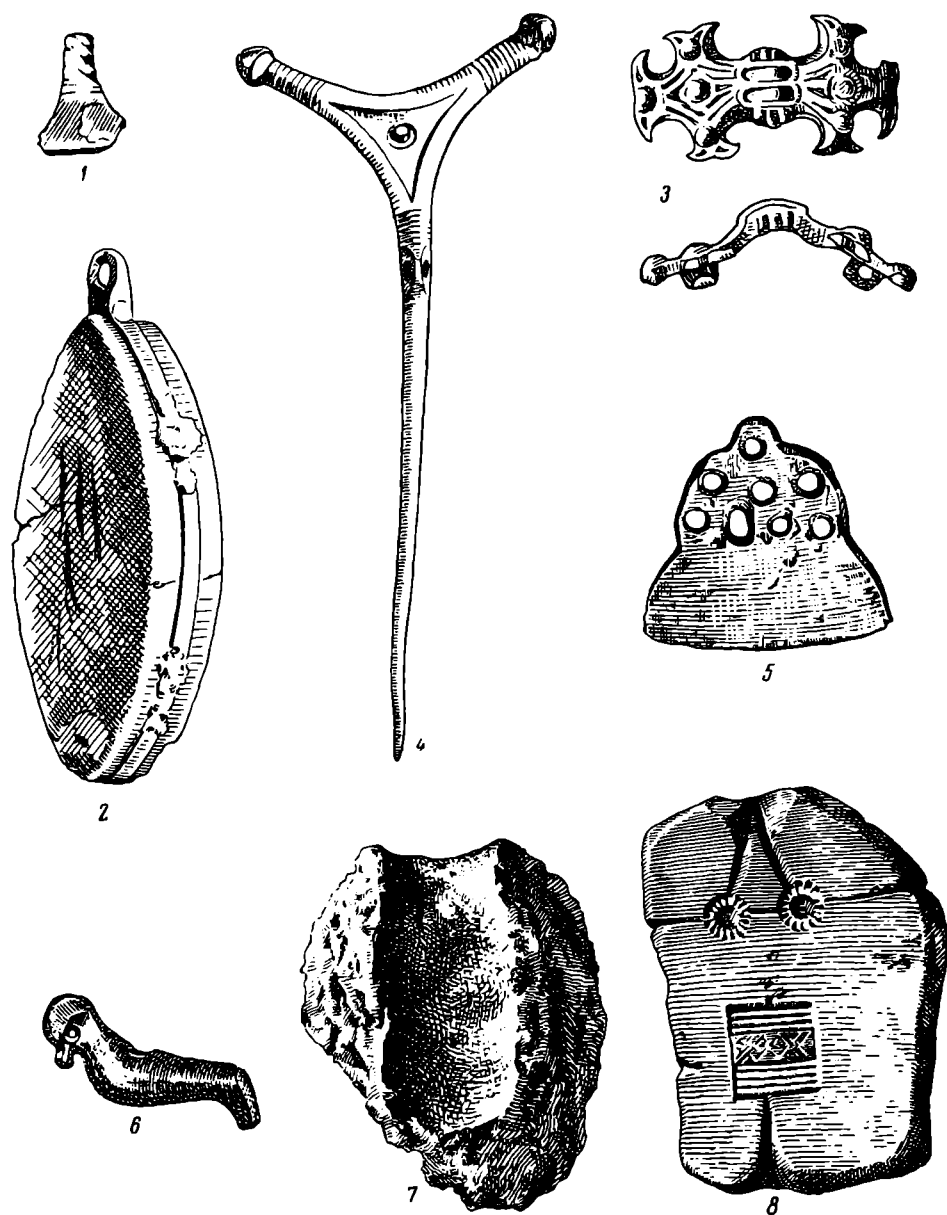


Рис. 15. Некоторые предметы из раскопок XVI кургана в Линдора Выруского района (1, 2), городища Иру близ Таллина (3) и городища Рыуге Выруского района (4—8).

Эстонии установлен особый тип городищ, который характеризуется сравнительно большими размерами площадки (4000 м² и более), но отличается слабо выраженным и бедным археологическими материалами культурным слоем. Валы на таких городищах и другие оборонительные сооружения незначительны. Судя по этим признакам, это временные убежища сравнительно многочисленных коллективов. Их никак нельзя считать укреплен-

ными поселениями типа древнейшего поселения в Иру, которое отличается мощностью и насыщенностью культурного слоя. Они относятся к более позднему времени, примерно с рубежа нашей эры и кончая серединой I тысячелетия. По всей вероятности, мы имеем здесь дело с укрепленными местами родственных коллективов, скорее всего ряда семейных общин, которые к середине I тысячелетия распались и забросали свои городища. Для более полного выяснения характера таких городищ необходимо попытаться найти и изучить (помимо связанных с ними могильников) ближайшие современные им открытые поселения.

От подобных городищ северной полосы Эстонии заметно отличаются городища на юге республики, частично синхронные с ними. Для «южных» городищ характерны меньшие размеры площадок, но ярче выраженный и более насыщенный керамикой и другими материалами культурный слой. Следовательно, такие городища на юге страны были постоянно обитаемы. К числу укрепленных мест этого типа относится городище Рыуге Вырусского района на юго-востоке ЭССР. Археологическое исследование этого памятника, начатое в 1951 г. и продолженное в 1952 г., производилось совместно ИИМК АН СССР и Институтом истории АН ЭССР.

Городище расположено на естественной узкой гряде, укрепленной с обеих концов рвом и валом. Длина площадки 70 м при средней ширине около 20 м. Высота валов с наружной стороны 3 м. Следовательно, Рыуге — это небольшое и не особенно сильно укрепленное, но тем самым типичное для данного периода южноэстонское городище. Во время раскопок проложена траншея через вал на восточном конце и вскрыта часть прилегающей к валу площадки. Разрез вала показал шесть последовательных строительных периодов, четко отделенных друг от друга прослойками угля, остатками уничтоженных пожарами бревенчатых оборонительных сооружений, завершавших вал. После каждого пожара вал получал новую подсыпку, толщиной примерно в 50 см, и на ней возводились новые срубы. Подсыпка сделана при этом так, что вал не только поднимался в высоту, но одновременно расширялся в сторону расположенного перед валом рва.

Время возникновения вала может быть приблизительно определено благодаря тому, что в его нижних слоях обнаружена, хотя и в небольшом количестве, штрихованная керамика, а в верхних горизонтах — керамика и предметы X—XI вв. Штрихованная керамика вплоть до III—IV вв. сравнительно обычна в Эстонии, тогда как в V—VI вв. она, повидимому, исчезает. Имея в виду небольшое количество найденной в Рыуге штрихованной керамики, следует полагать, что нижние слои вала были насыпаны примерно в середине I тысячелетия. Круговая керамика, которая в Эстонии появляется в XI в., представлена на Рыуге лишь отдельными черепками. Ко времени ее появления городище, повидимому, уже прекратило свое существование.

Разновременные слои насыпи вала были зафиксированы путем изготовления так называемых пленочных монолитов. Метод изготовления пленочных монолитов используется пока лишь геологами, но он очень полезен и в археологии. Метод этот состоит в том, что на расчищенную поверхность культурного слоя разреза наносится ацетоновый клей, который, высыхая, превращается в пленку. Пленка снимается, на ее обратной стороне оказывается приклеившимся точный отпечаток культурного слоя, но в зеркальном отражении¹.

В раскопе, заложенном на площадке, обнаружена та же керамика, что и у вала. Много места в ней занимает грубая керамика, изготовленная из глины с примесью дресвы, сравнительно слабо обожженная и с неровной

¹ Описание изготовления пленочных монолитов дает К. Орвику в статье «Пленочный монолит». Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 4. Геология и география. Тарту, 1948.

поверхностью. Сосуды этого типа имеют обычно вид горшков с несколько расширяющимися кверху слегка выпуклыми стенками. Под краем у некоторых из них проходит ряд небольших отверстий (рис. 16—4). Другой тип представлен более тщательно изготовленными острореберными сосудами, часто имеющими форму миски. На их поверхности, гладкой, иногда даже лащенной, в отдельных случаях встречается простой геометрический орнамент

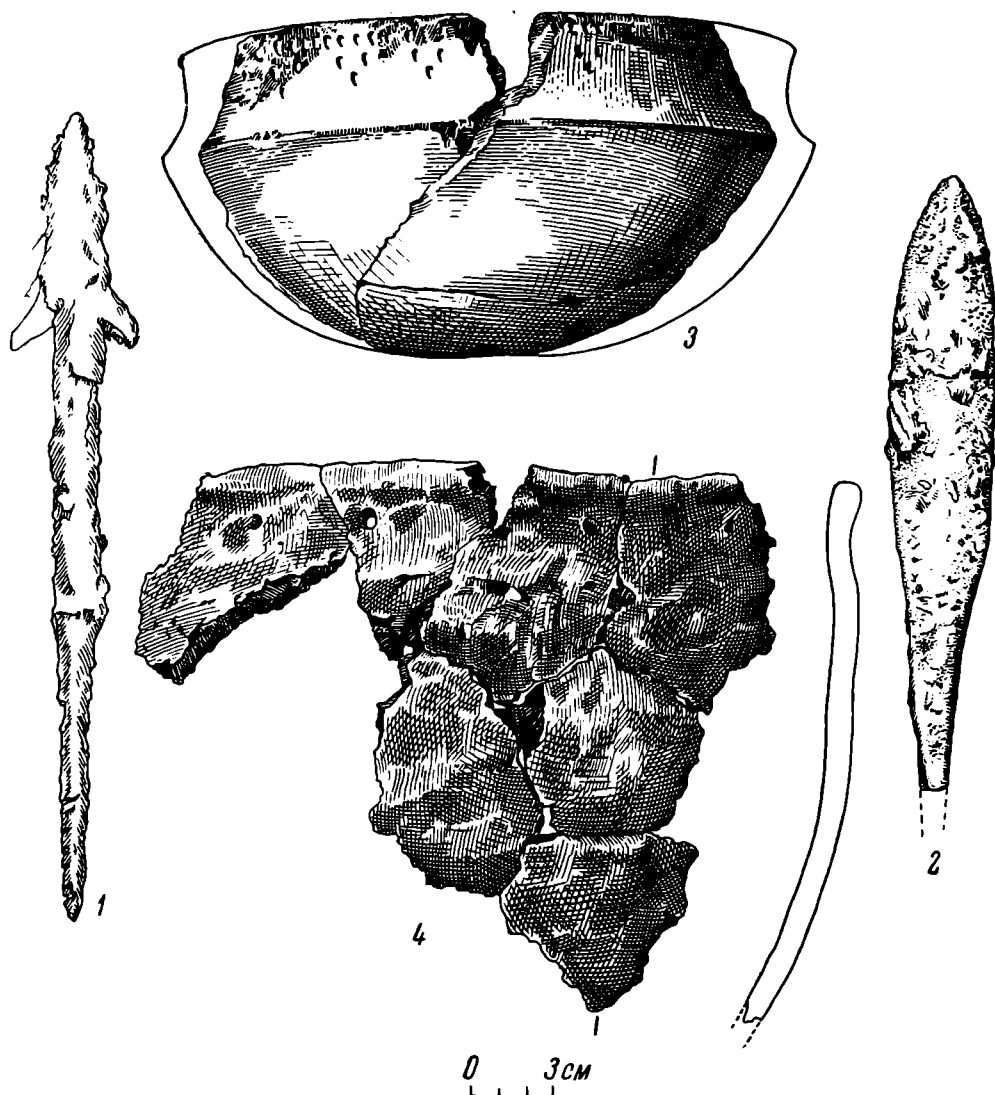


Рис. 16. Два наконечника дротиков (1, 2) и образцы керамики (3, 4) с городища Рыуге Вырусского района ЭССР.

из вдавленных ямочек (рис. 16—3). Оба вида керамики обнаружены в юго-восточной Эстонии и на других городищах второй половины I тысячелетия. Оба типа, несомненно, находятся в прямой связи с соответствующей керамикой городищ того же периода на Псковщине и в Белоруссии, свидетельствуя о тесных связях между древними эстонским и славянским племенами.

На раскопанной части площадки городища открыты следы жилой постройки площадью примерно $4,5 \times 3,5$ м. Сохранился глинобитный пол, обновлявшийся в свое время несколько раз. Примерно в его середине находился сложенный из камней очаг, а в одном из углов — обломки глиняных сосудов с остатками зерен ячменя. К северу от этой постройки встречены

остатки другой бревенчатой постройки, меньших размеров, в которой также имелся очаг. Вокруг очага лежало несколько обломков глиняных тигельков для плавки бронзы и фрагменты литейных формочек из мергеля (рис. 15—7, 8). Характер и число находок не позволяют предполагать здесь наличие мастерской, а скорее свидетельствуют о домашнем производстве.

Из других находок упомянем четыре серебряные куфические монеты конца VIII—начала IX в., костяные подвески в виде фигурки птички и лопаточки с ажурной верхней частью, а также бронзовую булавку VII в. (рис. 15—4—6) и два дротика примерно того же времени (рис. 16—1, 2).

Намечено вскрыть всю площадку. Главная цель работ—выяснение характера располагавшегося на этом городище поселения: представляло ли оно собой двор, усадьбу одного представителя выделявшейся в этот период знати или было связано с общим хозяйством определенного коллектива. Есть надежда, что если не раскопки одного городища, то систематическое изучение нескольких подобных укрепленных пунктов даст определенный ответ на этот вопрос и позволит охарактеризовать древнеэстонское общество данного периода.

Одновременно с раскопками на Рыуге произведено обследование городищ в юго-восточных районах Эстонской ССР и в соседних районах Псковской области РСФСР. Были проверены имеющиеся о них данные, установлен характер культурного слоя и собрано некоторое количество керамического материала, позволяющего хотя бы в самых общих чертах датировать городища.

Наличие на юго-востоке Эстонии курганных могильников славянского типа, в том числе и длинных курганов, было известно археологам давно (ср. карту рис. 17). Эти курганы еще плохо изучены. В связи с работой на соседней территории Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР (возглавляемой С. А. Таракановой), производившей, наряду с изучением других памятников, исследование древнеславянских курганных могильников, в 1951 г. был вновь пересмотрен весь материал из курганов, обнаруженных в пределах ЭССР, и раскопаны на самом юго-востоке Эстонской ССР, в Линдора Вырусского района, три длинных кургана.

Линдорский могильник расположен в сосновом лесу, в 17 км восточнее г. Выру, приблизительно на 300 м южнее р. Лооси, левого притока впадающей в Псковское озеро р. Пимжи. Могильник имеет 20 курганов, в том числе 8 круглых, 11 длинных и один «комбинированный», т. е. длинный с круглыми насыпями на обоих концах.

Приведем описание одного из раскопанных курганов (XVI). Длина его 16,5 м, ширина 8 м, высота 60—70 см. Северный склон значительно круче южного (рис. 18). Курган насыпан из красноватого сыпучего песка, в котором местами обнаруживались мелкие угольки и пятна смешанного песка грязновато-бурого цвета. Насыпь в двух-трех местах потревожена кладоискателями, но тем не менее в общем была в хорошем состоянии. Частично песок для насыпи брался из окружавшего курган ровика, который позже заплыл. В заполнявшем ров грунте встретилось много угля. Под насыпью в восточной половине кургана, в небольших, слегка впущенных в материк ямах, обнаружены два трупосожжения. Одно из них принадлежало мужчине, сожженному вместе со своим конем, а другое, повидимому, ребенку или подростку. При первом обнаружен небольшой обломок бронзового предмета, вероятно пинцетки, и кварцитовое кресало овальной формы, охваченное железным ободком, с ушком на одном конце (рис. 15—1, 2). Подобные пинцетки и кресала датируются в Прибалтике обычно серединой I тысячелетия.

На основании сделанных при раскопках наблюдений порядок сооружения, очевидно характерный для Линдорских курганов, представляется

примерно следующим образом. Прежде всего с поверхности участка, на котором предполагалось насыпать курган, снимался растительный слой и подстилающий его подзол. После этого на площади кургана разводились костры, вероятно для «очистения» участка. Затем выкапывалась в материке неглубокая котловидная яма, куда высыпались останки сожженного в стороне

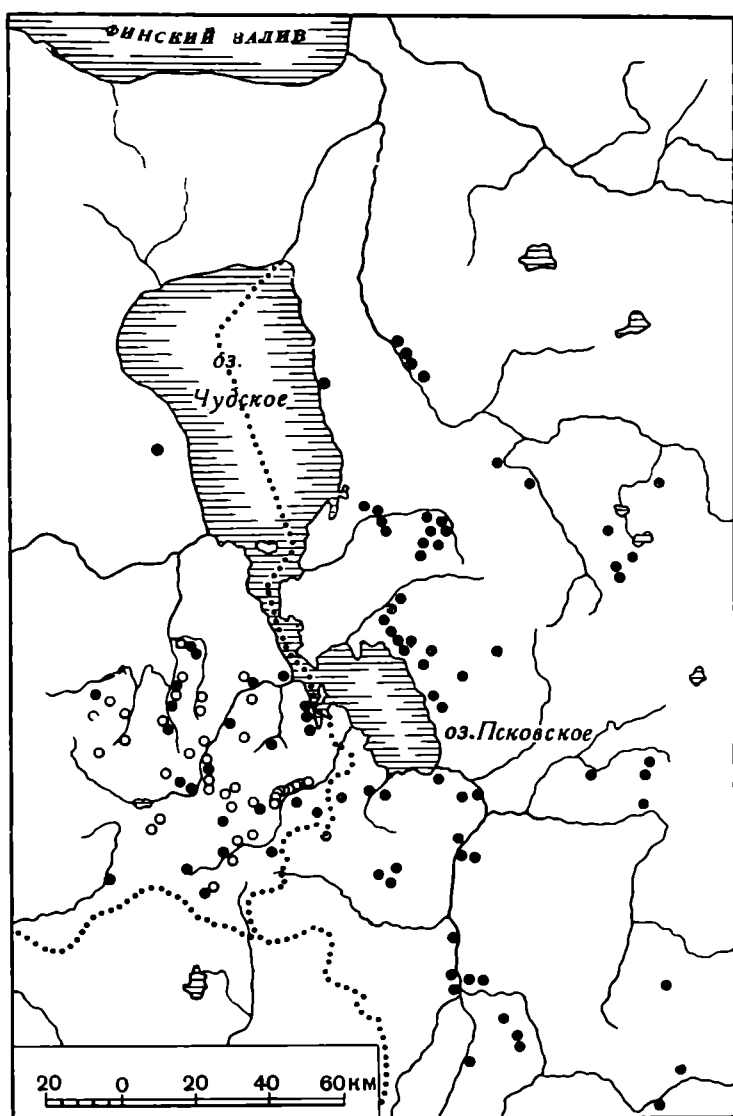


Рис. 17. Схематическая карта распространения длинных курганов в юго-восточной части Эстонской ССР и в соседних районах РСФСР. Незаполненными кружками в пределах Эстонии обозначены могильники V–VIII вв., состоящие из одних лишь круглых курганов.

трупа вместе с остатками костра. После того как курган насыпался примерно до половины высоты, на его поверхности опять разводились костры. От этих костров остались угли, замеченные по краям всех трех раскопанных курганов, примерно в середине толщи их насыпи. Когда же курган достигал окончательной высоты, на его поверхности опять разводились костры, возможно уже во время более поздних поминок. Остатками позднейших костров следует считать многочисленные угли, обнаруженные в песке, заполнявшем

ровик у подножия курганов. Раскопки 1951 г., как и исследования прежних лет, показали, что все вскрытые до настоящего времени на территории ЭССР длинные курганы насыпаны, повидимому, в один прием, а не возникли, как предполагали некоторые исследователи, путем «удлинения» первоначальных круглых насыпей.

В 1951—1952 гг. были частично изучены и отдельные памятники более позднего периода — XII и последующих веков. Из них упомянем два —

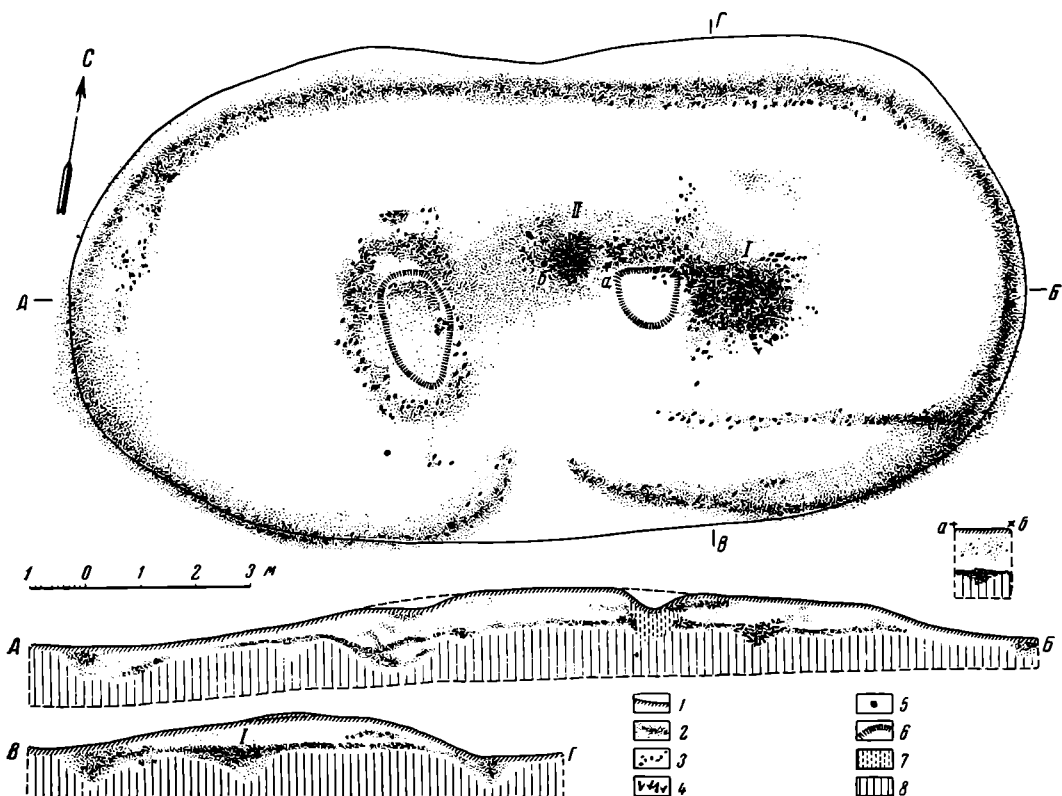


Рис. 18. План и профили кургана XVI в Линдора Вырусского района ЭССР (раскопки 1951 г.):

1 — растительный слой; 2 — песок темный; 3 — уголь; 4 — пережженные кости; 5 — находки вещей; 6 — потревоженные участки (на плане); 7 — то же (на профиле); 8 — материк; I, II — места трупосожжений; A—B, B—Г, а—б — линии разрезов.

городище Наану в Вильяндиском районе и Отепяское городище в районе того же названия. Городище Наану относится к периоду, когда укрепленные места у древних эстонцев превращались в центры сосредоточения власти феодальной знати. В результате все более широкого использования рабского труда и труда зависимых общинников эти поздние городища-замки обносились значительно более мощными валами и другими оборонительными сооружениями, чем городища предшествующего периода.

По своему типу Наану относится к мысовым городищам. Оно отрезано с напольной стороны глубоким рвом и валом, достигающим высоты 7 м. Проведенная через вал траншея показала, что он насыпан в один прием. На вскрытой у внутреннего подножия вала части площадки обнаружены обуглившиеся остатки бревенчатых срубов, которыми в свое время был окаймлен гребень вала, а также множество камней — метательный материал, скатившийся к подножию во время пожара, уничтожившего срубы. Характер культурного слоя, его незначительная мощность (около 20 см) и насыщен-

ность не оставляли сомнения в том, что городище Наану было обитаемо, но что просуществовало оно недолго.

Обнаруженный археологический материал относится к XII в., возможно и к началу XIII в. Среди отдельных находок можно отметить подковообразную пряжку, спиральный перстень и витой браслет из бронзы, железный наконечник дротика (рис. 19—6—9). Керамика, за немногими исклю-

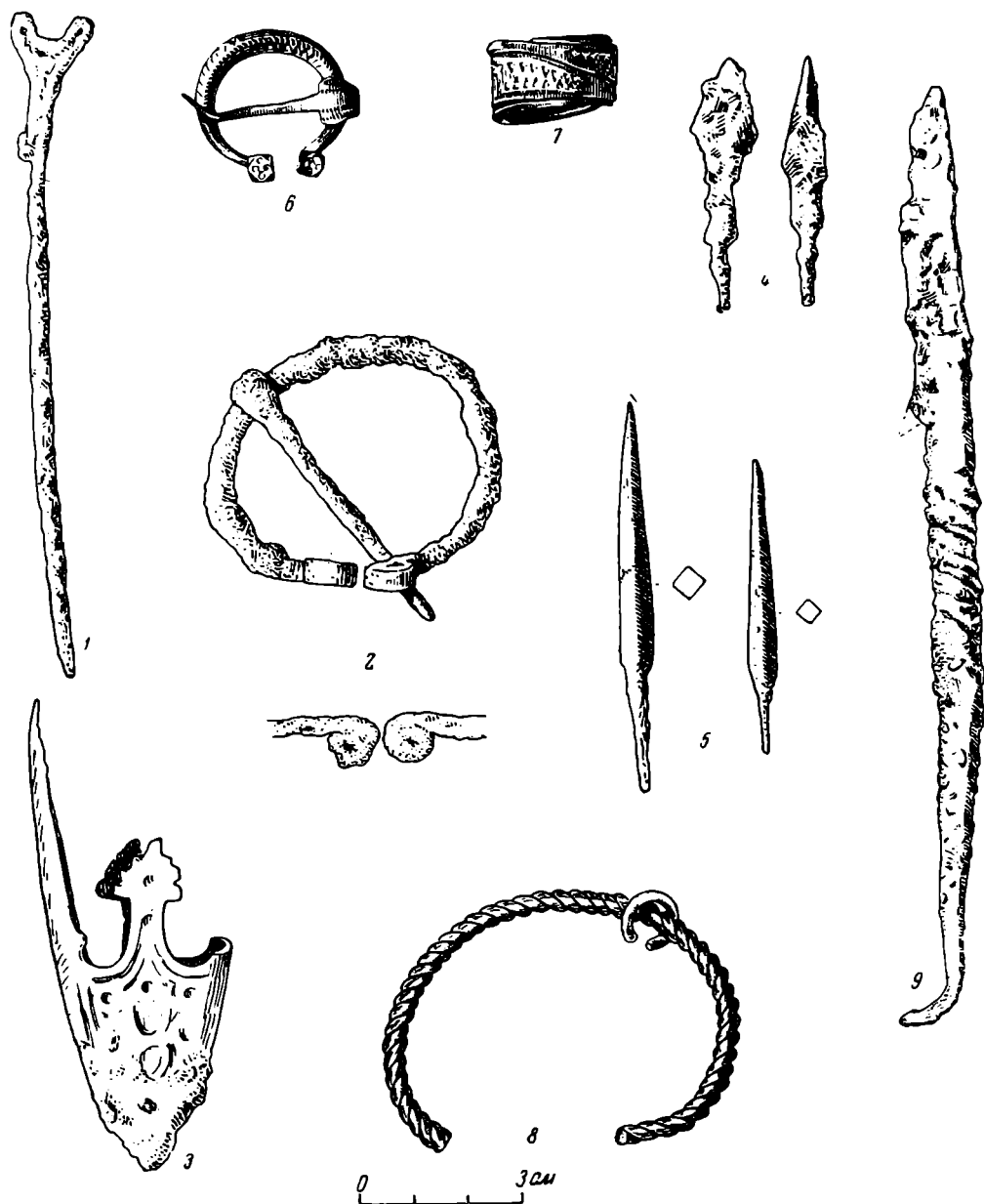


Рис. 19. Некоторые предметы из раскопок городищ Отепя Отепяского района (7—5) и Наану Вильяндиского района (6—9).

чениями, круговая. По своему типу она соответствует славянской керамике. Интересно, однако, что в деталях она ясно отличается от подобной керамики двух соседних городищ начала XIII в. — Лыхавере и Синиалику, находящихся на расстоянии около 20 км от Наану. Местные особенности, свой-

ственные керамики каждого из этих городищ, свидетельствуют о том, что на каждом из них работал свой мастер.

Отепя был в X—XIII вв. одним из крупнейших центров южноэстонских земель¹. Он играл важную роль в развитии русско-эстонских взаимоотношений. Отепя не раз упоминается в древнерусских летописях под названием Медвежья Голова. В XIII в., после вторжения в Эстонию немецких феодальных захватчиков, на этом городище был построен епископский замок. Раскопки, ведущиеся в Отепя с 1950 г., показали, что под постройками замка частично сохранился культурный слой древнего эстонского городища. Обнаруженный в этом слое археологический материал свидетельствует о том, что городище возникло еще в VII в. Помимо керамики, соответствующей керамике из Рыуге (например, обломки сосудов типа, представленного на рис. 16—4), к древнейшим находкам относится характерная для VII в. булава (рис. 19—1). Концом I тысячелетия (IX—X вв.) можно датировать железные подковообразные пряжки (рис. 19—2). Сравнительно больше найдено предметов XI—XIII вв., в том числе несколько браслетов и одна витая шейная гривна славянского типа. К предметам древнерусского типа относится также ромбовидный наконечник стрелы (рис. 19—4). Таким образом, значительная часть встреченного в слое XI—XIII вв. материала свидетельствует о тесных связях Отепя с русскими землями.

Частично вскрыто основание крепостной стены замка с главным входом в северо-восточной ее части и остатки кирпичных построек во дворе замка. Получено совершенно новое представление о плане замка XIII—XV вв. Оказалось, что существующие до сих пор планы замка Отепя, составленные на основании поверхностных наблюдений и прочих соображений, не соответствуют действительности. Траншея, проложенная через вал на северном конце замка, вскрыла нижнюю часть крепостной стены с бойницей и фундаментом под стеной. С накоплением дальнейшего материала будет интересно сравнить архитектурные детали Отепянского замка с архитектурой крепостных сооружений соседних русских городов. Есть основания полагать, что к постройке Отепянского замка были привлечены русские мастера.

Раскопки городища и замка Отепя будут в последующие годы продолжены и распространены при этом на территорию расположенного близ городища древнего поселения.

В 1952 г. было положено начало археологическому исследованию столицы республики Таллина². Под руководством С. А. Таракановой были заложены на таллинском Тоомпеа, или Вышгороде, т. е. на месте древнего городища Колывани, два раскопа. Ввиду того что о результатах раскопок в Таллине опубликована специальная статья, мы ограничимся здесь лишь упоминанием о них. Археологические работы, производившиеся в Таллине впервые, носили в основном разведочный характер. Тем не менее они дали весьма интересные результаты. Наиболее важное из них — открытие под позднейшими наслоениями остатков культурного слоя XI—XII вв. Тем самым установлено, что на месте Таллина задолго до вторжения в начале XIII в. датско-немецких феодальных захватчиков существовало эстонское городище и поселение. Этим опровергается ложное утверждение немецких и эстонских буржуазно-националистических историков, что Таллин был основан чужеземными завоевателями.

На следующие годы намечено продолжить и расширить археологическое исследование древнего Таллина и большинства других перечисленных нами памятников.

¹ Х. А. Моора. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК, вып. XLII, 1952, рис. 8.

² С. А. Тараканова. Археологические раскопки в Таллине. Изв. АН ЭССР, т. I, № 4, Таллин, 1952, стр. 58 и сл.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Ф. С М И Р Н О В

РАБОТА ПЕРВОГО НИЖНЕВОЛЖСКОГО ОТРЯДА
СТАЛИНГРАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1952 г. начал археологические исследования в зоне будущего Сталинградского водохранилища первый Нижневолжский отряд Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР.

Отряд под руководством автора настоящей статьи производил раскопки курганов близ с. Политотдельского Николаевского района и около с. Иловатки — районного центра Сталинградской области. Работы были начаты на коренной террасе левого берега Волги. Здесь, в 4 км к юго-востоку от с. Политотдельского, отряд зафиксировал 26 курганов, из которых три были исследованы. Затем работы были перенесены на север, в район Иловатки, где по краю первой надпойменной террасы, между сс. Иловаткой и Колышкиным, тянется цепь древних курганов, поднимаясь на коренную террасу и уходя на восток в глубь степи. Было раскопано шесть курганов (из 16). Кроме того, исследованы три кургана в группе из 11 курганов, тянувшихся цепочкой за северо-восточной окраиной Иловатки.

До сих пор этот участок левобережья Волги археологически не обследовался, если не считать незначительных раскопок П. Рау близ Колышкина в 1925 г. и у Старой Полтавки.

В 12 раскопанных первым Нижневолжским отрядом курганах обнаружено 62 погребения различных времен, от эпохи бронзы до средневековья.

Погребения эпохи бронзы. Преобладающее число погребений (не менее 45) относится к эпохе бронзы. Основная курганная группа у с. Иловатки возникла в эпоху бронзы; с меньшей уверенностью можно говорить о курганной группе у с. Политотдельского, где среди трех исследованных курганов один был насыпан над сарматской могилой.

Курганы № 2 у Политотдельского и № 1—3 у Иловатки были насыпаны еще во времена ямной культуры. Остальные курганы с погребениями эпохи бронзы (№ 1 у Политотдельского, № 4—6 у Иловатки, № 3 в окрестностях Иловатки) возникли позже, во времена срубной культуры.

Девять исследованных погребений ямной культуры однотипны с немногочисленными памятниками этой же культуры, исследованными ранее в соседних более северных районах Саратовского Заволжья¹. Это в большинстве случаев прямоугольные, реже овальные могилы с деревянным перекры-

¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.

тием (плахи поперек или вдоль могилы), обычно содержащие индивидуальные погребения. Костяки лежат скорченно, чаще всего на спине, головами на восток или северо-восток; руки или слегка согнуты в локтях и кистями лежат на тазовых костях, или вытянуты вдоль туловища и кистями обращены к верхней части бедер. Кости скелетов окрашены охрой; особенно много ее в головах и на ступнях, где встречаются целые куски этой краски. В могилах попадаются угольки, зола, кусочки мела. Обычно центральные, довольно обширные могилы с деревянными перекрытиями и с интенсивной окраской скелетов никакого инвентаря не содержат. Из раскопанных нами лишь в одной могиле (№ 9 кургана № 1 у Иловатки) под черепом оказалось медное четырехгранное шило. Глиняные сосуды найдены лишь в детских впускных более поздних могилах этой культуры.

Среди керамики, относящейся к ямной культуре, выделяется яйцевидной формы горшок с красивым орнаментом в виде гирлянд из ногтевых вдавлений (рис. 20 — 1), найденный в погребении № 1 кургана № 3 у Иловатки. В отличие от наиболее типичных круглодонных сосудов, этот сосуд имеет уплощенное дно и наметившееся плечико с прямым венчиком, т. е. он очень близок к сосудам так называемой полтавкинской культуры¹, или ступени, связующей ямную культуру Поволжья со срубной. Могила, в которой найден горшок, следует отнести к группе поздних памятников ямной культуры.

Более многочисленна группа погребений срубной культуры (исследовано 36). В большинстве их найдены глиняные сосуды, дающие возможность выделить более ранние и более поздние захоронения.

Больших изменений в формах могил по сравнению с могилами ямной культуры не произошло. Те же прямоугольные ямы, но чаще всего в виде прямоугольника (в плане) с округлыми углами, а также овальные и трапецевидные в плане. Часто встречаются неглубокие погребения в насыпи курганов. В исследованной группе лишь одна могила содержала коллективное захоронение взрослого и ребенка (Иловатка, курган № 4, погребение № 2). Преобладают детские захоронения. Довольно обширная могила в кургане № 6 (Иловатка), где у западной стенки лежал скелет мужчины, а остальные две трети площади дна ямы были свободными, также, вероятно, предназначалась для коллективных захоронений. Многие могилы имели деревянные перекрытия. Перекрытие могилы № 7 кургана № 2 у Иловатки, вероятно, поддерживалось центральным столбом (рис. 21 — II). Подобная конструкция перекрытия обнаружена в могиле срубной культуры в группе курганов у с. Усатово Саратовской области².

Почти все погребенные лежали на левом боку; ноги подогнуты (степень скорченности различная — от слабой до сильной), руки согнуты в локтях, кисти у подбородка или перед лицом. Ориентировка различная, но преобладает северная. Эта же поза и ориентировка наиболее типичны для срубных погребений и других районов Нижнего Поволжья³.

Красная краска встречается редко, главным образом в более ранних могилах, например в могиле № 6 кургана № 2 у Политотдельского, в которой отмечен единственный случай, когда скелет лежал на спине, а руки были сложены на нижней части грудной клетки (рис. 21 — I). Изредка встречаются в могилах зола, кусочки мела (в той же могиле) и небольшое кострище на дне могилы (погребение № 2 в кургане № 3 возле Иловатки).

В могилах часто встречаются кости животных, главным образом барана и коровы, а также лошади, свиньи и дикого осла (кулана). Глиняный горшок чаще всего ставился в головах, изредка в нем находились кости животных.

¹ Сравни, например, И. В. С и н и ц ы н. Указ. соч., стр. 132, рис. 8, 9.

² И. В. С и н и ц ы н. Указ. соч., стр. 98, рис. 69.

³ Там же, стр. 9.

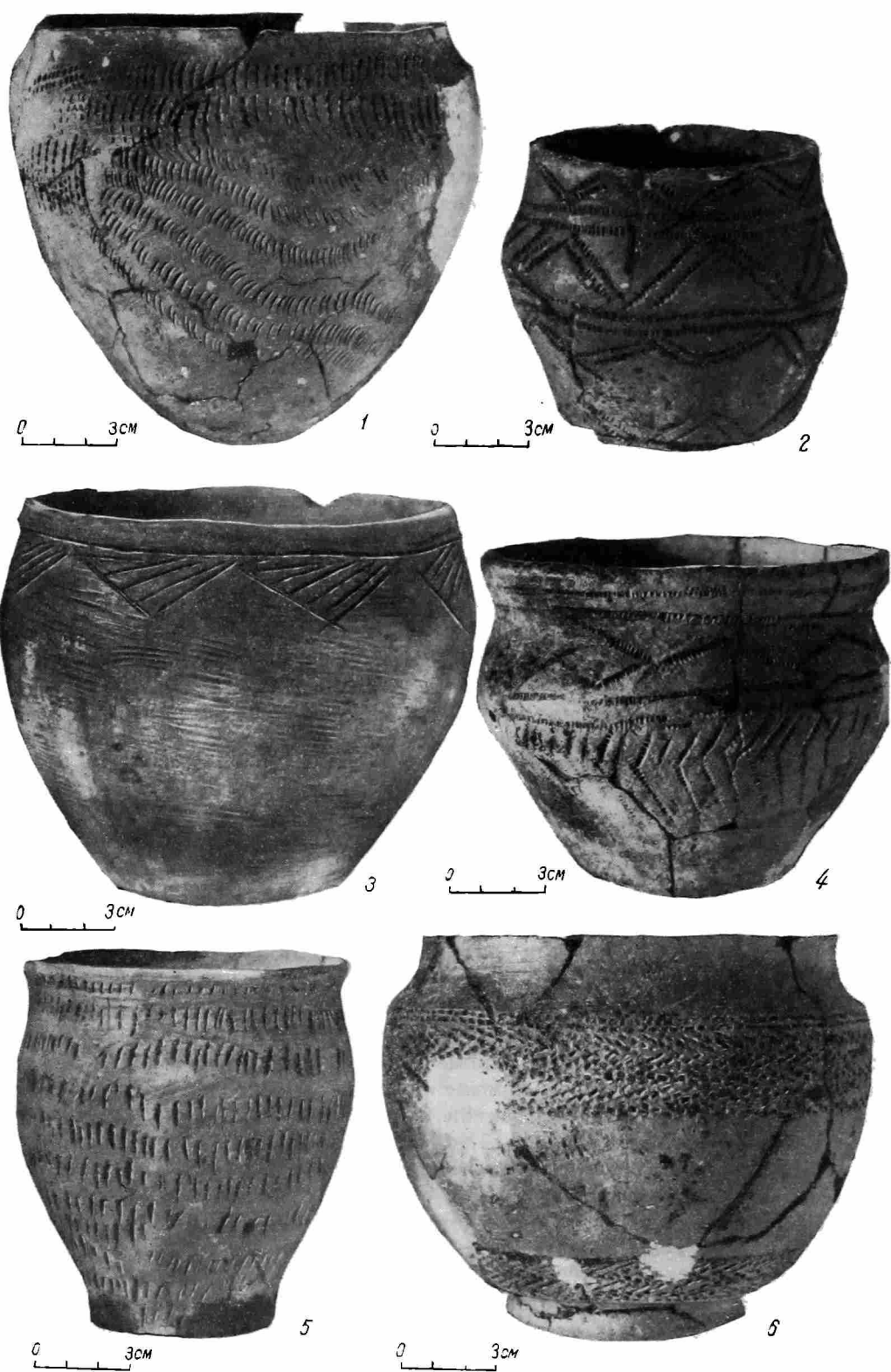


Рис. 20. Глиняные сосуды:

1 — курган № 3, погребение № 1; 2 — курган № 6, погребение № 1; 3 — курган № 4, погребение № 1;
4 — курган № 2, погребение № 13; 5 — курган № 2, погребение № 19; 6 — курган № 2, погребение № 6 (1—5 — Иловатка, 6 — Политотдальское).

О. А. Граковой выделены две основные стадии развития срубной культуры, возникшей в Поволжье во второй четверти II тысячелетия до н. э.¹ Для ранней стадии характерны баночные и острореберные сосуды. Последние довольно тщательно сформованы и в верхней части покрыты сложным орнаментом в виде зигзагов, треугольников и пр., выполненных нарезкой и крупнозубчатым штампом.

К ранней группе по этим признакам следует отнести курган № 6 (Иловатка), в котором найдены два сосуда. Сосудик биконической формы, почти

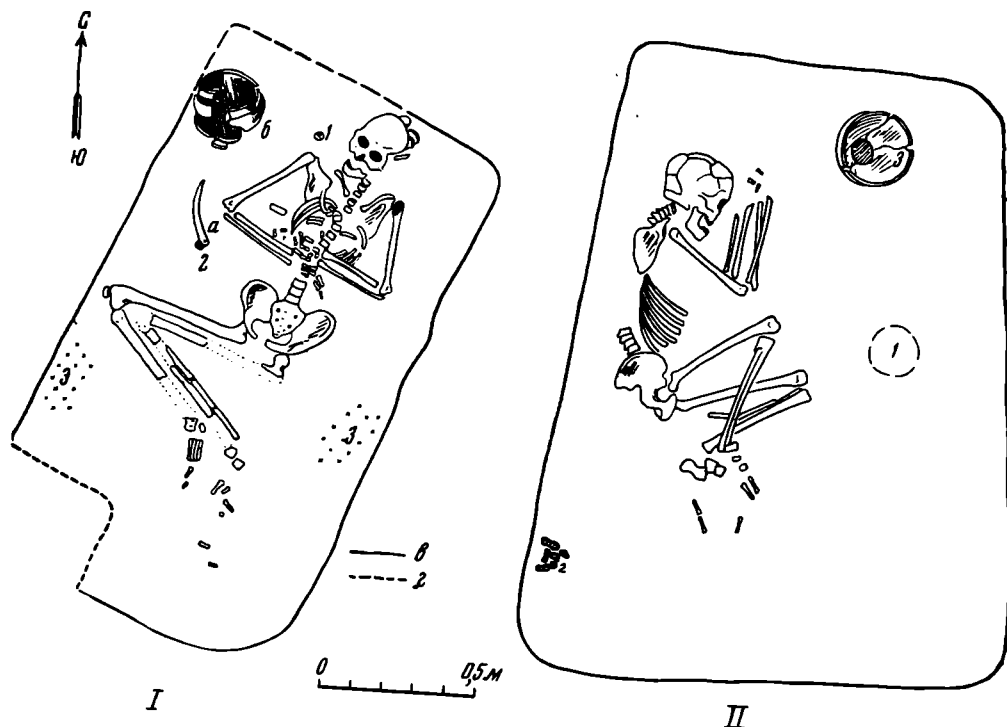


Рис. 21. Погребения срубной культуры:

I — погребение № 6, курган № 2 у Полытотдельского (1 — коричневая краска; 2 — красная охра; 3 — зола; а — орудие из рога; б — сосуд; в — граница могилы № 7; г — граница могилы № 4);
II — погребение № 7, курган № 2 у Иловатки (1 — лунка; 2 — кости животных; 3 — горшок).

сплошь покрытый узором в виде зигзагов крупнозубчатого штампа (рис. 20 — 2). По форме и расположению орнамента он очень близок к одному из сосудов полтавкинской ступени (курган Е 25 : 23, Старая Полтавка). Другой сосуд — четкой формы, с плоским выступающим дном, хорошо выраженными плечиками и прямым, слегка отогнутым наружу бортиком.

В расположенном рядом кургане № 4 вскрыты три могилы, близкие по времени к кургану № 6. В этом мы убеждаемся при сравнении погребального инвентаря. Так, например, впускная могила № 3 содержала сосуд, близкий по форме только что упомянутому большому сосуду из кургана № 6. В другой впускной могиле (№ 1) найден горшок с округлыми выступающими боками, с орнаментом из крупнозубчатого штампа в виде заштрихованных треугольников (рис. 20 — 3) и костяные уплощенно-цилиндрические пронизки, встречающиеся уже в ямных погребениях Поволжья (например, в курганах у с. Норки б. Камышинского уезда, раскопки А. А. Спицына). В основной могиле этого кургана (курган № 4, погребение № 2)

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, Археол. сборник, вып. XVII, М., 1948, стр. 153 и сл.

найжены такие же пастовые бусы, как и в кургане № 6, и, кроме того, металлические подвески, вероятно из сурьмы, явно кавказского происхождения. Изделия, отлитые по восковой модели, распространяются на Северном Кавказе с середины II тысячелетия до н. э.

В 15 погребениях срубной культуры кургана № 2 Иловатки найдена серия различных сосудов, преимущественно баночной формы, причем в них ярче выступают черты, характерные для керамики второй стадии этой культуры. Исключение составляют острореберный горшок с оттисками зубчатого штампа, покрывающими две трети поверхности (детская могила № 13; рис. 20—4), и баночный, сплошь орнаментированный сосуд из погребения № 19 (рис. 20—5). Ему аналогичен сосуд срубной культуры из могилы Е 25: 2 у Старой Полтавки.

В группе срубных погребений у с. Политотдельского, в могиле № 6 кургана № 2, в которой отмечены архаические черты погребального обряда (красная краска, положение скелета на спине), найден очень оригинальный острореберный сосуд с красивым профилем и четко выраженным поддоном (рис. 20—6). По профилю сосуд напоминает некоторые формы керамики переходной полтавкинской ступени, а отчасти и острореберные сосуды андроновской культуры¹. Расположение орнамента в виде двух зон — под ребром и у поддона — также сближает этот сосуд с андроновской керамикой Западного Казахстана, хотя орнаментальный узор не андроновский (отпечатки зубчатого штампа в виде елочки).

Для второй, поздней стадии срубной культуры, начало которой относится О. А. Граковой к концу II тысячелетия до н. э., характерно появление сосудов с округлыми выпуклыми плечами и отогнутым венчиком и большие сосуды баночной формы с относительно малым диаметром дна². Такие сосуды обнаружены в погребениях кургана № 2 Иловатской группы (рис. 22—1, 2). Некоторые баночные сосуды, найденные в погребениях Иловатской группы, имеют под прямым бортиком широкий желобок, а внутри, у основания бортика, иногда небольшой выступ, возможно служивший упором для крышки (рис. 22—3). Низкие баночные сосуды с желобком под прямым бортиком встречены в кургане № 5 этой же группы и в кургане № 3 близ Иловатки.

В группе у с. Политотдельского на одном баночном сосуде (курган № 2, погребение № 3) на боку сделаны нарезкой по сырой глине знаки в виде вертикальной черточки и двух крестов. Различные знаки на баночных сосудах срубной культуры известны и в других местах ее распространения. Это не орнамент, а возможно, метка «мастера», лепившего сосуд. На другом баночном сосудице нанесены солярные изображения в виде круга с крестом внутри (рис. 22—4). Этот узор не имеет себе аналогий среди известной нам керамики срубной культуры.

Кроме бронзовых шилец, в исследованных погребениях срубной культуры других металлических орудий труда не было. Возможно, что орудием труда служил заостренный предмет с отверстием на другой стороне, сделанный из рога, из могилы № 6 кургана № 2 у с. Политотдельского. Вероятно, этот колющий инструмент с хорошо заполированным заостренным рабочим концом служил кочедыком.

Из металлических украшений, кроме упомянутых выше сурьмовых подвесок, найдены массивные бронзовые браслеты и полое височное кольцо с заходящими друг в друга концами. Подобные украшения известны в ряде синхронных могил как срубной, так и соседней с ней андроновской культуры, что свидетельствует о единых центрах производства этих изделий для населения Поволжья, Приуралья и Западного Казахстана.

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Указ. соч., стр. 128, рис. 52, 1, 9.

² Там же, стр. 157.

Среди костяных изделий оригинальны круглые костяные бляхи с тремя отверстиями по бокам, с солярным изображением в центре (курган № 3, погребение № 2, близ Иловатки). Они напоминают бронзовые бляшки для перекрестных ремней конской сбруи скифского времени. Точных аналогий

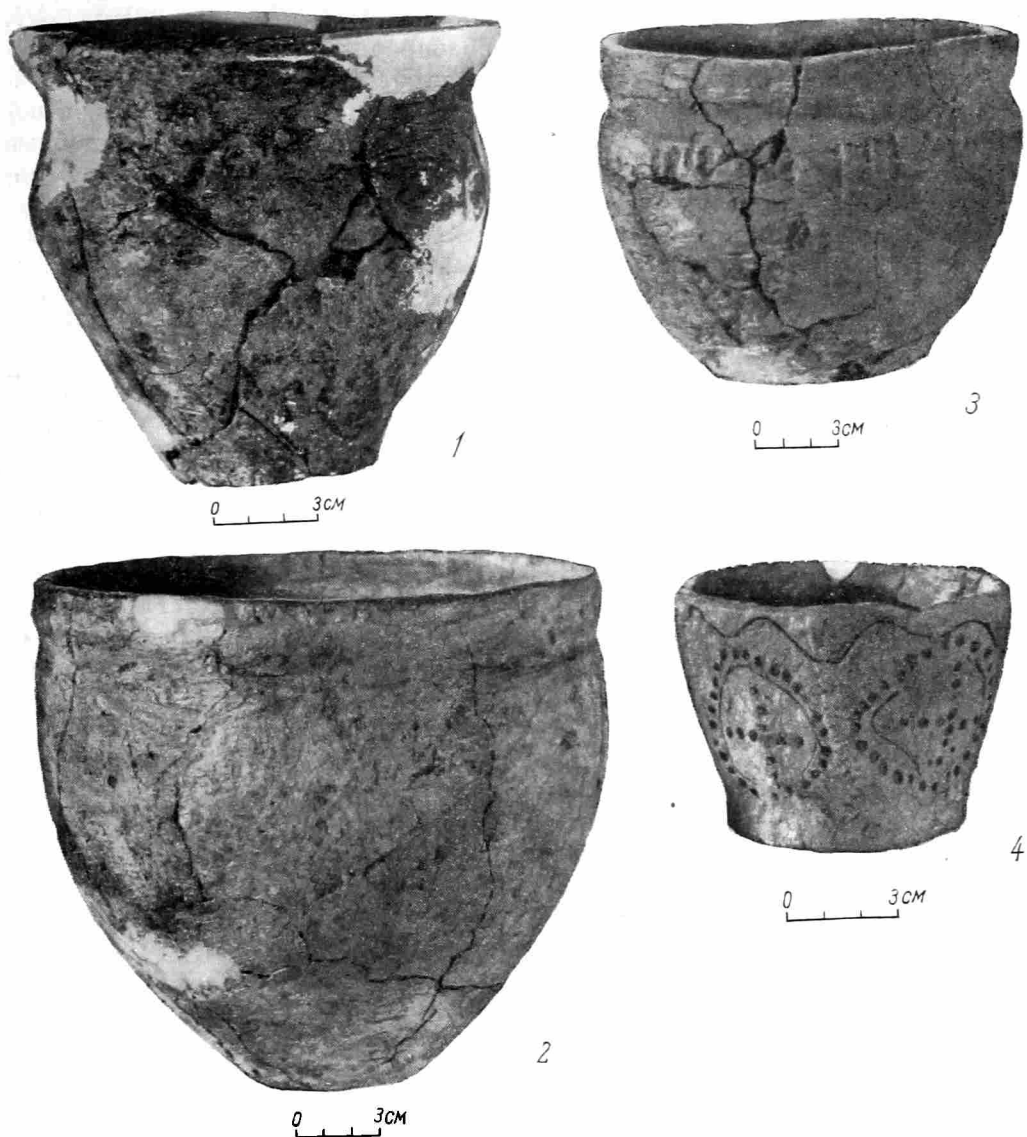


Рис. 22. Глиняные сосуды:

1 — курган № 2, погребение № 6, Иловатка; 2 — погребение № 7, там же, 3 — погребение № 5, там же; 4 — курган № 3, погребение № 7, Политотдальское.

нам не известно. В некотором отношении их можно сравнить с костяным желобчатым предметом неизвестного назначения из погребения конца эпохи бронзы (по определению И. В. Синецина) у с. Усатово¹. Он также имеет несколько отверстий, а с наружной стороны покрыт тонким резным узором в виде зигзагообразной линии, напоминающим орнамент по краям найденным нами блях.

¹ И. В. Синецин. Указ. соч., стр. 99, табл. VI, рис. 1 (Д 5 : 8, с. Усатово).

Обе могилы близки по некоторым деталям погребального обряда — легкая скорченность погребенных, северная ориентировка. Все это дает некоторое основание отнести погребение № 2 кургана № 3 близ Иловатки к концу эпохи бронзы.

Среди погребений срубной культуры в исследованных нами курганах имеются два впускных в насыпь погребения: скелеты лежат на левом боку, сильно скорчены, колени подтянуты к подбородочной кости, кисти согнутых рук подведены к подбородку или лежат против лица. В погребении № 5 кургана № 1 (Иловатка) скелет был ориентирован головой на север, в погребении № 1 кургана № 2 (Политотдельское) — на запад. Подобные могилы, или совсем без инвентаря, или лишь с небольшим баночным горшочком, широко распространены в степных районах нашей страны; еще В. А. Городцовым они датировались концом эпохи бронзы, а некоторые, как считает М. И. Артамонов¹, вероятно, относятся уже к началу железного века. Связь их со срубной культурой несомненна, судя по форме баночных сосудиков. Об этом же свидетельствует и погребальный обряд. Поза и ориентировка скелета, захороненного в насыпи кургана № 1 у Иловатки, тождественны позе и ориентировке погребенного в грунтовой могиле № 7 кургана № 2 у Иловатки (рис. 21—2), которую мы отнесли, судя по форме большого баночного сосуда с узким дном (рис. 4—2), ко второй стадии срубной культуры.

Сарматские погребения. В раскопанных курганах исследовано 12 сарматских погребений, относящихся к различным этапам сарматской культуры Поволжья.

Самые ранние — два погребения (№ 18 в кургане № 2 у Иловатки и № 3 в кургане № 3 близ Иловатки). Это впускные захоронения, в которых скелеты лежат вытянуто на спине, головой на запад. Могилы эти принадлежат к группе ранних савроматских могил VI—IV вв. до н. э., выделенных по ряду признаков еще П. Рау. Несмотря на отсутствие инвентаря во впускной могиле № 18 кургана № 2 у Иловатки, такие признаки обряда, как западная ориентировка и положение кисти одной из рук на тазе, дают основание считать захоронение савроматским. При костяке в кургане № 3 близ Иловатки лежал скелет барана, но без головы — характерный признак погребений савроматского этапа. При расчистке костяка было замечено, что одна из ног слегка согнута в колене, как, например, у погребенного в могиле Д 4 : 5 у б. хутора Шульц Саратовской области. Большинство могил, особенно впущенных в насыпь, очень бедны: часто совсем без вещей или же с одним грубым плоскодонным горшком, причем имеются формы, близкие сосудам, характерным для последнего этапа развития срубной культуры, от которых, вероятно, и произошли некоторые виды ранних сарматских горшков с отогнутым венчиком.

Подобные могилы известны не только в Поволжье, но и на Маныче², бассейн которого вместе со степями Задонья и Поволжья следует считать той территорией, где произошла консолидация савроматских племен.

Остальные восемь впускных сарматских могил по обряду и инвентарю представляют типичные для Поволжья погребения последних трех веков до нашей эры, т. е. относятся к поздней группе погребений раннесарматского этапа (прохоровская культура) и к ранней группе среднесарматского этапа (сусловская культура). Большинство известных в Поволжье и на левобережье Дона сарматских могил, впущенных в древние курганы целыми группами, относятся к последним трем векам до нашей эры, главным образом к прохоровской культуре.

¹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 году. СА, т. XI, стр. 335.

² М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 310, рис. 6.

Сарматские погребения Политотдельского—Иловатки не дали выразительного материала для точной датировки. Кроме впускных в насыпь детских могил, вскрыты: могила с продольными уступами для деревянного перекрытия (могила с заплечиками; курган № 3, погребение № 9 у с. Политотдельского, рис. 23—I), простая узкая яма (курган № 1, погребение № 1 у Иловатки, рис. 23—II) и подбойные могилы (курган № 3, погребения № 6 и 8 у с. Политотдельского, и курган № 1, погребение № 10 у Иловатки). Все эти типы могил широко распространены на ранне- и среднесарматском

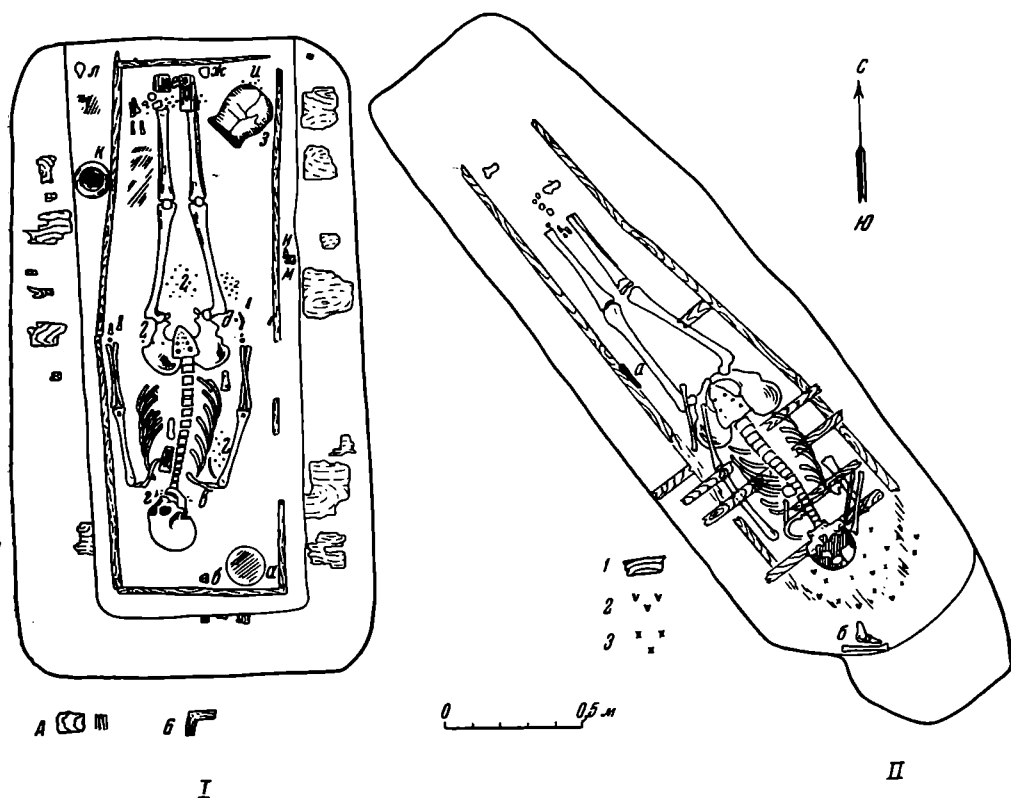


Рис. 23. Планы погребений:

I — погребение № 9, курган № 3, Политотдельское (а — зеркало; б — пряслице; в — цилиндрические бусы; г — коралловая подвеска; д — бронзовый предмет; е — бусы; ж — мел; з, к — сосуд; л — кусок мела; м — обломок зеркала; н — керамическая подвеска; 1 — охра желтая; 2 — меловая подсыпка); II — погребение № 1, курган № 1, Иловатка (а — железный ножик; б — кости ног барана; 1 — дерево; 2 — уголь; 3 — зола).

этапах. Такие признаки, как широтная ориентировка захоронения (курган № 3, погребение № 8 у с. Политотдельского), едва намеченный подбой (тот же курган, погребение № 5) и круглая форма могильного входа (курган № 1, погребение № 10 у Иловатки), характерны для среднесарматского этапа, а на следующем этапе подбойные могилы принимают довольно стандартную форму: узкая входная яма, ориентированная в долготном направлении, подбой в западной продольной стенке, почти равный по длине входной яме. Зола, угольки, меловая подсыпка, наконец, легкие досчатые (рис. 23—I, II) и корытообразные долбленные гробы — характерные признаки сарматских погребений обоих упомянутых этапов.

Лепные горшки из сарматских могил (кургана № 3 у с. Политотдельского) — плосколонные, с яйцевидным туловом и сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 24—1, 2) — представляют вариант одного из самых характерных типов сарматской керамики Поволжья раннесарматского и среднесарматского этапов.

Круглодонный горшок с узким коротким горлом из кургана № 1 (погребение № 7) у Иловатки типичен для одной из форм керамики поволжского варианта прохоровской культуры (III—II вв. до н. э.).

Плоскодонные сосуды (погребение № 2 этого же кургана) с короткими отогнутыми венчиками (рис. 24—3, 4) ближе стоят к группе сарматской керамики среднесарматского этапа, на котором в Поволжье совсем исчезает круглодонная посуда.

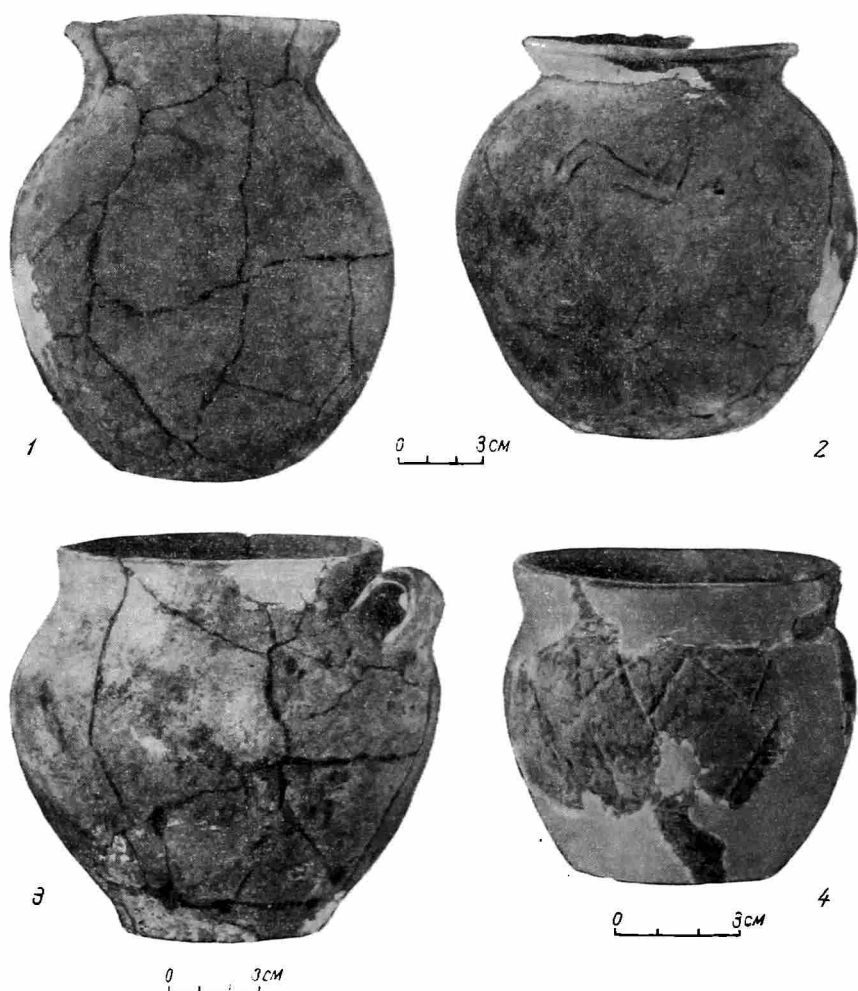


Рис. 24. Сарматские сосуды:

1, 2 — курган № 3, погребение № 9, Политотдельское; 3, 4 — курган № 1, погребение № 2, Иловатка.

Могила с заплечиками (№ 9 кургана № 3 у с. Политотдельского; рис. 23—1) аналогична другим могилам этого типа, исследованным ранее в Поволжье, особенно в известном Сусловском могильнике¹. Погребения в подобных могилах Сусловского могильника относятся к среднесарматскому этапу (I в. до н. э. — I в. н. э.). Исследованная нами могила, вероятно, несколько более раннего времени (II—I вв. до н. э.), судя по находке бронзового зеркала в виде большого диска с небольшой закраиной и гравированным орнаментом из треугольников по периферии (рис. 25—1). Анало-

¹ Уч. зап. СГУ, т. IV, Саратов, 1925, стр. 28 и сл.

гичное зеркало найдено в могиле 10:11 у совхоза «Красный Октябрь» на р. Торгуне Саратовской области вместе с кинжалом прохоровского типа¹.

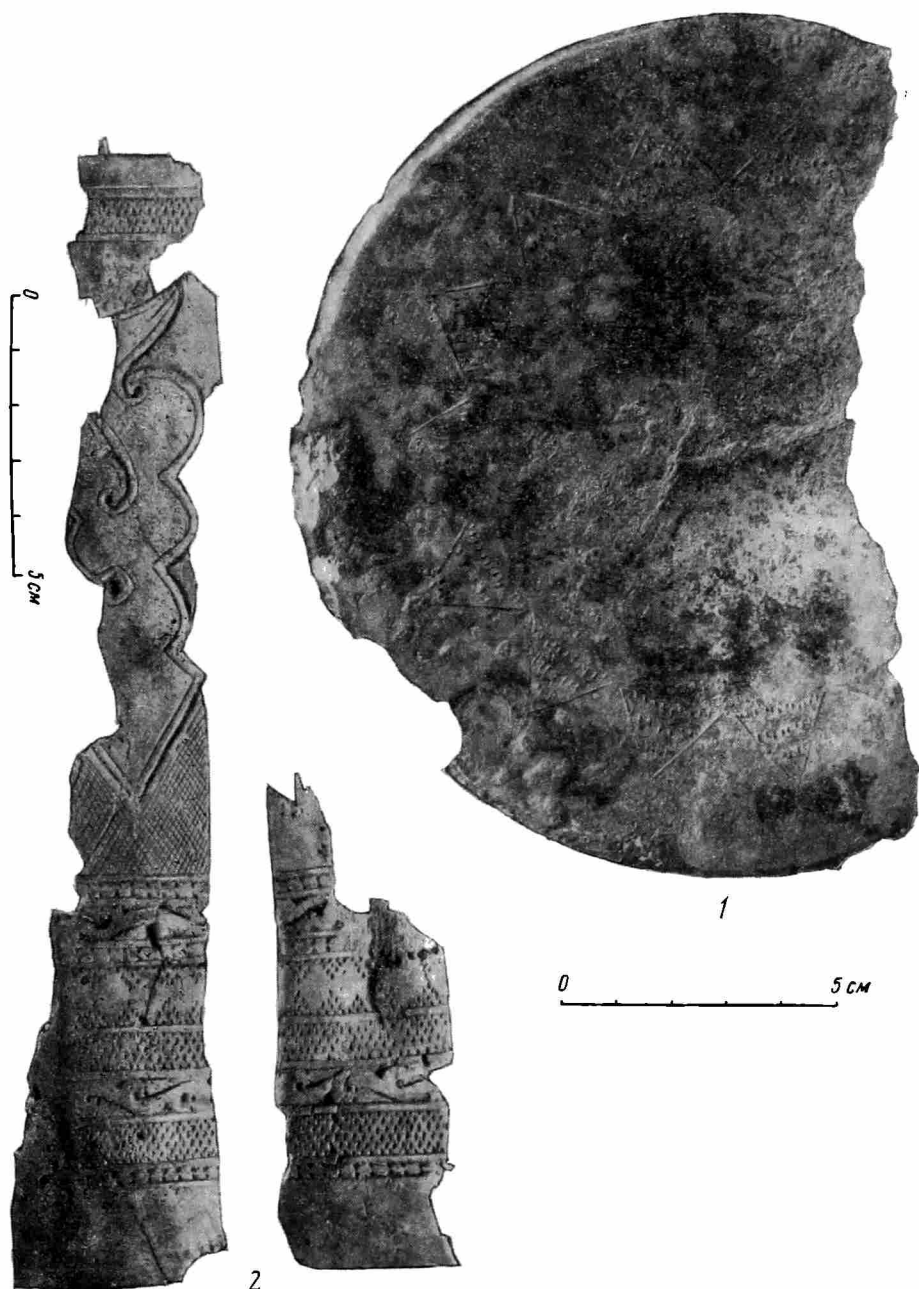


Рис. 25. Бронзовое зеркало (1) и костяные накладки колчана (2):
(1 — из кургана № 3, погребение № 9; 2 — из кургана № 2, погребение № 7, Политот-
дельское).

По орнаменту найденное нами зеркало тождественно кубанским зеркалам II в. до н. э.²

¹ И. В. С и н и ц ы н. Указ. соч., стр. 47, рис. 21.

² Н. В. А н ф и м о в. Меотто-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 185, рис. 137.

Несмотря на полное разграбление, большой интерес представляет сарматская квадратная могила в кургане № 1 у с. Политотдельского. Это хорошо известный тип диагональных погребений, появившихся на Волге еще в раннесарматское время. Большинство их относится к I в. до н. э.—II в. н. э. Погребенные клались головами на юг или юго-запад; на некотором расстоянии от стенок дно могилы обрамлялось стоящими на ребре досками. Такое же оформление квадратных могил с диагональным положением погребенных известно в Сусловском и других могильниках Поволжья.

Диагональное погребение у с. Политотдельского является самым южным из всех известных ныне подобных погребений левобережья Волги.

Особый интерес представляет также впускная подбойная могила № 2 в кургане № 3 у с. Иловатки. Узкий вход и подбой закрыты досками; северо-восточная ориентировка погребенного, деформированный череп — все это признаки позднего этапа сарматской культуры Поволжья. В захоронении найден кинжал позднесарматского типа, набор тонких серебряных пластинок, накладок, бронзовых и серебряных пряжек, датируемых концом IV—V в. н. э.

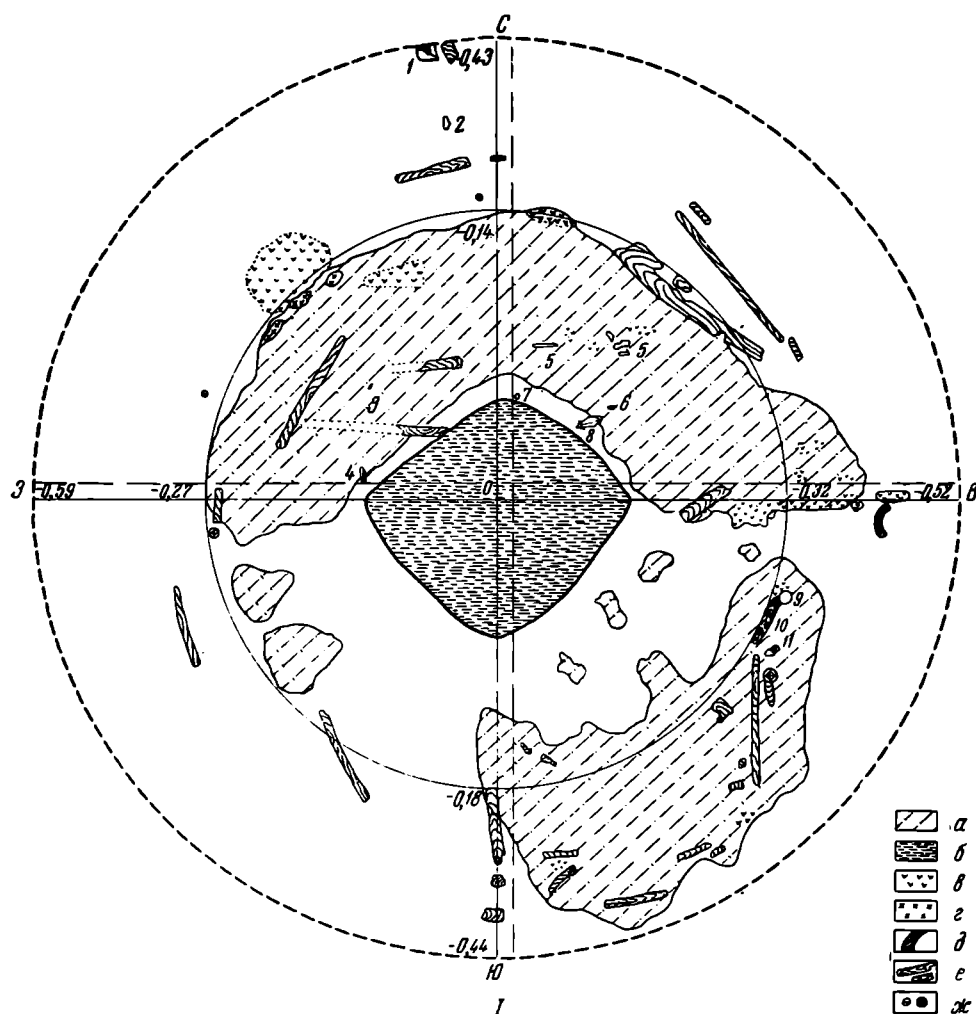
Резкая деформация черепа и явно монголоидные черты отличают погребенного от основной массы погребенных сарматов (аланов) Поволжья II—IV вв. н. э., которые относятся к европеоидному типу. Очевидно, мы имеем дело с гуннским погребением. Гунны появились в Заволжье уже во II в. н. э., где, вероятно, часть их смешалась с сарматами, восприняв их погребальный обряд и другие черты культуры. Тщательное изучение поволжских памятников II—IV вв. н. э. и антропологического материала из могил этого времени позволит в дальнейшем выделить гуннский этнический элемент в сарматском Поволжье.

Погребения поздних кочевников. В кургане № 1 у Иловатки одна впускная могила (№ 7), где скелет лежал на спине, вытянуто, головой на запад, вероятно, относится к раннему средневековью. В степных курганах юга нашей страны известны бедные погребения с западной ориентировкой. При скелетах чаще всего встречаются лишь ножички и оселки тех типов, которые найдены в данной могиле. Эти погребения обычно связывают с тюркскими кочевниками домонгольского времени.

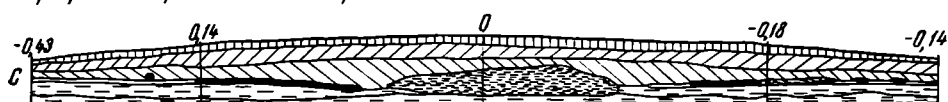
Могила № 7 (курган № 7 у с. Политотдельского) принадлежит половецкому воину XII—XIV вв. Здесь мы видим все признаки половецких погребений, четко выделенных Л. П. Зяблиным и С. А. Плетневой¹. В числе этих признаков: широтная ориентировка могилы с западной ориентировкой погребенного; могила с заплечиками и небольшим подбоем-нишей; погребение коня на невысокой ступеньке; деревянный гроб или перекрытие могилы. В составе погребального инвентаря берестяной колчан с костяными накладками, украшенными красивым резным орнаментом (рис. 25—2), и черешковый плоский наконечник стрелы крупного размера — характерные предметы вооружения половцев.

Совершенно новым археологическим памятником в Поволжье являются два кургана (№ 1 и 2), одинаковые по внешнему виду, расположенные рядом (близ с. Иловатки) (рис. 26). Для них характерен один ритуал, связанный с захоронением конских голов, или, скорее, лошадиных чучел (курган № 1), и целой лошади (курган № 2) без признаков человеческих захоронений. В кургане № 1, в центре которого была площадка с золой, углями, кострищем и деревянными плахами, обуглившимися в некоторых местах, можно предполагать трупосожжение. Курганы с кострищами были известны

¹ Л. П. Зяблин. Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы (автореферат диссертации). М. 1952, стр. 10—12; С. А. Плетнева. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. (автореферат диссертации). М., 1952, стр. 8—9.



Профиль меридиональной бровки



Профиль широтной бровки

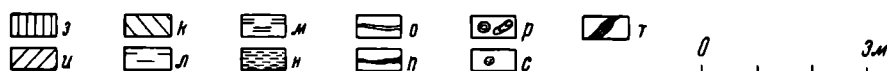
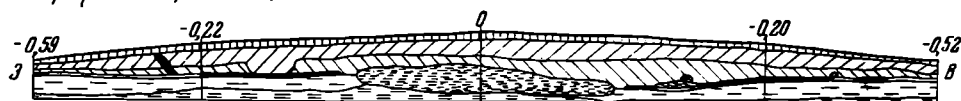


Рис. 26. План (I) и профили (II) кургана № 1 близ Иловатки:

1 — череп лошади; 2 — пяточная кость лошади; 3, 4, 5 — кости лошади; 6 — ручка сосуда; 7 — пяточная кость человека (?); 8 — череп лошади с железными удилами; 9 — ямка; 10 — обуглившаяся доска; 11 — кости животных; а — прокаленная площадка с землей; б — площадка из сланца; в — уголь; г — зола; д — углубление с золой и углями; е — бревна и плахи; ж — столбы; з — дерн; и — плотный слой насыпи (суглинок); к — рыхлый слой насыпи (суглинок); л — суглинок; м — сланцеватая глина; н — светлый сланец; о — граница насыпи с волнистой прослойкой; п — прослойка прокаленной земли; р — дерево; с — зола; т — обугленное дерево.

и раньше в Поволжье¹, но характер кострищ и находки вещей в них иные. Последние датируются IV—V вв.

Исследованные нами курганы значительно моложе, судя по единственному датирующему признаку — железным удилам с прямыми псалиями, имеющими боковой выступ в середине и шишечку на конце. Они найдены в зубах конского черепа в кургане № 1. Этот тип псалий относится к X—XII вв. Курганы были, вероятно, оставлены тюркоязычными кочевниками, занимавшими в то время степи Поволжья; это могли быть печенеги, появившиеся в Поволжье в IX в. Захоронения коней без человека известны и в других районах печенежских кочевий; они связываются С. А. Плетневой с печенегами. У Идриси и Абульфеды сохранились известия об обряде сожжения покойников у печенегов².

¹ Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ, т. VI, вып. 3, Саратов, 1927.

² С. А. Плетнева. Кочевники южнорусских степей, стр. 8—9.

И. В. СИНИЦЫН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАВОЛЖСКОГО
ОТРЯДА СТАЛИНГРАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Заволжский отряд Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР проводил в 1952 г. исследования на территории степного Заволжья и продолжал раскопки 1951 г. в зоне будущего Сталинградского водохранилища, в районе с. Бережновки в низовьях Еруслана¹.

Работы в 1952 г. были начаты на левом берегу Волги, у приволжской Осадной Балки. От Осадной Балки отряд провел обследование до приуральского села Калмыково. На всей этой огромной территории степного Заволжья археологические исследования проводились впервые. Поэтому маршрутом обследования были охвачены не только зоны строительства, но и прилегающие районы.

На всем пространстве от берегов Волги до Урала выявлены многочисленные археологические памятники, главным образом курганные группы. Обследования показали, что курганы сосредоточены преимущественно в районах, имеющих водные источники и богатые пастбища. Густо заселенной оказалась территория левобережной Волго-Ахтубинской полосы, особенно в районе Ленинска. В степной части Заволжья памятники встречаются реже, меньше всего их в безводной пустынной степи на участке междуречья Кушум—Урал. Лишь с приближением к Уралу, в районе с. Калмыково, вновь появляются курганы вдоль береговой полосы Урала.

В отдельных пунктах — около Осадной Балки, Ленинска, оз. Беткуль, ст. Сайхин, с. Калмыково — отрядом произведены раскопки 17 курганов, содержащих разновременные погребения, от эпохи бронзы до XV в. н. э. Кроме раскопок курганов, обследованы дюнные поселения, обнаруженные в районе с. Урды и в низовьях р. М. Узеня, у с. Новая Казанка. Этот последний пункт был объектом наших полевых исследований в 1948—1950 гг.² В районе Новой Казанки разведки происходили на поселениях, расположенных вдоль береговой линии озер. С предстоящими изменениями водного режима озерной низменности древние поселения в этом районе должны быть затоплены водами Камыш-Самарских разливов.

¹ Работа Заволжского отряда была организована ИИМК АН СССР совместно с Саратовским государственным университетом им. Н. Г. Чернышевского и Саратовским областным музеем краеведения. В работе отряда принимали участие И. В. Синицын (начальник отряда), Е. К. Максимов (научный сотрудник музея), В. П. Новичков (лаборант), студенты исторического факультета СГУ.

² И. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 101—112; Е го же. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 97—105; Е го же. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 62—73.

При обследовании поселений собран своеобразный комплекс кремневых микролитических орудий в виде скребков разнообразных форм, сегментовидных вкладышей, ножевидных пластинок, многочисленных отщепов, а также черепков посуды, характерной для погребений ямной культуры Нижнего Поволжья. Не только комплекс находок, но и характер расположения самих поселений ярко отражает облик неолитической культуры древнейшего населения степного Заволжья.

По окончании этих разведочных раскопок работы отряда были перенесены в зону Сталинградского водохранилища, в низовья Еруслана. Основные работы в этом районе были сосредоточены на раскопках I Бережновского курганного могильника, расположенного около с. Бережновки, с юго-восточной стороны села, на возвышенной террасе левого берега Еруслана. Могильник состоял из 50 курганов, раскопки которых были начаты в 1951 г.¹ В течение 1951—1952 гг. могильник раскопан полностью; в курганах обнаружено свыше 200 разновременных погребений.

Были произведены также раскопки на древнем поселении, расположенном около могильника, на расстоянии 350 м с северной стороны, на надпойменной террасе левого берега Еруслана. Поселение в значительной части разрушено обвалом берега реки. Сохранилась лишь небольшая площадь вдоль береговой линии. Культурный слой поселения характеризуется находками костей животных (преимущественно крупный и мелкий рогатый скот) и обломков лепных сосудов. Обнаруженная керамика довольно разнообразная, весьма типичная для курганных погребений срубной культуры Нижнего Поволжья. Интересны находки на поселении литейных форм, глиняного сопла и мелких обломков и слитков меди. Эти находки, как и аналогичные литейные формы, обнаруженные В. П. Шиловым в курганном погребении в районе с. Рахинки Сталинградской области (раскопки второго Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции 1952 г.), свидетельствуют о местном изготовлении бронзовых орудий у племен срубной культуры Нижнего Поволжья.

Большие работы проведены отрядом в районе с. Молчановки, где продолжались раскопки второй курганной группы, расположенной в 2 км к юго-западу от села. Исследовано 15 курганов, содержащих разновременные погребения скифо-сарматской культуры и кочевников IX—XIV вв. Одновременно начаты раскопки большого II Бережновского курганного могильника, в 5 км от с. Бережновки, на высокой левобережной террасе Еруслана. В этой группе вскрыто восемь курганов.

В итоге Заволжским отрядом Сталинградской археологической экспедиции в течение трех месяцев раскопано 75 курганов, содержащих в общей сложности свыше 200 разновременных погребений.

Раскопки позволили полнее выявить группу погребений, относящихся к раннему этапу срубной культуры. Погребения по большей части впускные в насыпи древних курганов. При захоронении во многом сохраняется еще ритуал, характерный для погребений древнеямного времени: положение погребенных на спине (а иногда на левом или правом боку), ноги поджаты коленями вверх; обычай посыпать погребенного или дно могилы красной краской; ориентировка захоронения на восток или северо-восток. При сохранении древнего обряда изменяется, однако, погребальный инвентарь, особенно керамика: вместо остродонных горшков (рис. 27—1) появляются плоскодонные, с характерным елочным орнаментом, нанесенным зубчатым чеканом (рис. 27—2). Посуда этого типа, особенно орнамент, находит себе аналогии среди керамики катакомбных погребений, обнаруженных здесь же, в Заволжье, в низовьях Еруслана. Несомненно, новые формы керамики и элементы ее орнамента создавались под влиянием катакомбной культуры.

¹ И. В. Силин. Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС. КСИМК, вып. L, 1953.

Своеобразие керамики дало повод П. Рау еще в 20-х годах выделить этот комплекс погребений раннесрубной культуры в особую, так называемую полтавкинскую, стадию. Позже в археологической литературе погребения этого типа выделены в самостоятельную «полтавкинскую культуру». Однако накопленный материал показывает, что такое выделение недостаточно обосновано и не подтверждается данными новых раскопок в Заволжье. В действительности выясняется, что новые формы керамики появляются в Заволжье

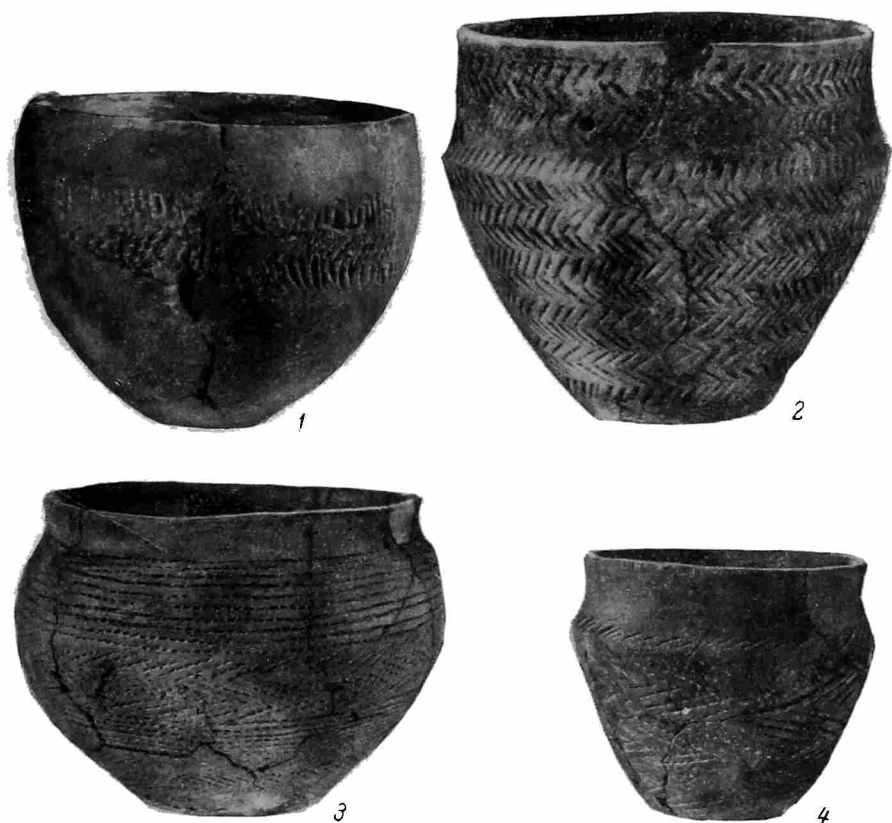


Рис. 27. Горшки из погребений у с. Бережновки:

1 — из ямного погребения № 4, курган № 32; 2 — погребение № 10, курган № 2, II Бережновский могильник; 3 — погребение № 3, курган № 20, I Бережновский могильник; 4 — погребение № 5, курган № 32, тот же могильник.

вместе с приходом в эти районы племен — носителей катакомбной культуры из южных, астрахано-манычских степных районов северо-западного Прикаспия. Результаты общения местных племен (раннесрубная культура) с племенами — носителями катакомбной культуры получили отражение в составе могильного инвентаря и особенно в керамике. Сосуществование в Заволжье раннесрубной культуры с катакомбной можно считать фактом установленным, а все погребения раннесрубной культуры оставлены племенами, которые являются прямыми потомками племен — носителей ямной культуры.

Погребения катакомбной культуры обнаружены в Заволжье еще в первый сезон археологических работ отряда (1951 г.) в зоне водохранилища. Раскопками 1952 г. вновь в I и II Бережновских могильниках открыты погребения катакомбной культуры. Одним из наиболее характерных их признаков, помимо устройства могил, инвентаря и ритуала, является наличие скелетов с ярко выраженными деформированными черепами (рис. 28 — 1, 2).

По конструкции могилы бывают двух типов: 1) удлиненная входная яма с подбоем-катакомбой вдоль одной из стенок, 2) овално-квадратная яма с заплечиками внутри для поддержания перекрытия. Положение погребенных различное: иногда на спине, руки вытянуты вдоль туловища,



1



3



2

Рис. 28. Погребения в курганах у с. Бережновки:

1 — погребение № 10, курган № 2, II Бережновский могильник; 2 — деформированный череп из того же погребения; 3 — погребение № 3, курган № 20, I Бережновский могильник.

ноги согнуты коленями вверх; иногда скорченно на боку, руки согнуты так, что кисти находятся перед лицом (погребение № 10, курган № 2, II Бережновский могильник, рис. 28 — 1). Ориентировка головой на восток или северо-восток. В некоторых могилах отмечена красная краска на дне могилы и на костях скелета. Захоронения в большинстве случаев одиночные. Из 12 погребений I Бережновского могильника только в одной могиле (кургана № 20) вместе с женским скелетом с резко выраженным деформиро-

ванным черепом с левой стороны у локтя лежал скелет ребенка младенческого возраста (рис. 28—3).

Могильный инвентарь состоит преимущественно из сосудов с плоским дном, прямой или несколько отогнутой шейкой, выпуклыми стенками, покрытыми мелкозубчатым чеканом (погребение № 3, курган № 20; рис. 27—3). В отдельных случаях наружная поверхность сосудов покрыта красной краской.

Для характеристики ритуала и могильного инвентаря особенно интересно погребение № 5 из кургана № 32. Оно совершено в обширной с закругленными углами яме (2,6 м в диаметре и 1,5 м глубиной) с заплечиками на глубине 1 м. На дне — скелет женщины на спине, головой на северо-восток, ноги согнуты коленями вверх и позднее завалились на правую сторону.

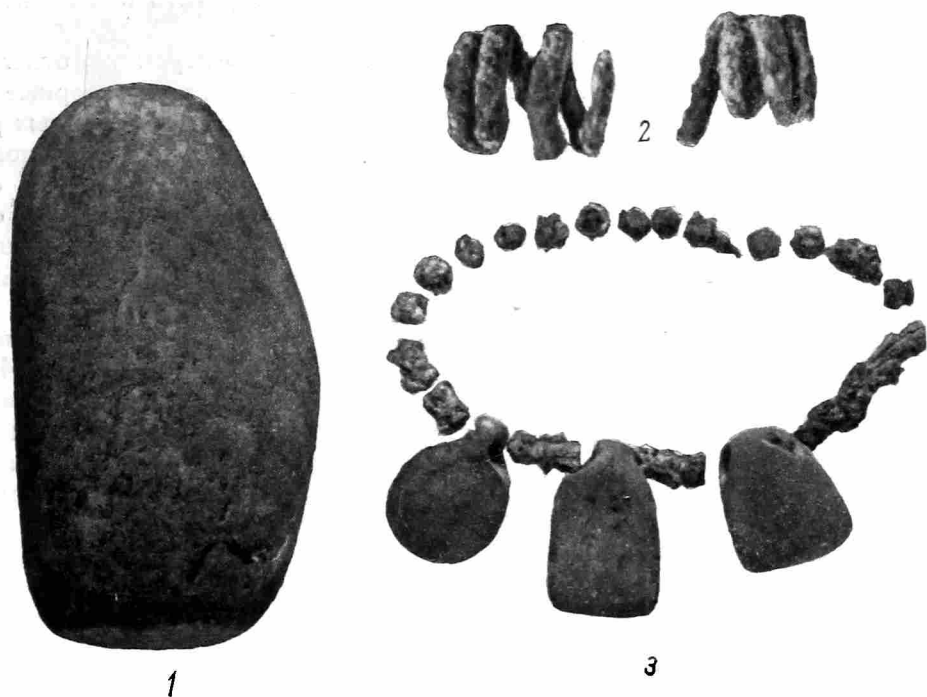


Рис. 29. Вещи из женского погребения у с. Бережновки (курган № 32, погребение № 5).

Череп резко деформирован. Под черепом, у левого плеча и на ступнях ног отмечена красная краска. Около черепа, с левой стороны, лежал продолговато-овальный пест из красноватого плотного камня (рис. 29—1). У черепа с двух сторон находилось по два височных кольца из тонкой бронзовой проволоки, овальной с внешней стороны и плоской с внутренней, спирально согнутой по овалу в три оборота. Один конец каждого кольца загнут вдвое (рис. 29—2). На груди и вокруг шеи лежало ожерелье из мелких медных бус, нанизанных на тонкий ремешок, и трех крупных бус из белого камня плоской формы, с просверленными ушками (рис. 29—3). У правого плеча стоял горшок с широким горлом, стенки которого сплошь покрыты красной краской и орнаментированы отпечатками зубчатого штампа в виде елочки (рис. 27—4).

Для определения времени существования этой группы погребений, а также этнической принадлежности важен не только ритуал погребений, могильный инвентарь, антропологические признаки, но и данные стратиграфии. Стратиграфические наблюдения показывают, что погребения катакомбного типа, как правило, впускные в курганах ямной культуры. Несомненно,

что в степях Заволжья племена, оставившие тип катакомбных погребений, существовали одновременно с племенами раннего этапа срубной культуры. — Для характеристики катакомбных погребений Бережновской группы, помимо керамики, весьма важны находки каменных и медных бус, а также височных колец. В отличие от височных колец-подвесок, спирально согнутых в полтора оборота, широко известных в погребениях срубной культуры Нижнего Поволжья, височные кольца бережновского типа обнаружены в пределах Заволжья впервые. Наиболее близкими бережновским по форме, технике изготовления являются кольца-завитки из Балановского могильника, исследованного О. Н. Бадером¹. О. А. Кривцова-Гракова при описании височных колец Балановского могильника отмечает, что «кольца такого типа в культурах бронзового века Восточной Европы пока аналогий не имеют; наиболее близкие к ним аналогии можно встретить в западноевропейской бронзе, в пределах унетичской культуры»².

Не касаясь детальных сопоставлений, отметим, что керамика, отдельные предметы из бронзы, деформированные черепа — все это характерные признаки погребений катакомбной культуры астрахано-манычских степных районов Волго-Донского междуречья. Материалы из раскопок бережновских курганов ярко характеризуют катакомбную культуру как культуру самостоятельной этнической группы племен Заволжья. В дальнейшем своем развитии племена — носители катакомбной культуры в процессе смешения с носителями срубной культуры Заволжья утрачивают свои самобытные черты.

Не менее интересные результаты получены отрядом из раскопок погребений позднесрубной культуры. В разных пунктах было открыто до 45 погребений. Из них значительная часть впускные в насыпи древних курганов. Грунтовые могилы делались прямоугольной формы, реже округлой. Погребенные лежат в большинстве случаев в скорченном положении на левом боку, головой на восток, север или северо-восток. В некоторых могилах отмечено положение погребенных на левом боку грудью и лицом вниз. Можно считать установленным, что такое положение погребенных в курганах срубной культуры в низовьях Еруслана имело широкое распространение.

Очень ярко выступает обычай устраивать детские могилы в насыпи курганов. При этом могилы часто расположены полукругом в восточном или юго-восточном секторе кургана, ближе к краю насыпи (курганы № 5, 32, 35 I Бережновского могильника). Кроме одиночных захоронений, обнаружены и коллективные — парные (№ 6 кургана № 25). Скелеты лежали головой на север. Скелет подростка, в возрасте 12—14 лет, лежал на левом боку, скорченно, руки кистями перед лицом, скелет взрослого — на правом боку, также скорченно. Случаи захоронения подростков со взрослым хорошо известны не только по раскопкам курганов срубной культуры Нижнего Поволжья, но и одновременной ей андроновской³.

При погребениях найдены предметы быта и украшения, изготовленные из кости и бронзы. Большинство погребенных сопровождается глиняной посудой, сравнительно однообразной по форме, орнаменту и технике изготовления. Наиболее распространены горшки баночной формы и острореберные, орнаментированные различным сочетанием прочерченных линий. Встречаются горшки, которые по деталям орнамента выделяются из общей массы: плечики и шейка их покрыты желобчатым орнаментом (рис. 30—6).

В общей массе погребения содержат бедный инвентарь. Все же в от-

¹ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, г. VI, 1940, рис. 22—3—5; Его же. К вопросу о балановской культуре. СЭ, № 1, 1950, рис. 5—6.

² О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 32.

³ К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья. МИА, № 21, стр. 142.

дельных могилах, кроме глиняных горшков, встречаются бронзовые и костяные предметы, характерные для погребений поздней срубной культуры Нижнего Поволжья: бронзовые ножи с плоским листовидной формы лезвием

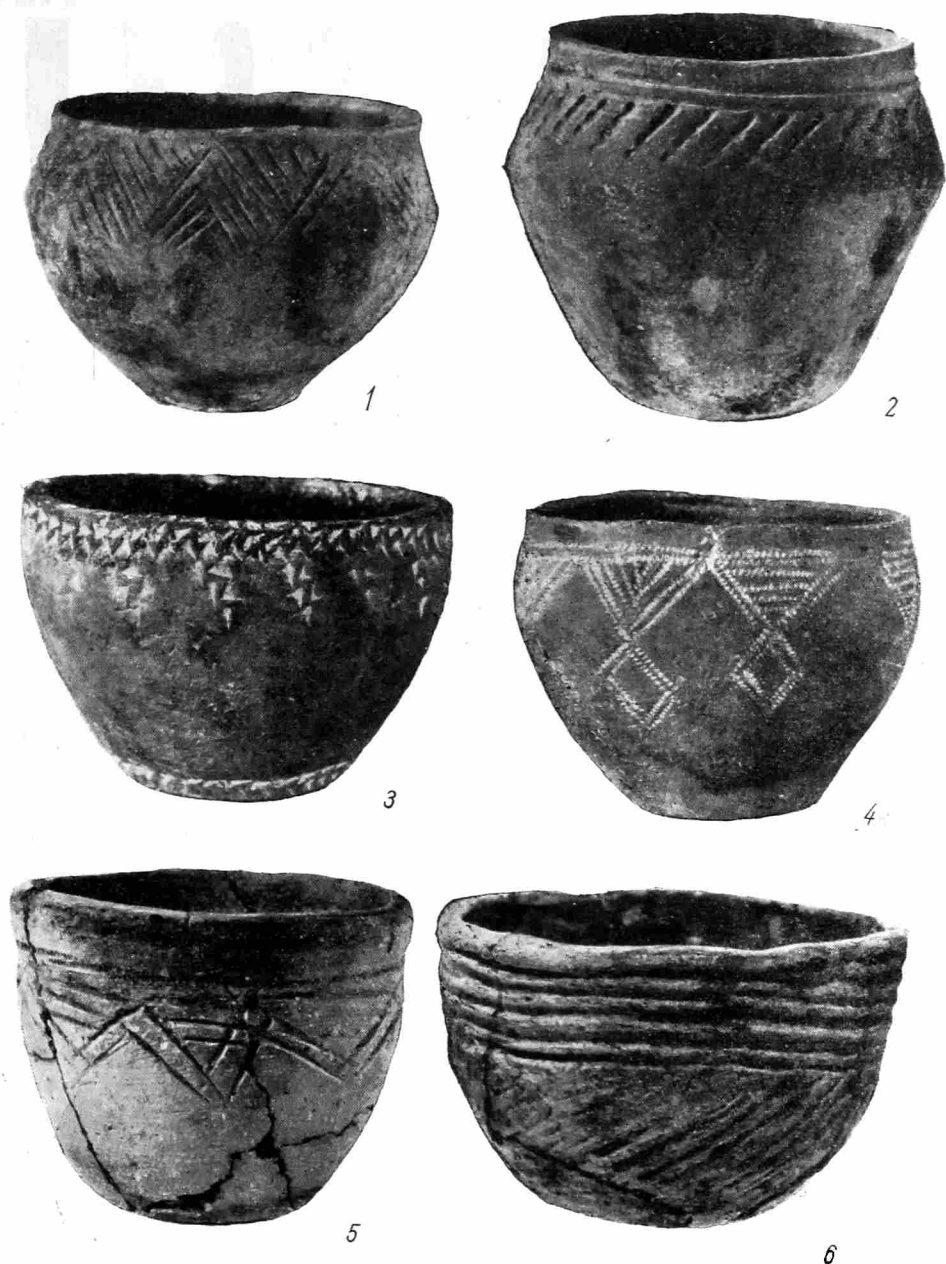


Рис. 30. Керамика из курганов у с. Бережновки (позднесрубная культура):

1 — курган № 4, погребение № 8, кшная группа; 2 — курган № 25, погребение № 6;
3 — курган № 25, погребение № 3; 4 — курган № 36, погребение № 1; 5 — курган № 35, погребение № 5; 6 — курган № 25, погребение № 6, I Бережновский могильник.

и продолговатым черешком для насадки деревянной рукоятки (рис. 31—1, 2, курган № 25, погребение № 6, курган № 36, погребение № 1, I Бережновский могильник). Ножи такого типа — наиболее распространенные в погребениях срубной культуры Нижнего Поволжья и соседних областей¹. В од-

¹ В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии, «Матер. по 6* 83

ном мужском погребении (№ 4, курган № 25, I Бережновский могильник) найден интересный набор костяных предметов: четырехгранные втульчатые наконечники стрел, задние концевые стерженьки стрел с дугообразным вы-

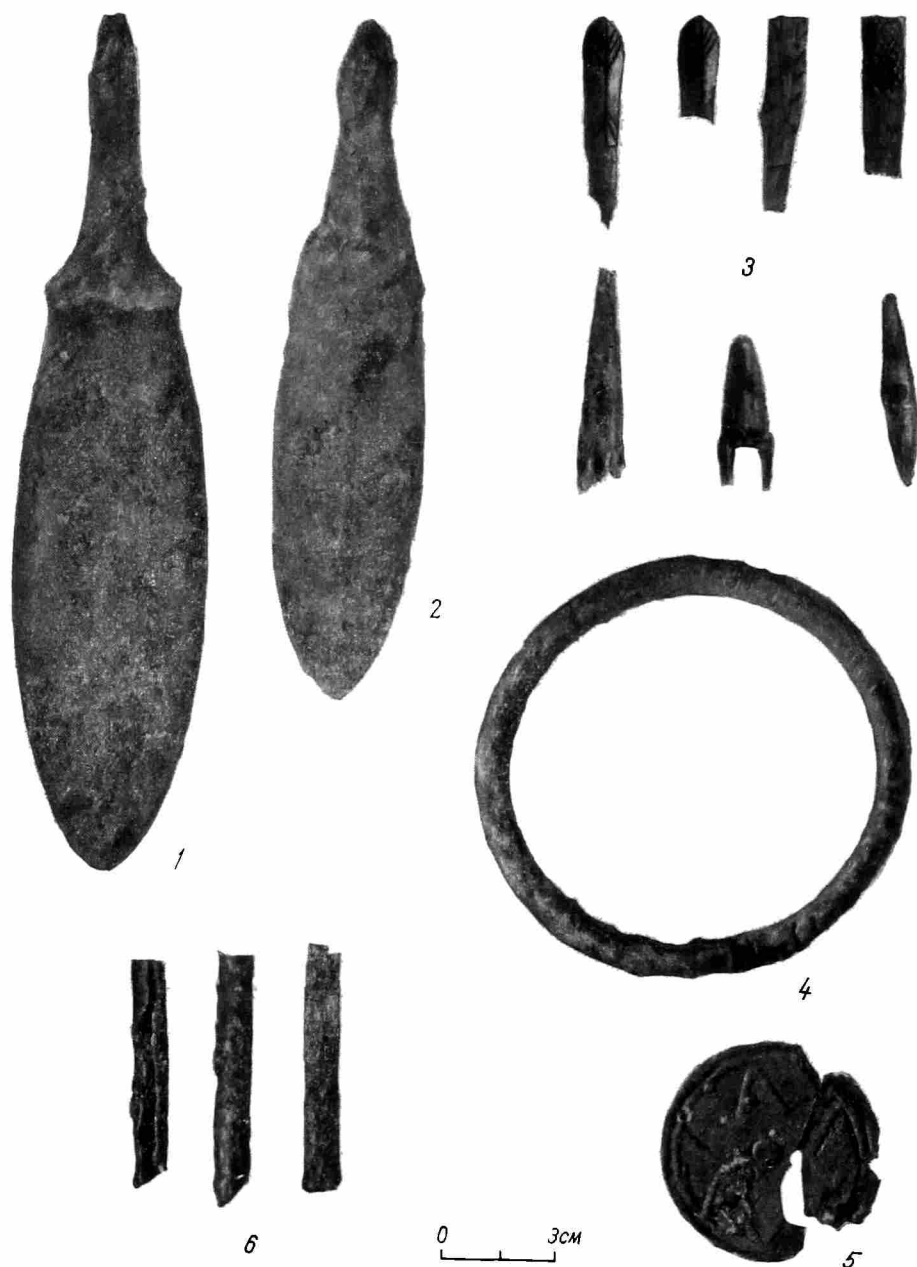


Рис. 31. Вещи из погребений у с. Бережновки:
1, 2 — бронзовые ножи (курган № 25, погребение № 6 и курган № 36, погребение № 1);
3 — костяные наконечники стрел и пластинки (курган № 25, погребение № 4); 4 — брон-
зовый браслет; 5 — бронзовая бляха; 6 — бронзовые пронызки-трубочки (курган № 25,
погребение № 6).

резом на конце, плоские и с овальной одной стороной пластинки; лицевая сторона пластинок орнаментирована тонкими резными линиями (рис. 31—3).

изучению Самарского края», 1928, вып. 5, стр. 4; Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы у села Ягодного. КСИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 30.

Среди украшений выделяются мелкие пастовые бусы, бронзовые пронизки-трубочки, браслеты, бляхи. Особый интерес представляет бронзовая круглая бляха, найденная около затылочной части черепа подростка (курган № 25, погребение № 6, Бережновский могильник). Бляха сделана из тонкой бронзовой пластинки, диаметр ее 4 см. На наружной поверхности нанесен рельефный орнамент; по краю проходит выпуклый круг, внутри его расположена геометрическая фигура — шестиконечная звезда (рис. 31—5). На краях пробиты дырочки (четыре пары), расположенные крестообразно, посредством которых бляха прикреплялась к ткани.

Бережновская бляха не имеет аналогий среди украшений, обнаруженных в курганных погребениях срубной культуры Нижнего Поволжья. Аналогичные бляхи найдены О. А. Кривцовой-Граковой в Алексеевском могильнике (погребение № 13), где они также представляют первую находку подобных украшений¹. Не только форма и отдельные детали, но и техника изготовления предметов полностью совпадают. Отличительные особенности могут быть отмечены лишь в элементах орнамента.

Обращает внимание и еще группа украшений характерной формы и техники изготовления. К ним относятся пронизки-трубочки, согнутые из листовой бронзы с поперечными рубчиками у концов (рис. 31—6), браслеты с заходящими концами, согнутые из медного, круглого в сечении (чуть плоского с внутренней стороны) стержня (рис. 31—4). Можно считать установленным, что обнаруженный в бережновских курганах комплекс металлических предметов быта и украшений в большинстве случаев находит себе аналогии не на Кавказе (как отмечено для погребений катакомбной культуры), а на Урале и в Приуралье, среди памятников, относящихся к андроновской и абашевской культурам². Связь эта подкрепляется и общностью погребального ритуала.

В результате раскопок получен большой и выразительный материал по скифо-сарматской культуре. Открыто 129 погребений разных хронологических этапов развития культуры ранних кочевников Нижнего Поволжья.

Наиболее ранняя группа погребений относится к тому этапу скифской культуры, который принято называть для Нижнего Поволжья савроматским. Всего было вскрыто в семи курганах семь погребений³.

Ритуал и состав могильного инвентаря этой группы резко выделяются из общей массы кочевнических погребений. Могилы прямоугольной или овальной формы, скелеты вытянуты, ориентированы головой на запад. В двух курганах установлен специфический погребальный обряд; до насыпки кургана на горизонте был сожжен большой костер вместе с погребенным, жертвенным мясом, конской сбруей и керамикой. Вместе с инвентарем находятся кости жертвенных животных (овцы), части конских скелетов и обрубленные ноги (курган № 25, погребение № 5, I Бережновский могильник).

Среди инвентаря выделяется керамика по некоторым особенностям формы и техники изготовления. Горшки грубой ручной работы, достигающие иногда 30 см высоты, толстостенные, обжиг слабый и неравномерный,

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 114, рис. 41.

² К. В. Сальников. Южноуральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 51, рис. 23; В. Ф. С мо л и н. Абашевский могильник в Чувашской республике. Тр. О-ва изучения Чувашского края, 1924, табл. I; Е го ж е. ESA, I, стр. 85, рис. 23; О. А. Кривцова - Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, стр. 92.

³ Курган № 25, погребение № 5, I Бережновский могильник; курган № 1, погребение № 14; курган № 2, погребение с сожжением; курган № 5, погребение с сожжением, с. Молчановка; курган № 4, погребение № 5; курган № 6, погребение № 2, II Бережновский могильник; курган № 1, погребение № 1, ст. Сайхин, Западный Казахстан.

горло широкое, несколько выпуклые бока, вокруг шейки орнамент из ямок, вдавленных концом палочки. Встречены два горшка с боковым сливом в виде цилиндрической трубочки (рис. 32—1, 2). Второй формой являются горшки, также грубо изготовленные, с более выпуклыми боками, плоским дном, невысокой шейкой и несколько отогнутым венчиком. Аналогичные горшки встречались неоднократно в погребениях Нижнего Поволжья, относящихся к V—IV вв. до н. э. Особенно близкими бережновским формам являются сосуды из покровских¹, карамановских² и других курганов Нижнего Поволжья.

Кроме глиняной посуды, в курганах обнаружены предметы вооружения — втульчатые трехлопастные наконечники стрел (рис. 33—1), железные мечи-

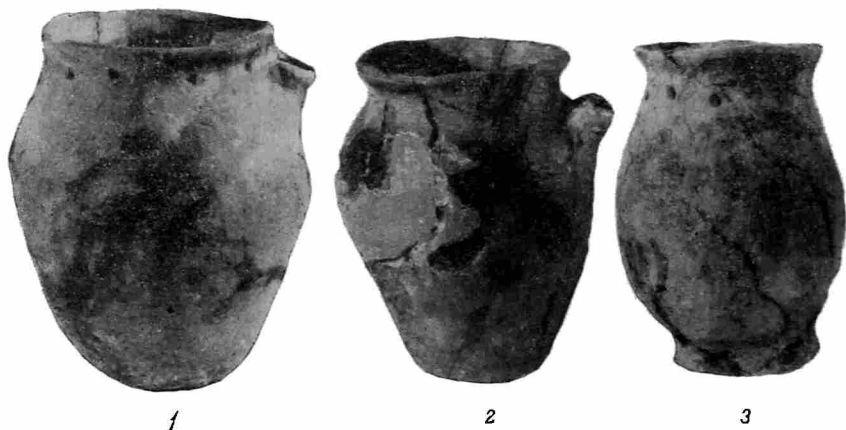


Рис. 32. Сосуды из савроматских погребений:

1— горшок (курган № 25, погребение № 5, I Бережновский могильник); 2 — горшок (курган № 4, погребение № 5); 3 — сосуд (курган № 6, погребение № 2, II Бережновский могильник).

акинаки с типичным перекрестием сердцевидной формы. В одном из погребений (Молчановка, курган № 2) найден характерный комплекс принадлежностей конского уздечного убора (рис. 33—2). В его составе медные массивные литые бляшки, различные по размерам. Три экземпляра имеют полушарную поверхность и круглую в сечении дужку, шесть такого же типа, но меньшего размера; по краю одной из блях виден орнамент в виде рубчика, две бляшки с изображением пасти хищника. Типичны также медный ромбовидной формы налобник от узды и литая массивная ворворка. В отдельных погребениях обнаружены бусы из синей пасты с синими глазками, окруженными тонким ободком белого цвета, а в одном случае — бусина из красного сердолика. В женском погребении (№ 5, курган № 4, II Бережновский могильник) на руках железные браслеты.

Для выяснения культурной принадлежности исследованных погребений собран большой сравнительный материал из курганных погребений не только Нижнего Поволжья, но и соседних степных районов юго-востока, особенно Южного Приуралья. Среди курганных погребений Нижнего Поволжья самый замечательный комплекс вещей встречен в блюменфельдском кургане А-12 (опубликован Б. Н. Граковым³). Рядовые курганные погребения этого типа позволили П. Рау выделить их в группу савроматских погре-

¹ Уч. зап. СГУ, т. III, вып. 3, 1925, стр. 46—47. Сосуд из Покровского кургана № 5 опубликован Б. Н. Граковым, см. ESA, III, стр. 54, рис. 38—41.

² И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. зап. СГУ, т. XVII, 1947, стр. 118, табл. 7, рис. 1.

³ ESA, III, 1928, стр. 25.

бений, хронологически определяемых VI—IV вв. до н. э. В последней своей классификации сарматских памятников Б. Н. Граков, учтя все новые археологические данные, также выделил эту группу погребений и отнес их к савроматской или блюменфельдской культуре¹.

Большой и интересный материал получен в результате раскопок сарматских погребений, хронологически относящихся к III—I вв. до н. э. и первым векам нашей эры. Свыше ста погребений, обнаруженных отрядом, позволяют на массовом материале полнее выявить материальную культуру сарматских племен, установить хронологическую последовательность в отношении отдельных групп погребений.

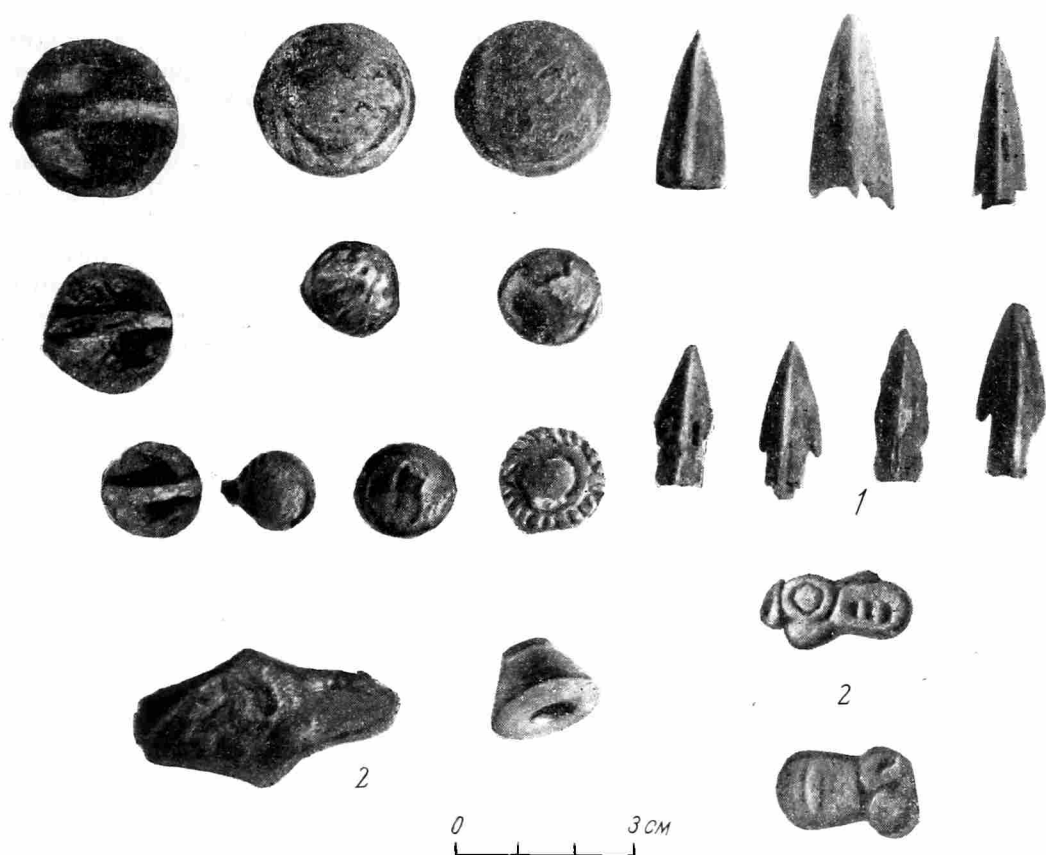


Рис. 33. Бронзовые наконечники стрел (7) и уздечный набор (2)
(1 — курган № 6, погребение № 2, П Бережновский могильник; 2 — курган № 2, Молчановка).

Во всех пунктах, где производились работы, обнаружены различные типы могил: прямоугольно-удлиненные с южной ориентировкой погребенных; своеобразный среднеазиатский тип катакомб с устройством катакомбы не вдоль входной ямы-дромоса, а в конце; квадратные могилы с диагональным положением погребенного; узкие могилы с подбоем вдоль восточной или западной стенки входной ямы.

Среди раннесарматских погребений особенно полно представлена группа захоронений прохоровского типа. Преобладающие формы могил — прямоугольно-удлиненные ямы, ориентированные по линии север—юг, иногда с отклонением на юго-восток или юго-запад. Положение погребенных — головой на юг. Помимо одиночных захоронений встречаются и коллективные — мужчины вместе с женщиной и ребенком. В могилах встречается

¹ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № 3, 1947.

сравнительно однообразный инвентарь: в мужских — предметы вооружения: железные мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием (рис. 34—1), мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием (рис. 34—3), железные трехгранные черешковые наконечники стрел, медные пряжки в виде восьмерки (рис. 34—6), каменные, круглые в сечении, оселки с дырочкой на одном конце (рис. 34—5); в женских — бронзовые большие зеркала с валиком по краю и боковой деревянной или костяной ручкой, разнообразный набор бус, преимущественно из темносинего стекла, песчаниковые и глиняные пряслица, костяные игольники. Почти во всех могилах обнаружены кости барана — передняя нога с лопаткой; всегда среди костей небольшие железные однолезвийные ножи.

Заслуживают особого внимания находки костяных предметов, имеющих вид круглых в сечении стержней, длиной 18—25 см, с гладкой отполированной поверхностью. Нижний конец стержня тонко заострен, в верхнем — просверленная дырочка или вырез в виде крючка.

Впервые такой костяной предмет был найден в сарматском погребении прохоровского типа в могильнике Кара-Оба близ Новой Казанки, в низовьях Узень, и неправильно назван костяной иглой¹.

В исследовании 1952 г. такие предметы встречены в шести могилах, относящихся к первым векам до нашей эры и первым векам нашей эры. Положение их в могилах различное; они находились около кисти правой или левой руки, у правого плеча, один раз около черепа, в одном погребении — между ног выше колен и однажды на тазовой кости правой ноги. Такое положение предметов не позволяет говорить определенно об их назначении. Близкие по форме костяные предметы из гуннских погребений, исследованных Ю. Талько-Гринцевичем и Г. П. Сосновским в районе Ильмовой пади в Забайкалье, определяются как палочки для еды².

Характерную особенность погребений этого времени составляет керамика. В мужских и женских погребениях встречаются глиняные горшки, курильницы круглодонные или на конусовидной подножке (рис. 34—7). Преобладающий тип — горшки шаровидной или продолговато-овальной формы ручной лепки (рис. 34—2). Однако в отдельных погребениях встречаются сосуды станковой работы, снаружи лощеные. Этот тип лощеной керамики, изготовленной преимущественно на гончарном круге, получает широкое распространение в первые века нашей эры, на среднем этапе развития сарматской культуры Заволжья.

Погребения среднесарматского этапа (преимущественно I в. до н. э.) особенно хорошо выявлены раскопками в низовьях Еруслана. Во многих погребениях еще сохраняется прежний ритуал и тип могил. Форма многих предметов инвентаря — прямое и непосредственное продолжение прежних форм. Вместе с тем появляется многочисленная и разнообразная керамика; значительное место в находках из погребений занимает вооружение — железные мечи, кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым навершием, железные трехгранные наконечники стрел, разнообразные бусы из стекла, пасты, пирита, сердолика, а также подвески из просверленных раковин «каури».

Своеобразие погребений среднесарматского времени особенно ярко проявляется на керамическом материале. Вместо горшков, грубо изготовленных ручной лепкой, встречаются разнообразной формы сосуды, изготовленные на гончарном круге или тщательно вылепленные от руки. Различных форм

¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XLV, стр. 70, рис. 28—1.

² Ю. Т а л ь к о - Г р и н ц е в и ч. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. М., 1899, табл. XIV; Г. П. С о с н о в с к и й. Раскопки Ильмовой пади. СА. т. VIII, стр. 63, рис. 6.

кувшины с одной ручкой, с длинным цилиндрическим горлом, иногда имеющие форму энохой, различного рода горшки без ручек, сероглиняные лощеные миски характеризуют новый этап в развитии керамики (рис. 35).



Рис. 34. Инвентарь из раннесарматских погребений:

1—2 — меч и горшок (курган № 5, погребение № 4, Молчановка); 3 — меч (курган № 27, I Бережновский могильник); 4 — бусы (курган № 1, погребение № 10, Молчановка); 5, 6 — каменный оселок и бронзовая пряжка (курган № 35, погребение № 7, I Бережновский могильник); 7 — глиняная курильница (курган № 2, погребение № 1, южная группа у с. Бережновки).

Весьма любопытна находка в женском погребении (№ 13, курган № 35, с. Бережновка) сероглиняного кувшина с чернолощеной поверхностью, в дно которого вставлен осколок мутноватого стекла (рис. 36—1). Интересны

находки алебастровых сосудиков шаровидной формы или в виде фляги с плоскими боками. Обилие находок указывает на широкое распространение в Заволжье античного импорта. Многие обнаруженные кувшины, сосуды встречают близкие параллели в керамике Придонья¹, Северного Кавказа, особенно в прикаспийской части Дагестана².

Вместе с тем отдельные находки свидетельствуют о связях сарматских племен с племенами Волго-Камского района. Из этих находок особый



Рис. 35. Керамика из сарматских погребений:

1 — кувшин (курган № 36, погребение № 2); 2 — кувшин (курган № 35, погребение № 15); 3 — кувшин (курган № 26); 4 — кувшин (курган № 30); 5 — курильница (курган № 33); 6 — алебастровый сосудик (курган № 26, I Бережновский могильник); 7 — кувшин (курган № 7, II Бережновский могильник).

интерес представляют предметы из вышеупомянутого женского погребения № 13 (курган № 35, I Бережновский могильник) — бронзовая застёжка-сольгама из тонкого, круглого в сечении стержня со спирально согнутыми в противоположные стороны концами (рис. 36 — 2), бронзовая пряжка с неподвижным крючком и выступом (рис. 36 — 4). Аналогичные предметы известны, например, в погребениях Пьяноборского могильника³, второго Нырғындынского могильника, исследованного А. А. Спицыным⁴. В послед-

¹ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, рис. 30 и др.

² Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 годах. МИА, № 23.

³ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, табл. 2—1.

⁴ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л., 1933, стр. 18 сл., табл. IX, рис. 16, 31, 37.

них работах А. П. Смирнова указанные могильники относятся к первым векам нашей эры¹.

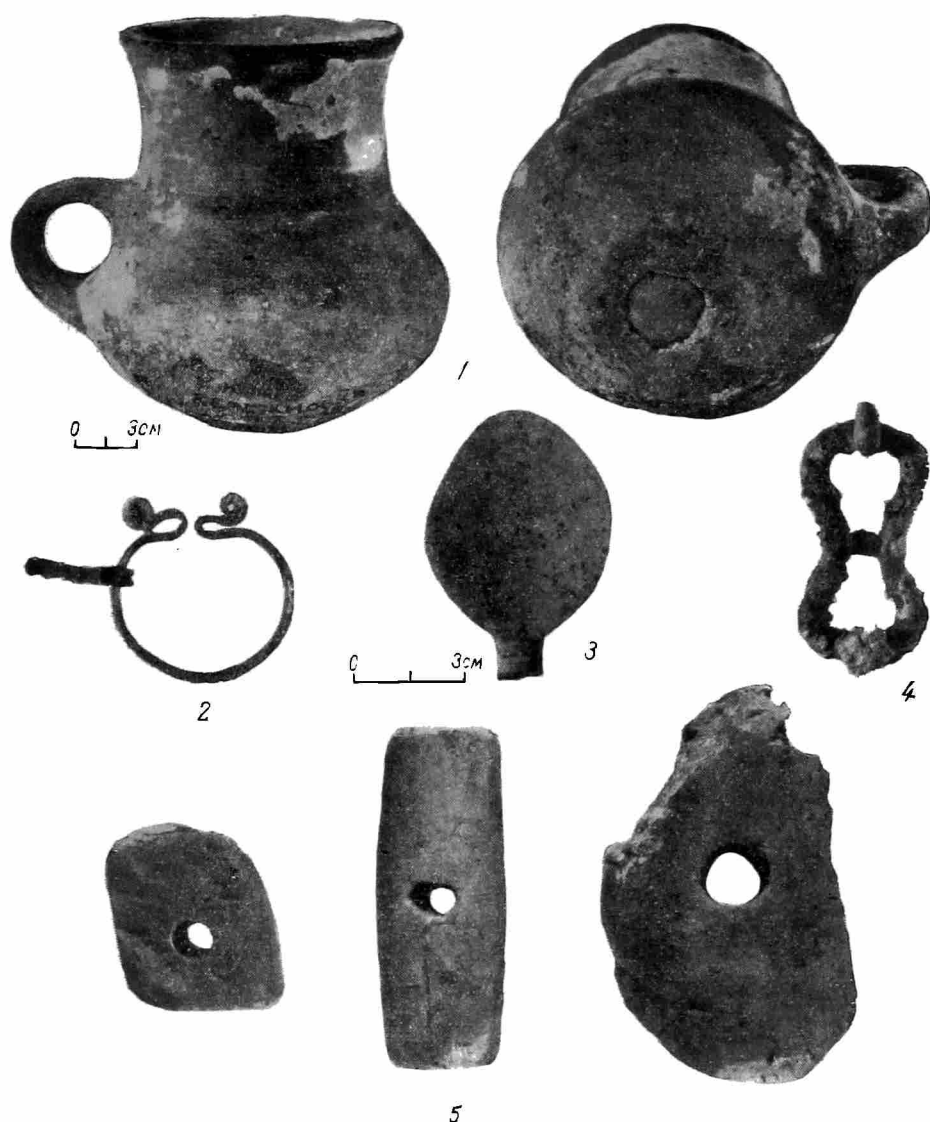


Рис. 36. Вещи из сарматских погребений I Бережновского могильника:
1 — кувшин со стеклянным дном; 2 — бронзовая застёжка; 3 — костяная ложечка; 4 — брон-
зовая пряжка (курган № 35, погребение № 13); 5 — предметы из сланца (курган № 35,
погребение № 17).

Из общей массы сарматских погребений выделяется небольшая группа так называемых диагональных погребений, определяемых как роксоланские². Всего было открыто три погребения³. Могильный инвентарь их не выделяется из общей массы предметов, находимых в погребениях среднесармат-

¹ А. П. Смирнов. Могильники пьяноборской культуры. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 22; Его же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 74 сл.

² К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, № 1, 1948.

³ Курган № 34, I Бережновский могильник, курганы № 6 и № 7, II Бережновский могильник.

ского времени. В могилах встречаются обычные сероглиняные лощеные кувшины, сосудики, цилиндрические курильницы и другие предметы. Вместе с тем ритуал строго выдержан: широкие могилы квадратной формы, скелеты лежат вытянуто, на спине с угла на угол, по диагонали, головой на юго-

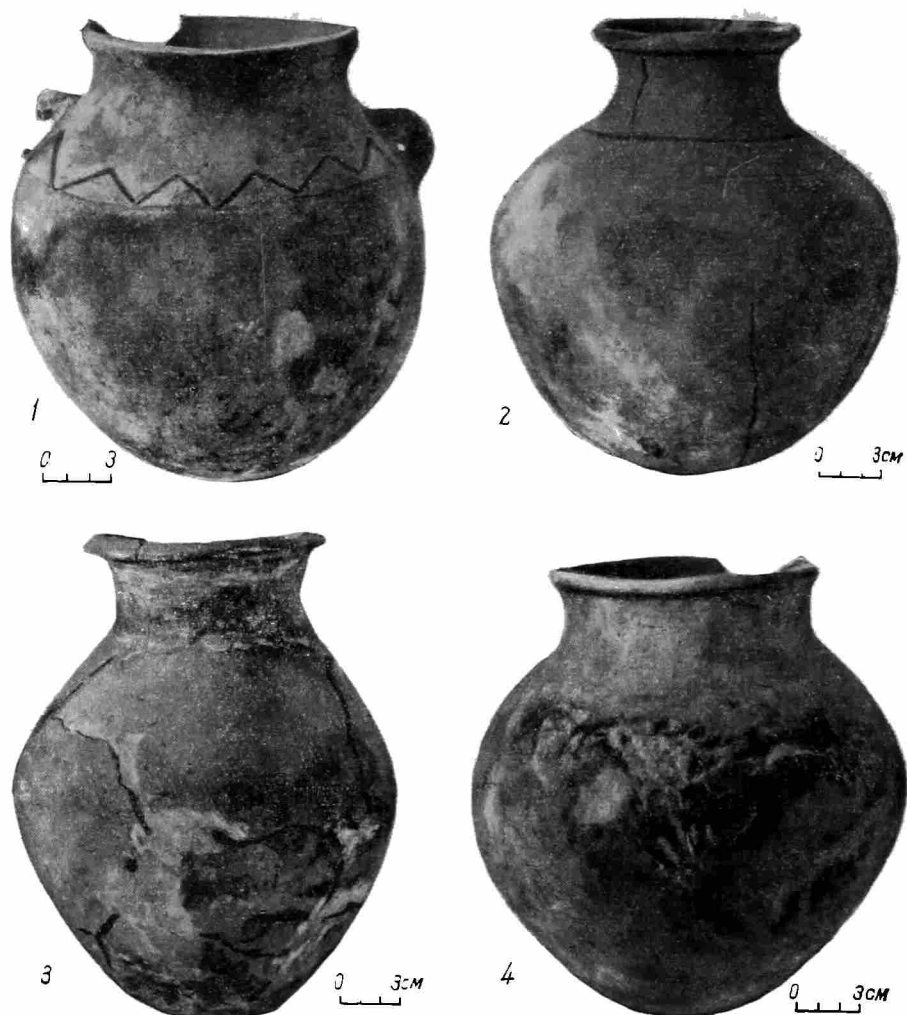


Рис. 37. Керамика из курганов у с. Калмыкова:

1 — курган № 2; 2 — курган № 3, погребение № 2; 3 — курган № 3, погребение № 8;
4 — курган № 4, погребение № 4.

восток или юго-запад. Существенное замечание К. Ф. Смирнова о том, что диагональные погребения «никогда в количественном отношении не преобладают над другими типами погребений»¹, подтверждается нашими раскопками бережновских могильников.

Особого внимания заслуживают катакомбные погребения, обнаруженные при раскопках курганов около берега р. Урала, в 6 км к северу от с. Калмыкова. Здесь раскопано четыре кургана, которые входят в группу, состоящую из 10—12 насыпей. В трех из них обнаружены погребения в катакомбах среднеазиатского гуннского типа. Устройство могил во всех курганах одинаково: катакомба вырубалась не вдоль длинной стенки входной ямы-дромоса, а в узком южном конце. Размеры входной ямы-дромоса: длина до

¹ К. Ф. Смирнов. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, т. XVII, 1953, стр. 144.

2,3 м, ширина до 1 м, глубина до 2,5 м. Глубина ниши-катакомбы до 2,5 м, ширина равна ширине входной ямы и высота до 1 м. Пол катакомбы, начиная от входа, постепенно понижается. Скелеты находятся в досчатых гробах в виде прямоугольных ящиков. Около гроба, в ногах или сбоку, размещались



Рис. 38. Костяные накладки от колчана (курган № 5, II Бережновский могильник).

глиняные сосуды шаровидной формы с узким прямым горлом (рис. 37), деревянные чаши (в одном случае дно чаши было сшито по трещине медной проволокой), кости овцы, в мужских погребениях — железные мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, в женском — различные бусы.

В пределах степного Заволжья аналогичные погребения известны по раскопкам прежних лет, например на среднем течении Еруслана, у с. Усатово¹, на берегу Волги у с. Краснополье, ниже Саратова². Могильный инвентарь погребений позволяет отнести их к I в. до н. э. и I—II вв. н. э. Погребения входят в группу среднеазиатских погребений типа Кенкольского могильника и служат конкретным археологическим материалом, свидетельствующим о наличии гуннских захоронений между Волгой и Уралом.

¹ И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. зап. СГУ, т. XVII, 1947, стр. 101, рис. 70 и др.

² И. В. Силицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, т. VIII, 1946, стр. 73.

Отдельную группу памятников составляют погребения поздних кочевников, относящиеся преимущественно к XI—XII вв., а также ко времени Золотой Орды. Открыто 30 погребений в 29 курганах, раскопанных в I Бережновском могильнике (13 курганов), у с. Молчановки (12 курганов) и в других пунктах.

Почти все погребения устроены в курганах в качестве основных, лишь в одном случае две могилы были впущены в сарматский курган. Курганы резко выделяются по внешнему виду, размерам и характеру их расположения. Все они сосредоточены, как правило, в одном месте — на краю могильника и на небольшом расстоянии друг от друга. Размеры их 6—8 м в диаметре при высоте 60—80 см. Большинство курганов I Бережновского могильника, а также Молчановской группы ограблены; сохранившиеся содержали интересные материалы, характеризующие культуру кочевников.

По характеру устройства могильных сооружений, ритуалу погребений и по другим признакам исследованные курганы содержали не однородные погребения, а различные варианты. Определены два типа могил: простая яма прямоугольной формы без каких-либо конструкций и яма прямоугольно-удлиненной формы с небольшой нишей (подбоем) вдоль южной стенки. Подбой закрывался тонкими бревнами-жердями, поставленными наклонно по вертикальной диагонали могильной ямы (до 14—16 жердей). Кроме того, в отдельных случаях сверху могилы закрывались также жердями, положенными поперек ямы. В насыпи курганов встречаются остатки тризны: кости животных, зола, уголь.

В отдельных курганах попадались захоронения целого коня, положенного рядом с могилой в небольшом углублении или же непосредственно на древнем горизонте.

Погребения в позднекочевнических курганах совершались без гроба, а в некоторых случаях в досчатых гробах; ориентировка различная — головой на запад, восток и, редко, на юг.

Среди могильного инвентаря наиболее распространены железные наконечники стрел плоской формы, втульчатые копья, бронзовые или железные чашечки (иногда с дужкой), железные стремена, двухчленные удила с круглыми в сечении кольцами и стержнем, сравнительно однотипные берестяные колчаны, богато украшенные костяными резными пластинками, орнаментированными геометрическими узорами, волютами в различных сочетаниях, фигурами животных (наиболее ярко — фигура оленя; рис. 38). Некоторые пластинки раскрашены и инкрустированы плотной черной массой. Аналогичные берестяные колчаны с костяными обкладками хорошо известны в кочевнических погребениях на широкой полосе степей Юго-Востока, в частности в раскопках В. А. Городцова в Приазовье¹.

Исследованные нами курганы содержат не совсем однородные кочевнические погребения, хронология которых еще плохо разработана. Попытки изучения кочевнических погребений степей Восточной Европы С. А. Плетневой² и Л. П. Зяблиным³ вносят некоторую ясность в разрешение их этнической принадлежности. Однако вопрос о хронологической последовательности требует еще значительных уточнений. Обнаруженные нами погребения принадлежат в основном одной племенной группе кочевников — половцам, обитавшим в пределах Заволжья до прихода монголов, а также в период пребывания здесь Золотой Орды.

¹ Тр. XIII АС, т. I, 1907, стр. 272, рис. 71.

² С. А. П л е т н е в а. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. М., 1952 (автореферат диссертации).

³ Л. П. З я б л и н. Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы. М., 1952 (автореферат диссертации).



Е. И. КРУПНОВ

ПРИКАСПИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Обширная территория северо-восточного Кавказа, в том числе и современная Грозненская область, до последнего времени остается еще слабо изученной в историко-археологическом отношении. Между тем эта территория, лежащая на скрещении древних и важных торговых путей, связывавших племена и народы Европы и Азии через Каспийские ворота и население южнорусских степей с Передним Востоком через Дербентский проход, представляет огромный научный интерес. Здесь должны отложиться и сохраниться следы древних сношений различных племен и народностей, часть которых стала известна истории (скифы, сарматы, гунны, аланы, хазары, татаро-монголы и др.).

Экспедиционными работами, осуществленными за советский период центральными научными учреждениями Москвы и Ленинграда, а также Грозненским и Дагестанским музеями краеведения, было выявлено, а частично и исследовано множество памятников материальной культуры (городища, поселения, курганы, могильники), характеризующих хозяйство, быт и культуру населения края от эпохи неолита и до позднего средневековья.

Но эти работы не достигли еще завершающего этапа, когда можно было бы приступить к написанию сводной и конкретной истории столь разнообразного края с древнейших времен. Они лишь помогли научно осознать огромное историческое значение древних памятников этой области для воссоздания истории всего северо-восточного Кавказа или северо-западного Прикаспия.

Одна из основных задач археологической экспедиции, организованной в 1952 г. ИИМК АН СССР совместно с Грозненским музеем краеведения¹, заключалась в выяснении топографии курганов, сборе подъемного материала и уточнении данных для историко-культурной характеристики курганных групп, которые в ближайшее время будут снесены при сооружении Терско-Кумской ирригационной системы.

Кроме того, экспедиция ставила своей целью исследовать случайно открытый в 1949 г. и подвергшийся разрушению интереснейший древний грунтовой могильник близ сел. Луговое Первомайского района, в Ассинском ущелье Грозненской области².

¹ В экспедиции участвовали: от ИИМК Е. И. Крупнов (начальник экспедиции), Р. М. Мунчаев, О. В. Милорадович и Т. А. Бунятов; от Грозненского музея И. Ф. Мутовин, Е. Г. Дозоров, Б. С. Рахман, Н. И. и М. П. Штанько, Б. С. Черняев, Г. В. Бевт.

² Первые находки на Луговом могильнике были сделаны Н. И. Штанько и Е. Г. Дозоровым в 1949 г. Находки поступили в Грозненский музей краеведения.

Могильник расположен в 1,5 км к северу от сел. Луговое. Это древнее кладбище, на котором население района хоронило своих сородичей около 2500 лет назад.

На вскрытой раскопками площади (более 1000 м²) обнаружено прямо в грунте на небольшой глубине (не свыше 0,5 м) 29 могил, две из которых относились к гораздо более раннему времени. Все могилы сверху были завалены булыжным камнем. В 27 могилах скелеты лежали головами на юго-запад с небольшими отклонениями; костяки, независимо от пола погребенных, находились в сильно скорченном положении, на правом боку.

Женские могилы содержали довольно богатые наборы украшений из бронзы, серебра, стекла, цветной пасты. У головы обычно находились толстые проволочные серебряные височные кольца, шею украшали многочисленные цветные бусы из стекла, сердолика и стекловидной пасты. В одной могиле (№ 14) их было более 500. На пальцах рук были надеты бронзовые и железные спиральные кольца (рис. 39—2), на руках — бронзовые толстые проволочные спиральные и пластинчатые браслеты с несходящимися концами (рис. 39—3, 4). Грубая шерстяная одежда скреплялась на груди массивными бронзовыми фибулами (кобанского типа). Дужка фибул украшена вертикальными полосами параллельных насечек (рис. 39—6). Нагрудники и платье украшались множеством мелких бронзовых бляшек и пластинчатых колечек. Глиняная посуда с пищей ставилась у ног; встречались и глиняные разнотипные прясла для веретен (рис. 39—1). В мужских могилах были обнаружены железное оружие и украшения: наконечники втульчатых трехперых стрел (рис. 39—8), втульчатые листовидные копья, иногда согнутые (рис. 39—10—12), серповидные ножи, железные поясные пряжки, шейные гривны и оригинальные нагрудные бляхи в виде двух овальных пластин, соединенных вместе и украшенных штампованным пунктирным орнаментом. Обычно в ногах, реже в головах ставилась глиняная посуда с пищей (горшки, миски, чаши).

Бронзовые браслеты (спиральные и с несходящимися концами), фибулы, поясные умбовидные пряжки (рис. 39—7), перстни, кольца, зооморфные привески, бляшки и другие украшения из Лугового могильника в деталях повторяют соответствующие категории украшений, известных из кобанских, так называемых могил-колодцев¹, обложенных булыжником, представляющих второй, более поздний этап развития кобанской культуры центральной части Северного Кавказа².

Специфическими для Лугового могильника являются бронзовые пластинчатые двуовальные нагрудные бляхи с пунктирным орнаментом, железные мужские поясные пряжки в виде крюка из массивного стержня, по обеим сторонам которого расположено по два кольца (рис. 39—9), и железные эллипсоидные обоймицы с загнутыми концами, украшавшие деревянные ножны для ножей.

Нагрудные бляхи в трех случаях были найдены в мужских могилах, в одном случае в женской. Бронзовые двуовальные бляхи Лугового могильника типологически весьма сходны с золотыми и серебряными парными бляхами, только округлых очертаний, известными в Турции, из могилы, вскрытой в Центральной Анатолии, в Аладже (Эйюк). Они также украшены пунктирным орнаментом; но аладжинские бляхи не пришивались к одежде, как луговские, а прикреплялись длинными сквозными булавками

¹ МАК, т. 8, 1900, стр. 87, табл. XXV, № 1; табл. XXVII, № 7 и 8.

² Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. АГУ, вып. 13, 1949, стр. 210.



Рис. 39. Инвентарь из Лугового могильника VI—IV вв. до н. э.:

1 — глиняное пряслице; 2 — спиральное кольцо; 3, 4 — браслеты; 5 — шейная гривна; 6 — фибула; 7 — умбовидная пряжка; 8 — трехперые наконечники стрел; 9 — мужская поясная пряжка; 10-12 — наконечники копий; 13, 14 — серповидные ножи (2-7 — бронза; 8-14 — железо).

с головками¹. Комплекс, к которому они относятся, датируется III тысячелетием до н. э.², что кажется сомнительным³.

Всего из Лугового могильника известно уже шесть таких блях (две в Грозненском музее из старых сборов и четыре из наших раскопок 1952 г.). На Кавказе же нигде, кроме Нестеровского⁴ и Лугового могильников, они пока не встречены; таким образом, они свидетельствуют о какой-то локальной особенности памятников Ассинского ущелья.

Прямые аналогии железным поясным пряжкам в виде стержня с парными кружками по сторонам, найденным в Луговом могильнике, можно указать лишь в материалах из с. Корца (Сев. Осетия) из собрания П. С. Уваровой⁵.

Массивные втульчатые многочисленные железные наконечники копий из Лугового могильника повторяют типы таких же копий из других аналогичных могильников (Исти-су⁶, Нестеровский⁷, Урус-Мартановские⁸). Эта форма происходит от более ранних бронзовых листовидных наконечников копий кобанской культуры⁹.

Таким образом, основной состав металлического могильного инвентаря, а также погребальный обряд, даже при наличии очень своеобразных черт, тесно связываются с материалом позднего этапа развития кобанской культуры Северного Кавказа середины I тысячелетия до н. э.

Наличие же в могилах трехгранных втульчатых железных наконечников стрел скифского типа, железных серповидных ножей (рис. 39—13, 14), а также определенных форм глиняных изделий (чаши, миски, горшки, прясла) указывает на то, что местные, повидимому воинственные (судя по обилию копий), племена имели очень оживленные связи со скифскими племенами Предкавказья, Подонья и Украины, которые в VII в. до н. э. прошли через Кавказ в Закавказье и в страны древнего Востока. На прямую связь со скифской культурой указывает и выполнение в скифском зверином стиле украшений на конце бронзовой гривны (рис. 39—5). Точно такая же гривна известна из могильника Исти-су¹⁰.

Луговой могильник по погребальному обряду (погребение в грунте, юго-западная ориентировка) и некоторым найденным в нем предметам (особенно по формам керамики) можно поставить в один ряд с известными памятниками Северного Кавказа (Моздокский¹¹, Исти-су, Урус-Мартановские, Нестеровский могильники) и другими могильниками восточной группы местной культуры скифского времени. Вместе с тем он выделяется среди них обилием оружия, наличием очень своеобразных нагрудных блях, что позволяет отнести его к новой небольшой группе местных памятников VI—IV вв. до н. э., впервые выявленных в Ассинском ущелье. Очевидно, в этих особенностях и в своеобразии погребального обряда и керамики и отражаются племенные различия древнего населения этого района.

¹ Hamit Zübeýr koşay. Ausgrabungen von Alaca Höyük. Ankara, 1944, стр. 111, табл. XXXII, № 28—30, стр. 124; табл. XCII, № 34.

² Там же, стр. 151.

³ А. А. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов. СА, т. XII, 1950, стр. 190.

⁴ Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 175—176.

⁵ МАК, т. 6, табл. XXVI, 18—19.

⁶ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, т. XIV, 1950, стр. 49, рис. 20.

⁷ Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 27.

⁸ ОАК за 1901 г., стр. 91.

⁹ Четыре бронзовых наконечника втульчатых листовидных копий вместе с бронзовым кинжалом кобанской культуры были найдены мною в 1940 г. на Галиатском могильнике «Верхняя Рутха» (могила № 15). Комплекс экспонирован в V зале ГИМ.

¹⁰ О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 33, рис. 9.

¹¹ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940.

Важным для социально-экономической характеристики древнего населения района является то, что могилы, расположенные отдельной группой по склону отрога, который занят могильником, оказались совершенно без инвентаря, но с теми же деталями погребального обряда. Это указывает на ярко выраженное имущественное и, видимо, социальное неравенство у местных племен этого времени. Повидимому, внизу были похоронены члены более бедного рода, обитатели одного и того же поселка VI—IV вв. до н. э.

К гораздо более древнему периоду относятся две другие могилы, вскрытые на Луговом могильнике (№ 27 и 28). Они содержали вытянутые человеческие скелеты с иной, северо-восточной ориентировкой. Костяки лежали на большой глубине, под более мощными кладками из булыжника. Они сохранили следы красной краски (мумии), по представлению древних, обладавшей очистительной силой. Судя по остаткам распавшихся медных бляшек и колечек, найденным в ногах, ими украшалась обувь умерших. Погребальный обряд и очень архаичный медный плоский нож (рис. 40—1), найденный у одной из могил, заставляют отнести эти захоронения к началу медно-бронзового века.

На эту же дату указывает и замечательный комплекс глиняных изделий, неожиданно обнаруженных на территории могильника в северной, нижней, части раскопа. В результате раскопок установлено, что Луговой могильник скифского времени был заложен на месте древнего поселения, расположенного на довольно отлогом склоне отрога и потому оказавшегося размытым дождевыми потоками. В этом убеждало скопление древней красноватой, на розовой подкладке керамики по продольным канавам в нижней части раскопа и обкатанность фрагментов керамики. Среди керамики резко выделяются обломки с шаровидными ручками и рельефно спиральным и геометрическим орнаментом (рис. 40—4), встречаемым лишь в памятниках закавказского энеолита (Бешташени¹, Шингавит, Шреш-блур, Кикети и др.)². Но самыми примечательными находками из нижнего слоя Лугового могильника оказались глиняные предметы на размытом древнем очаге со следами угля и золы. Это глиняные очажные подставки, рогообразные и цилиндрические (рис. 40—2, 3, 5, 6), известные в Закавказье, в Армении (Шингавит, Шреш-блур и др.)³, в Грузии (Земо-Авчалы, Згудрис-Гверда⁴, Тквиави⁵ и др.), в районах Средиземноморья (Крит, Греция⁶, Малая Азия) и относящиеся к переходной поре от камня к металлу — эпохе энеолита. На Северном Кавказе синхронные очажные подставки в виде так называемых рогатых кирпичей были известны лишь с Долинского поселения⁷ (в Кабарде), а соответствующая керамика лишь с Каякентского поселения в Дагестане (по довоенным раскопкам А. П. Круглова)⁸. Такие подставки использовались у очагов при совершении различных обрядовых церемоний древних культов. В Закавказье они в большинстве известны как случайные находки на древних поселениях. На Луговом могильнике они встречены

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Тriaлети. Тбилиси, 1941, табл. СХХ и СХХI.

² Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XIII-B, 1944, стр. 88, табл. XXI, рис. 100; табл. XXIX.

³ Там же, стр. 104, рис. 59—60.

⁴ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XIV-B, 1947, стр. 75, табл. I.

⁵ С. И. Макалатия. Археологические раскопки курганных погребений в с. Тквиави. Тбилиси, 1943, стр. 29, рис. 27.

⁶ A. Evans. The Palace of Minos, I, 1921; IV, 1935.

⁷ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941.

⁸ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе (восточная часть Северного Кавказа и Дагестан). КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 66.

в комплексе, у очага, расположенного на месте, где позднее было образовано родовое кладбище.

Луговой могильник безусловно должен быть исследован полностью, но и сейчас уже ясно его особое научное значение для истории Кавказа. Сделанные на нем находки вместе с находками в Кабарде, Осетии и Дагестане, свидетельствующие о связях Северного Кавказа с Закавказьем, превращают проблему Куро-Аракского энеолита в более широкую проблему всего Кавказа энеолитической эпохи. Использование и широкое освещение материала из Лугового могильника уже сделано в диссертации аспиранта ИИМК Р. М. Мунчаева.

Опыт раскопок Лугового могильника вновь подтвердил давно сделанный нашей экспедицией вывод, что памятники в Ассинском ущелье составляют крупный культурный комплекс Грозненской области¹, который требует внимательного изучения.

Вторым этапом работ экспедиции были исследования в северных районах области (Ачикулакском, Каясулинском, Караногайском и др.). Результаты также оказались очень интересными. Степные полупустынные пространства, лежащие к северу от среднего течения Терека, ранее были совершенно не известны археологам. Первые же разведочные работы, осуществленные экспедицией в прошлые годы, доказали богатство этих районов памятниками древности, в особенности бесчисленными курганными группами².

В 1952 г. экспедиция закончила раскопки курганный группы близ с. Ачикулак, начатые в предыдущие годы, и собрала большой подъемный материал в песчаных выдувах в окрестностях сс. Ачикулак, Махмут-Мектеб, Бажиган, а также близ с. Агабатыр, у быв. хутора Евтеева и в других местах.

В исследованном кургане у с. Ачикулак было вскрыто пять погребений, четыре из которых относились к разным периодам эпохи бронзы. Костяки в могильных ямах лежали в сильно скорченном положении. В погребениях обнаружены глиняные сосуды; один из них в нижней части был грубо расписан черной краской, другой орнаментирован разнообразными штампами (веревочкой, кружками и треугольниками; рис. 40—7). Последний прием украшения древних сосудов почти не известен в памятниках южных зон Северного Кавказа, и находки под Ачикулаком являются редкостью. Технические приемы орнаментации позволяют сближать эту древнюю керамику с керамикой юго-восточного варианта катакомбной культуры наших степей эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.)³.

Морфологически подобные сосуды связываются с образцами керамики, обнаруженной, например, в урочище «Три брата» в 17 км от г. Степного. Там в кургане № 4 в погребении № 6 катакомбной культуры аналогичный горшок был найден вместе с курильницей. Подобные же многочисленные образцы керамики с веревочным и иным орнаментом, со сглаженной зубчатой штампом поверхностью найдены нами среди развееванных песчаных выдувов (рис. 41—1—7, 14); они тем самым увеличивают научную ценность случайных находок, доказывающих более южную границу распространения влияния катакомбной, а позднее и срубной культур (рис. 41—8—13). Безусловную связь этих районов в эпоху бронзы с районами бытования катакомбной культуры подтверждает находка крупного сосуда репчатой формы, по плечам украшенного характерными для катакомбной культуры редко заштрихованными треугольниками и точечным орнаментом (рис. 40—8).

¹ Изв. Грозн. обл. ин-та и музея краеведения, вып. 1. Грозный, 1948, стр. 58.

² Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 70; Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 18.

³ Т. Б. Попова. Катакомбная культура. Автореферат. М., 1953, стр. 8.

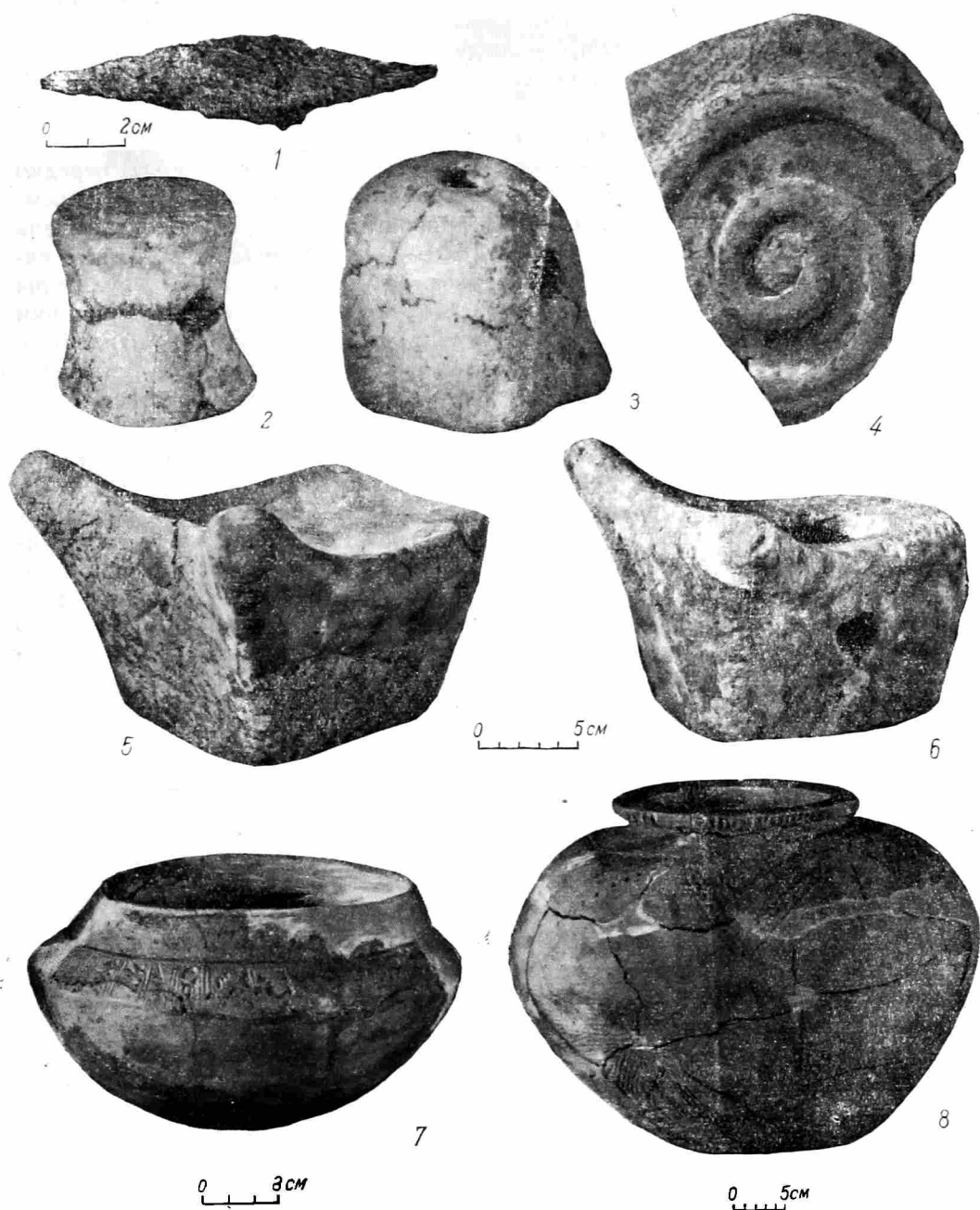


Рис. 40. Вещи из энеолитического очага на Луговом могильнике и сосуды эпохи бронзы из окрестностей Ачикулака и Бажигана:

1 — медный нож; 2 — глиняная подставка со сквозными отверстиями; 3 — то же с несквозными отверстиями; 4 — фрагмент керамики с рельефным орнаментом; 5, 6 — глиняные рогатые очажные подставки; 7 — сосуд эпохи бронзы (курган у Ачикулака); 8 — реставрированный сосуд (окрестности Бажигана).

Для суждения об исторической ценности зафиксированных экспедицией многочисленных курганов большое значение имеет подъемный материал, собранный в районах расположения курганных групп. Обследуя ныне занесенные песками участки степи, экспедиция обнаружила многочисленные остатки древних культур и явные следы обитаемости этих мест с древнейших времен.

Обильные древние изделия из кремня, кварцита, обсидиана и яшмы (скребки, ножи, проколки, нуклеусы, отжимные пластинки, резцы), нередко и орудия микролитических форм (сегментовидные и трапецевидные), кремневые вкладыши серпов (рис. 42—5) и наконечники стрел, иногда очень изящной формы и тонкой работы (рис. 42—1—4), каменные топоры с канелированной поверхностью, характерные для катакомбной культуры (рис. 42—15), каменные сверленные булавы, зернотерки, песты, терочники и многочисленные образцы богато орнаментированной керамики, найденные между барханами песков, а также бронзовое оружие — все это свидетельствует о том, что районы эти были заселены с неолитической эпохи (с IV тысячелетия до н. э.) и в последующее время.

Хорошо представлена находками и переходная эпоха от бронзы к железу и еще полнее — период раннего и даже позднего средневековья.

Серия разнотипных прекрасно сохранившихся бронзовых и железных стрел (рис. 42—10, 12, 13), предметов конского набора и посуды, характерных для степняков-скифов и сарматов, свидетельствует о массовом проникновении на Кавказ носителей скифской и сарматской культур и о том, что население Кавказа развивало свою культуру во взаимодействии с окружающими народами древнего мира. Наконечники бронзовых и железных стрел, бронзовые и железные удила, характерные для скифской культуры VII—V вв. до н. э., здесь не редкие находки (рис. 42—8 и 9).

Многочисленные находки оружия (рис. 42—16, 18), предметов быта, украшений и даже монет, чеканенных в улусах Золотой Орды, указывают на то, что и в позднее средневековье ныне безжизненные, полупустынные районы Грозненской области были цветущим краем с богатой растительностью, с густым населением, как и в более отдаленные времена. Только позднее стал наблюдаться упадок деятельности человека. Затухание жизни в этих районах было, повидимому, вызвано частичным изменением климата, обмелением и высыханием водных артерий и наступлением развеваящихся песков. Можно думать, что активное развевание песков было связано с нарушением растительного почвенного покрова в результате неумеренного выпаса скота кочевым и полукочевым населением эпохи позднего средневековья. Нерациональная человеческая деятельность и была, очевидно, первопричиной ослабления и даже затухания жизни в этих районах северо-западного Прикаспия.

✓ Методом споро-пыльцевого анализа древних почв, подстилающих те или иные культурные остатки или погребения, можно установить растительный покров в различные периоды жизни края. В этом отношении материалы археологических памятников и для естественников оказываются чрезвычайно важными. Они датируют остатки флоры. Так, споро-пыльцевым анализом почвы из горшка, найденного в погребении эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.), в кургане, вскрытом нами у с. Ачикулак, научным сотрудником Института географии АН СССР Р. В. Федоровой было доказано наличие в прошлом, в ныне полупустынных окрестностях с. Ачикулак, липовых и сосновых насаждений. В горшке, как показал анализ, находится липовый мед (земля содержала до 56% пыльцы липы от общего количества древесной пыльцы), а впускное сарматское погребение лежало на подстилке, содержащей до 6% остатков липовой листвы. Значение этих наблюдений для истории края очень велико, ибо они подтверждают выводы, сделанные на основе археологических данных.

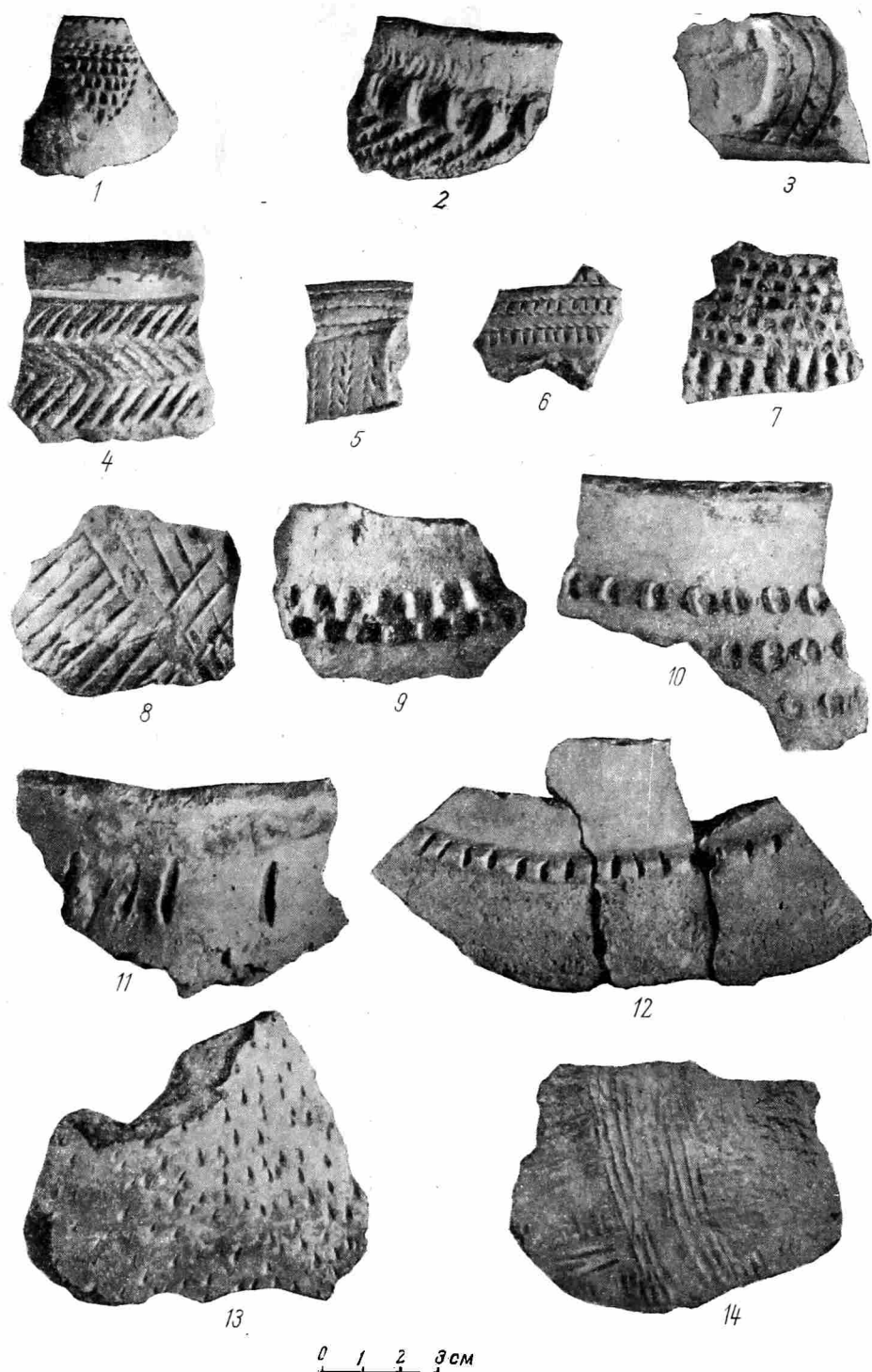


Рис. 41. Образцы древней керамики из песчаных выдувов
(Грозненская область):

1, 2, 8-10 — из окрестностей Ачикулака; 3 — ручка от сосуда катакомбного типа, оттуда же; 4-7, 11, 12, — обломки сосудов из окрестностей Башигана; 13, 14 — обломки сосудов из окрестностей Махмут-Мектеба.

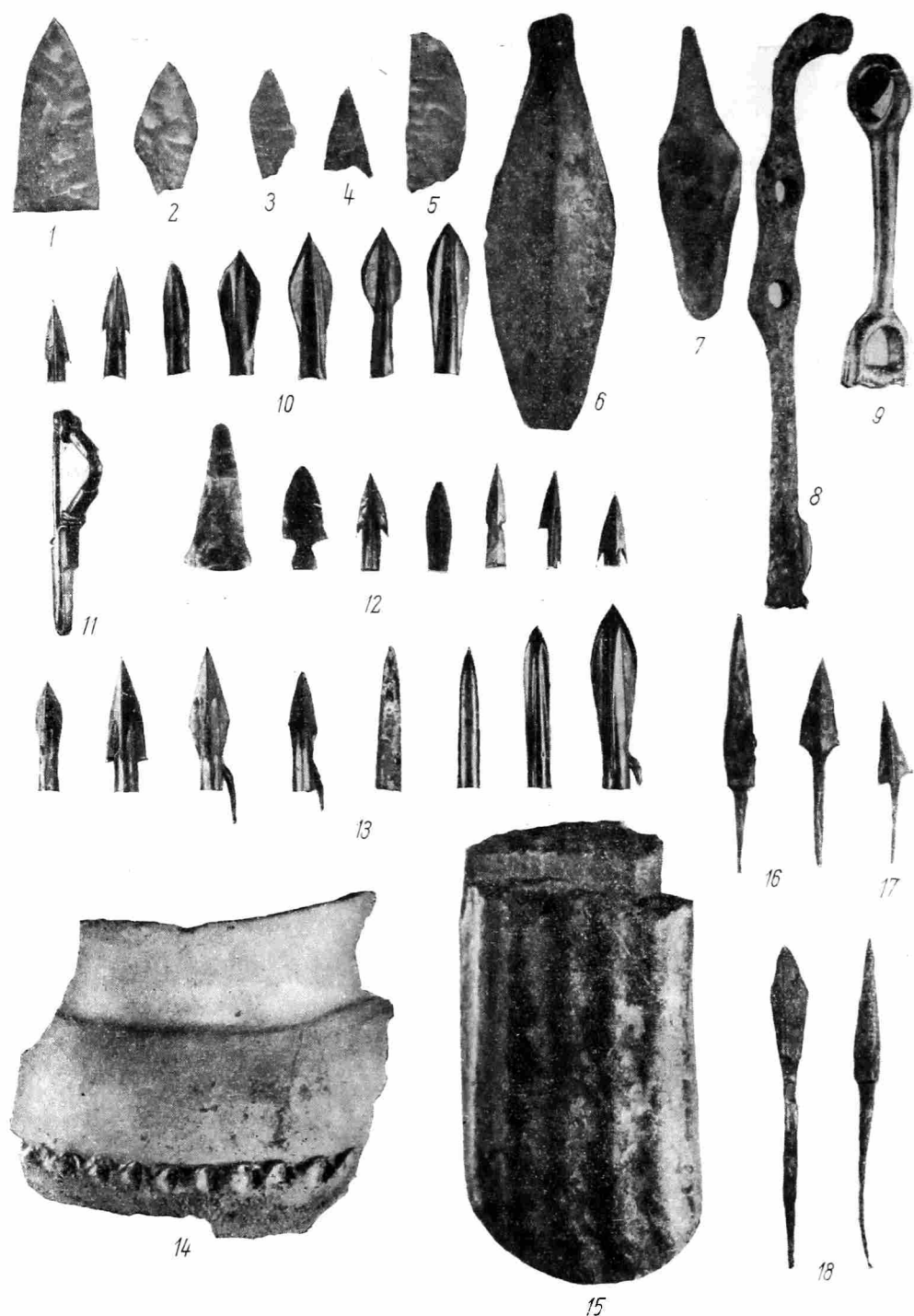


Рис. 42. Находки в песчаных выдувах (Грозненская область):

1—4—каменные наконечники стрел (1, 4—окрестности Ачикулака, 2, 3—из района Башиган); 5—кремневый вкладыш серпа (Башиган); 6, 7—бронзовые кинжальчики (Ачикулак); 8—железный псаалий (б. хут. Евтеева); 9—половина стрелявидных бронзовых удиал (Ачикулак); 10—бронзовые наконечники стрел скифского типа (Ачикулак); 11—бронзовая фибула римско-провинциального типа (Башиган); 12—медное миниатюрное тесло (Башиган); 13—типы бронзовых наконечников скифских стрел (Башиган); 14—обломок сосуда с налепным шипковым орнаментом (Башиган); 15—половина каменного топора с канелюрованной поверхностью катакомбного типа (Махмут-Мектеб); 16, 17—средневековые черешковые наконечники стрел (Ачикулак); 18—то же (Башиган).

Первые же разведочные археологические работы и раскопки нескольких курганов в районах северо-западного Прикаспия, произведенные экспедициями ИИМК АН СССР и Грозненского института и музея краеведения в послевоенные годы, дали обильный и разнообразный материал, позволивший в предварительных сообщениях высказать предположение о довольно густой заселенности ныне полупустынных районов, начиная с эпохи неолита и кончая поздним средневековьем¹.

Тогда же было высказано предположение о прекращении оживленной жизни в этих районах лишь в позднесредневековый период в связи с интенсивным развеванием песков, вызванным нарушением растительного покрова многочисленными стадами мелкого рогатого скота. Наше заключение было поддержано геоморфологами².

Итоги палеоботанических исследований Р. В. Федоровой образцов почв из Прикаспия, датированных различными историческими периодами, также доказывают существование более благоприятных природных условий для жизни человека в этих районах в древности. Важно отметить, что заключение Р. В. Федоровой о безлесном окружении современного с. Ачикулак в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.) вполне согласуется с представлениями о суббореальном периоде, когда климат был более сухим и степи доходили до р. Оки, а в субатлантический период увлажнение климата способствовало произрастанию и в указанных районах лесов (в I тысячелетии до н. э. и позднее). Так научное содружество археологов с ботаниками обеспечивает возможность воссоздания более полной исторической характеристики изучаемых районов.

Со всеми особенностями прошлой жизни, хозяйства, быта и культуры населения Прикаспия можно ознакомиться только путем исследования названных нами памятников, в первую очередь курганов.

На последнем этапе своей работы в Прикаспии экспедиция посетила один из первых форпостов Московского государства на нашем юго-востоке — город Терки (или, как его называют на месте, «Трехстенный городок»), расположенный у старого русла Терека, близ станицы Александринской Кизлярского района. Археологический материал (преимущественно керамика), полученный из разведочного шурфа вблизи центральных ворот городища, подтвердил ранее сделанный вывод о существовании здесь русского города в XVI—XVII вв.³ Краткое описание города Терки, сделанное посетившим его в 30-х годах XVII в. голштинским послом Адамом Олеарием на пути в Персию, в общих чертах отвечает действительности. Размеры города совпадают с размерами городища. Соответствует описанию и вид валов, ворот и бойниц, которые сохранились до сих пор⁴. Почти 40-сантиметровый культурный слой городища в настоящее время находится под надежной защитой заилованного слоя такой же толщины, образовавшегося, повидимому, от последних каспийских трансгрессий (так называемой Саринской 1742 г.). Для изучения взаимосвязей Руси с Кавказом и Востоком вообще Трехстенный городок был и остается ценнейшим еще не исследованным памятником.

В ближайшие годы необходимо будет осуществить планомерное научное исследование памятников, освещающих прошлую жизнь населения этого еще слабо изученного края.

¹ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области. КСИИМК, вып. XX, стр. 72; КСИИМК, вып. XXXII, 1949, стр. 98.

² В. В. Рыжиков. К вопросу о генезисе и морфологии песков Кумо-Каспийской низменности. Изв. Грозн. обл. ин-та и музея краеведения, вып. 2—3. Грозный, 1950, стр. 11—12.

³ Е. И. Крупнов. Городище «Трехстенный городок». СЭ, № 2, 1935, стр. 133.

⁴ Адам Олеарий. Подробное описание путешествий голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. М., 1870, стр. 479.

А. А. МАРТИРОСЯН

О ДРЕВНЕМ ПОСЕЛЕНИИ И МОГИЛЬНИКЕ
БЛИЗ ЛЕНИНАКАНА

В урартских клинообразных надписях VIII в. до н. э. сохранились ценные сведения о «стране» Эриахи, локализуемой на территории Ширакской долины, примерно в окрестностях современного города Ленинакана. Эти надписи сообщают о захвате и полном уничтожении урартами поселений «страны» Эриахи, об угоне скота и пленных в центр Ванского царства. Регулярные походы урартских царей в «страну» Эриахи с целью ее полного подчинения свидетельствуют об огромном экономическом и стратегическом значении этой территории¹. Однако ни одно из поселений здесь не было до сих пор изучено в археологическом отношении, если не считать работ экспедиции Института истории культуры в 1934 г. в районе Ленинакана².

В кратком сообщении, сделанном экспедицией, говорилось, что поселение состояло из отдельных четырехугольных жилищ-полуземлянок со стенами из каменных глыб и с деревянным перекрытием, а могильник, связанный с ним, заключал в себе разные типы погребений («ямные» и «ящичные»). Результаты раскопок не опубликованы, и мы пока не имеем даже общего представления о хронологии поселения, облике вещественных комплексов, обнаруженных здесь, а также о жилищах, представляющих значительный интерес³.

Новые работы, проведенные в этом районе археологической экспедицией Института истории АН АрмССР летом 1952 г., а также изучение случайно обнаруженного (1939) очень интересного комплекса предметов и погребального инвентаря из раскопок экспедиции Комитета охраны древностей Армении (1931) дают возможность точнее определить хронологическую последовательность памятников.

Предварительному освещению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Разведочный участок для работы экспедиции Института истории был выбран с тем расчетом, чтобы обнаружить не тронутое современным строительством западное крыло того поселения, которое было снесено еще в 1934 г. На участке расположены три невысоких холма, образовавшихся на месте древнего поселения и могильника. Первая траншея заложена на восточном,

¹ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 65—85; М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. МАК, т. 5; Г. А. Капанцян. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении.

² Краткое сообщение о раскопках этого поселения было помещено в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ», ГАИМК, № 9—10, 1934, стр. 166.

³ Моя статья «О древнем поселении около Ленинакана» (Изв. АН АрмССР, № 10, 1952) написана на основании случайно обнаруженного материала и восполняет указанный пробел лишь частично.

более высоким, чем остальные, холме, откуда совершенно отчетливо видна дорога, ведущая на Ванандскую равнину. На этом холме обнаружены остатки древних жилищ. На остальных двух холмах, примыкающих к первому с севера и запада, открыто 14 каменных ящиков, обращенных одним концом (западным) на дорогу, ведущую в Араратскую низменность и к долине Куры.

Таким образом, поселение находилось на перекрестке важных трактов, ведущих, с одной стороны, из долины Аракса в долину Куры, а с другой — в Ванандскую равнину и оттуда в бассейн Чороха.

В задачу настоящей статьи не входит помогильное описание всего инвентаря, обнаруженного экспедицией. Отметим лишь, что «каменные ящики», сооруженные из плит красного и черного туфа, были расположены рядами, на расстоянии 3—5 м друг от друга и ориентированы с востока на запад. В исследованной части поселения обнаружены остатки трех жилищ, представляющих большой интерес для изучения материальной культуры поселян и главным образом — первоначальных архитектурных представлений и строительных приемов¹.

Среди открытых нами сооружений наиболее хорошо сохранилось жилище № 1. Стены его, уцелевшие местами почти на всю высоту (2,10 м), залегали непосредственно под почвенным слоем (60 см) и состояли из нескольких рядов сухой кладки, сложенной из грубо обработанных, а местами и необработанных глыб базальта и туфа среднего размера (рис. 43). Обращает внимание то обстоятельство, что внутреннее пространство стен заполнено мелким камнем, что наблюдается, например, при изучении циклопических кладок Армении (Гарни, Хором, Хаджи-Халил и др.). Внутреннее же пространство жилища было на всю глубину завалено камнем и песком.

Сооружение представляло собой две соединенные уступом «комнаты» четырехугольной формы общей площадью около 14 м²; дверной проем шириной около 1 м (рис. 43) сделан в западной стене. Особенно бросается в глаза «строгая» пропорциональность этих комнат.

Глинобитный пол жилища № 1 был покрыт сплошным слоем золы и древесного угля, обгоревшей соломы и тонких жердей — остатков деревянного, вероятно плоского покрытия дома. Непосредственно под этим слоем находился культурный слой, содержащий фрагменты керамики, железных и каменных орудий².

Из каменных орудий здесь встречена ладьевидная зернотерка из пористого базальта — постоянный спутник всех жилых сооружений в Закавказье. Недалеко от нее находился прямоугольной формы высокий камень, имеющий сверху грибовидное углубление и рядом маленькое отверстие, оставляющее впечатление формы для отливки металлического предмета. Попытки получить из нее гипсовую или восковую модель не увенчались успехом, так как не сглаженная еще внутренняя поверхность формы задерживала даже воск. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с не законченной обработкой образцом литейной формы.

Фрагменты керамики, в изобилии найденные, не дают возможности восстановить формы сосудов, за исключением одного случая. Они отличаются от керамики могильника грубостью изготовления, но подобны по характеру глины, обжигу и орнаментации. К числу имеющих аналогии среди

¹ Описание хотя бы одного из них тем более необходимо, что в археологической и специально архитектурной литературе Армении нет ни одной работы по жилищам эпохи первобытно-общинного строя, ни одного описания, ни одного чертежа, за исключением некоторых суммарных описаний, не дающих конкретного представления.

² Не описывая другие жилища, отметим, что второе жилище не дало еще находок, а от третьего сохранились лишь остатки двух базальтовых стен, образующих угол жилья. Здесь были обнаружены фрагменты керамики, вполне тождественные с керамикой, найденной в погребениях.

могильного инвентаря принадлежат: три огромных фрагмента толстостенного светлого сосуда, светлые черепки с резными кружочками, встречающимися иногда и на сосудах из раскопок Кармир-блур, чернолощенные черепки с линейным орнаментом, характерным для некоторых сосудов Кармир-блур и его могильника, светлого оттенка осколки хорошо обожженного сосуда с глубокими линиями на внутренней поверхности и ручка желтоватого сосуда с боковыми вдавлениями, отличающаяся от энеолитических не совсем круглой формой. Металлические предметы, сделанные исключительно из железа, немногочисленны. Среди них массивное, хорошо сохранившееся

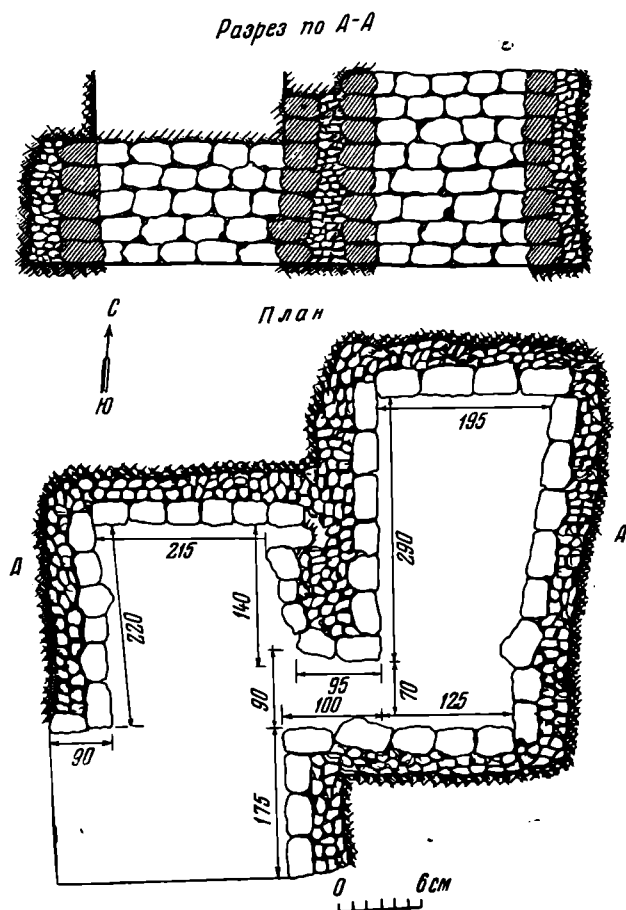


Рис. 43. План и разрез жилища № 1.

кольцо непонятного назначения, плоский массивный предмет с уплощенным и загнутым концом, а также обломок железного серпа с утолщенной спинкой.

Аналогичные серпы обнаружены в большом количестве при раскопках цитадели на Кармир-блуре, иногда с комплексами раннескифских предметов, а также, более редко, в помещениях городского поселения у Кармир-блур. В могильниках северной Армении такие серпы найдены в одном из ворнакских погребений, относящихся к VI—V вв. до н. э., и в коллективной гробнице, раскопанной А. О. Мнацаканяном у сел. Головино в 1950 г. Обнаруженный здесь инвентарь характерен для эпохи VII—VI вв. до н. э. Возникает вопрос, можно ли на основании приведенных аналогий синхронизировать рассматриваемый памятник с могильниками Армянской ССР, датированными эпохой широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.), или с городом Тейшебаини, существовавшим в тот же период. Ответить на этот

вопрос можно лишь в том случае, если учесть инвентарь, полученный при раскопках погребений, связанных с поселением.

Ограничимся здесь разбором инвентаря двух наиболее характерных погребений (№ 7 и 8), находящихся в нескольких метрах к западу от упомянутого выше жилища № 1.

«Каменный ящик» № 8 сложен из восьми плит; две из них служили для покрытия¹. По своему назначению и материалу, из которого изготовлены предметы, обнаруженные в этом погребении, находки могут быть разделены на три группы: глиняные сосуды, украшения из бронзы и железные

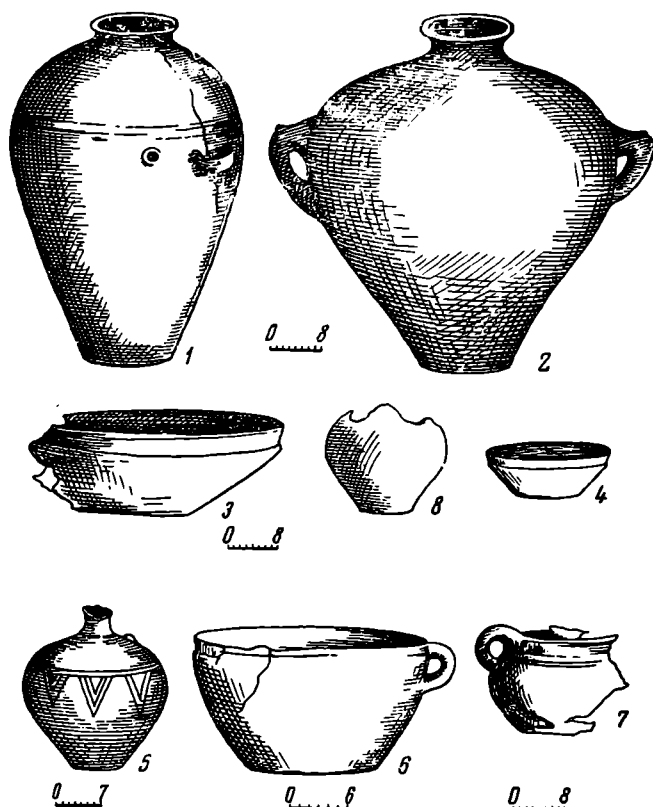


Рис. 44. Керамика из погребения № 8.

предметы. Первая многочисленная группа состоит из одиннадцати крупных и мелких сосудов: горшки, миски, кувшины, одноручные большие кружки и т. п. Большинство сосудов по своему назначению, форме, технике выделки или орнаменту имеет близкие аналогии в керамике из могильников VIII—VI вв. до н. э., а также частично с урартской керамикой из Тейшебаини. В этой связи чрезвычайно интересны чернолощенные большие чаши с несколько вогнутым венчиком (рис. 44 — 3). Некоторые из них иногда снабжены одним или несколькими подтреугольными выступами у основания венчика. Аналогичные чаши обнаружены при раскопках Е. А. Лалаяна на Севане и при наших раскопках Хртаноцского могильника, датированного VII—VI вв. до н. э. Довольно близки к мискам, найденным нами, миски, обнаруженные в могильнике, а также в кварталах городского поселения Кармир-блур. Большее значение для установления связей с другими археологическими памятниками представляет встреченная в инвентаре «каменного ящика» большая черного цвета маслoбойка, не отличающаяся по форме от

¹ Положение скелета не удалось выяснить.

известных в Закавказье (рис. 44—1). На территории южного Закавказья известен уже комплекс подобных маслоек. Одни из них происходят из могильников (Головино, Таккилиса¹), относящихся к последнему периоду урартского владычества, другие же из поселений. Особенно важно, что такие маслочки были обнаружены и в цитадели и в городских помещениях Кармир-блур. Осенью 1952 г. фрагмент подобного же сосуда найден у фундамента Гарнийской стены I в. до н. э. То, что во всех этих случаях найденные сосуды являются маслочками, подтверждается не только наличием горизонтальной ручки и отверстия около нее, но и этнографическими материалами Грузии и Армении. Большой интерес среди сосудов из Ленин-аканского могильника представляет огромная сероглиняная ваза с двумя ручками, очень близкая по форме к жемталинской металлической вазе, опубликованной Е. И. Крупновым².

Такие же аналогии можно привести и для других керамических находок из рассматриваемого погребения, но, для того чтобы убедиться в правильности датировки, мы должны обратить внимание и на остальной добытый здесь материал.

В погребении № 8 обнаружено два железных предмета. Один из них — фрагментированный втульчатый наконечник копья среднего размера (30 см) с листовидным пером (рис. 45—1). Аналогичные наконечники распространены на весьма широкой территории. Они особенно характерны для урартских поселений и синхронных им закавказских могильников. Очень много найдено их в кромлехах ущелья Хртаноц, при раскопках Ж. Моргана в Мусиери, Ахтале, Шейтандаге, датировка которых определяется двуперыми или трехгранными наконечниками стрел раннескифского образца.

Аналогичные наконечники найдены в могильниках Ворнакской группы во время раскопок Е. С. Такайшвили³ и Н. Я. Марра⁴, а также при раскопках могильников Дманисской⁵, Цалкинской⁶, Мцхетской, Севанской и других групп, где они также часто сопровождаются наконечниками стрел скифского типа. Наконец, очень много наконечников копий обнаружено при раскопках экспедиции Леманна-Гаупта в Ване, а также при раскопках урартской крепости Тейшебаини около Еревана.

Недалеко от наконечника копья был найден обломок железного изогнутого ножа со слегка утолщенной спинкой и сохранившимися на черенке остатками деревянных накладок (рис. 45—5).

Серповидно изогнутые ножи, составляющие большую группу в коллекциях Исторического музея Армении, встречаются вместе с наконечниками копий во всех перечисленных выше могильниках. Отметим лишь, что довольно редко они попадают на территории Восточного Закавказья (с. Доланлар Нагорного Карабаха), зато в курганах Приднепровья они встречаются сплошь и рядом, вместе с собственно скифским типичным материалом⁷.

Группа бронзовых предметов состоит из двух витых стержней с загнутым концом (рис. 45—2, 3), двух связанных между собою браслетов, ромбических в сечении (рис. 45—6), одного проволочного браслета с заходящими концами (рис. 45—8, 9), одного пластинчатого браслета с загнутыми концами и двумя горизонтальными линиями на внешней поверхности (рис. 45—10), одного браслета из сложенного вдвое толстого прута (рис. 45—11) и из бронзового шила широко распространенной формы (рис. 45—4). Большая часть перечисленных предметов относится к эпохе

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси, 1941.

² Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952, рис. 2.

³ Е. С. Такайшвили. Дневник раскопок. Архив ЛОИИМК, д. 17.

⁴ ОАК за 1893 г., стр. 14—16.

⁵ Г. К. Ниорадзе. Некоторые особенности Дманисского некрополя. Вестн. Музея Грузии, XIV—I.

⁶ Б. А. Куфтин. Указ. соч., табл. XVI и XXXV.

⁷ А. А. Бобринский. Курганы близ м. Смелы, т. I, стр. 76—77.

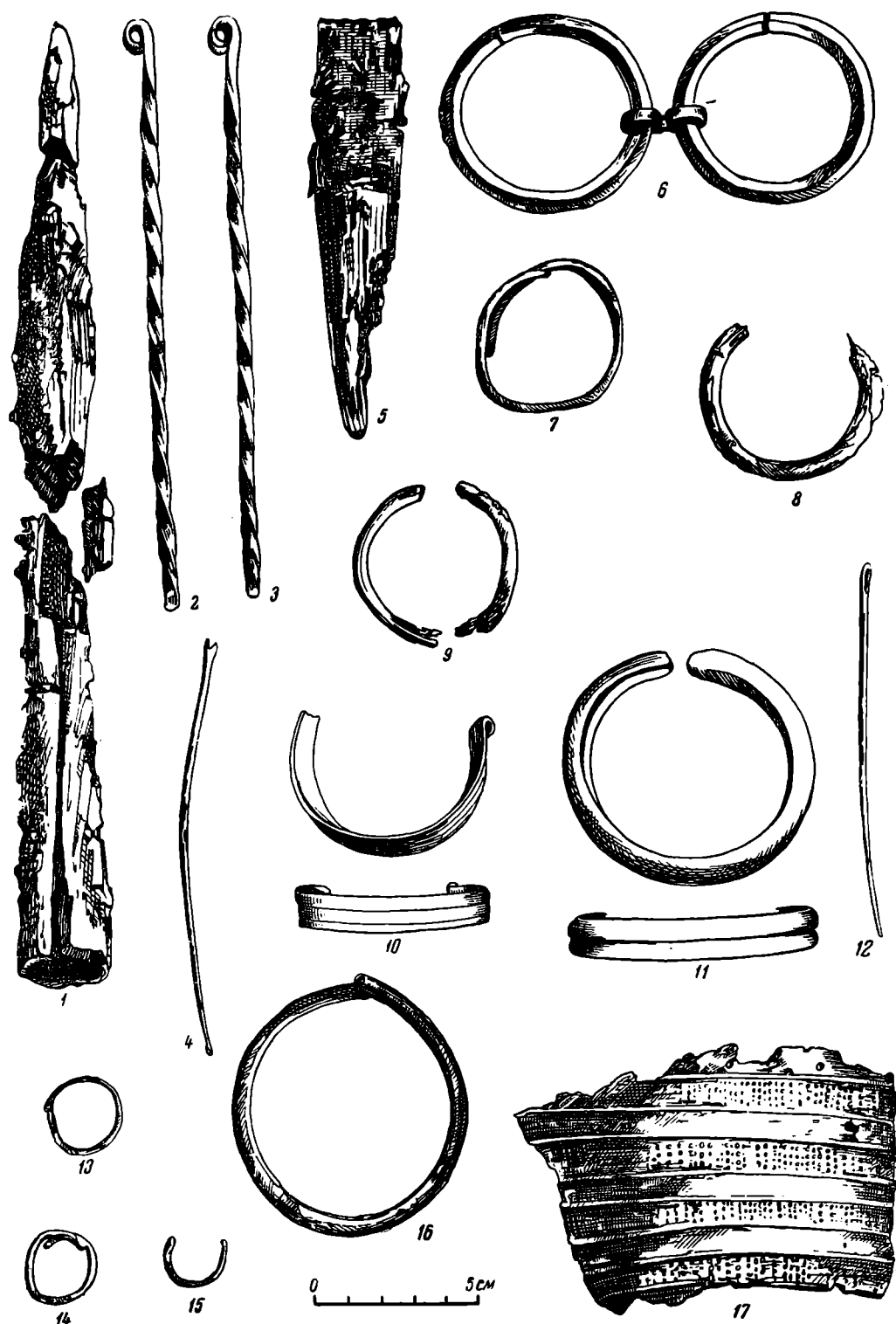


Рис. 45. Изделия из металла:

1 — железный наконечник копья; 2, 3 — бронзовые витые стерженьки; 4, 12 — бронзовые шила; 5 — обломок железного ножа; 6-11, 16 — бронзовые браслеты; 13-15 — колечки; 17 — фрагмент бронзового пояса (1-11 — из погребения № 8; 12-17 — из разрушенного погребения № 9).

широкого освоения железа, однако некоторые типы браслетов приведенного комплекса сохраняют традиционную форму и находят многочисленные аналогии среди инвентаря из могильников эпохи бронзы и материалов из могильников железного века. К этой категории относятся провололочные браслеты с заходящими концами и круглые в сечении браслеты, отлитые в каменной или глиняной форме. Остальные более типичны для эпохи раннего железа. Так, браслету из сложенного вдвое довольно толстого прута можно найти аналогии среди инвентаря Хртаноцского (Головино) и Цинцкаройских могильников (VII—VI вв. до н. э.), где вместе с ними были обнаружены гладкие бронзовые пояса и змеиноголовые браслеты, очень характерные для эпохи раннего железа. С другой стороны, они известны в нескольких экземплярах из раскопок Н. Я. Марра (Государственный Эрмитаж, инв. № 16928, 16929 и др.) в Ворнаке, Е. Лалаяна и А. О. Мнацаканяна на Севане¹. Браслету, изготовленному из бронзовой пластины, можно найти аналогии среди браслетов Хртаноцского могильника. Пара ромбических в сечении браслетов находит аналогии в материалах погребения № 5, раскопанного Е. С. Такайшвили и относимого к VII—VI вв. до н. э. Бронзовое шило, найденное в погребении № 8 вместе с этими браслетами, имеет аналогии в инвентаре многих могильников, в том числе в погребениях ущелья Хртаноц и в разрушенном погребении № 9, исследованном нами в непосредственной близости от упомянутого выше погребения (рис. 45—12). Кстати, материал из этого последнего как бы дополнил анализируемый комплекс. Здесь были обнаружены сердоликовые бусы, провололочные колечки с заходящими концами (рис. 45—13, 15), браслет с подобными же концами (рис. 45—16), и, наконец, фрагмент бронзового пояса, украшенного четырьмя поясками, заполненными точечным узором (рис. 45—17).

Этот пояс входит в группу украшенных точечным узором поясов, характерных для территории Армянской ССР. Аналогичные пояса встречаются и в могильниках местного населения (Хртаноц, Ленинакан), и в урартских поселениях и могильниках. В 1914 г. при раскопках П. Ф. Петровым урартского могильника близ с. Малакю² был обнаружен пояс с точечным узором вместе с характерными урартскими вещами. Для определения их культурной принадлежности и хронологии более отчетливый материал дали раскопки Кармирблурской цитадели. В 1941 г. при раскопках помещения № 4 обнаружен фрагмент подобного пояса вместе с урартской гиревидной печатью и головкой грифона скифского типа³. Другой обломок аналогичного пояса найден в помещении № 13 вместе с разнообразными железными кинжалами, серпами, железным мечом закавказского типа, урартскими и ассирийскими печатями. Но последний, самый интересный экземпляр сходного пояса (в двух фрагментах) обнаружен в одной карасной комнате вместе с комплексом железного оружия и орудий. Один из этих фрагментов был обрамлен точечными полосками и украшен изображением священного дерева урартского типа, каким украшены и пояса, обнаруженные в могильниках Армении (ср. Заким и Ани-Пемза). Принадлежность последних к урартскому культурному кругу доказана работами Б. Б. Пиотровского⁴ и Б. А. Куфтина⁵.

Если мы рассмотрим коллекцию из Ленинакана (1939), представляющую собой замечательный комплекс предметов вооружения и орудий труда конца медно-бронзовой и раннежелезной эпохи, то в ней, учитывая материал новых раскопок, мы сможем также выделить группу предметов, относящихся к тому времени, когда население южного Закавказья перешло уже

¹ Изв. АН АрмССР, серия общ. наук, № 8, 1952.

² Б. А. Куфтин. Куро-Аракский энеолит и урартский колумбарий у подошвы Арарата. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XIII-B, 1944, стр. 40.

³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I. Ереван, 1950, стр. 50—51.

⁴ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 312—324.

⁵ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 40—45.

к широкому использованию железа. В эту группу входят: фрагмент изогнутого железного ножа урартского типа, два миниатюрных наконечника копья из железа и бронзовые удила позднего типа. Чрезвычайный интерес представляют миниатюрные железные наконечники копий; описание и анализ их были приведены нами в предыдущей работе о ленинаканском поселении¹.

Здесь же необходимо лишь отметить, что развитие железных копий идет по линии уменьшения в размерах и подражании бронзовым. Поэтому не случайно, что миниатюрные наконечники копий встречаются иногда вместе

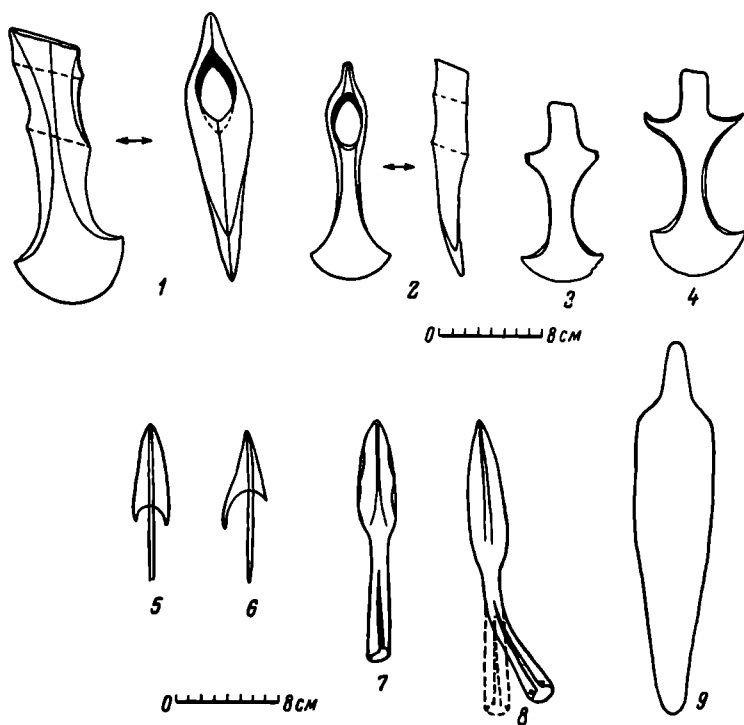


Рис. 46. Бронзовое оружие и орудия труда:

1-4 — топоры; 5, 6 — наконечники стрел; 7, 8 — наконечники копий; 9 — нож.

с позднескифскими стрелами с короткой втулкой и опущенными усиками (поздние комплексы Ворнака и Качаганского кургана).

Простейшей формы бронзовые удила также, вероятно, относятся к более позднему времени (V—IV вв.?), когда материалом для изготовления их служило уже железо. Однако основная часть предметов указанной выше коллекции позволяет значительно расширить хронологические границы памятника. В эту основную группу входят бронзовые наконечники стрел закавказского типа, плоские «топорики», наконечники копий из бронзы, бронзовая мотыга, представляющая собой кобанский топорик с перевернутым лезвием, великолепный бронзовый топорик колхидо-кобанского типа, а также большой медный нож или кинжал.

Эта группа предметов вооружения и труда, за исключением большого медного ножа или кинжала, относится к концу медно-бронзовой эпохи и к началу раннего железа (рис. 46).

Значительный интерес представляют впервые обнаруженные в Армении бронзовая мотыга, не имеющая аналогий, и топорик колхидо-кобанского

¹ А. А. Мартиросян. О древнем поселении около Ленинакана. Изв. АН АрмССР, № 10, 1952, стр. 89—92.

типа, свидетельствующий вместе с другими уникальными для Армении предметами о широком межплеменном обмене с другими районами Кавказа.

Загадочным для этого комплекса является плоский медный нож или кинжал с обрубленным концом (рис. 46—9), которому точно соответствуют медные кинжалы, обнаруженные Н. И. Веселовским в двускатном дольмене ст. Новосвободной (1898 г.). Я склонен на этом основании отнести упомянутый нож ко времени энеолита, тем более что раскопанные экспедицией 1934 г. «ямные» погребения, материал которых не сохранился, по мнению Б. Б. Пиотровского, могли быть датированы медным веком.

Что касается верхнего хронологического рубежа, то он представляется пока не совсем четко в силу неизученности в материальной культуре Армении археологических комплексов, относящихся к V—III вв. до н. э. Тем не менее совершенно ясно, что некоторые комплексы из нашего поселения относятся ко времени после VI в. до н. э. (возможно к V—IV вв.). Характерно для указанного периода погребение № 10, отличающееся общим обликом находок от столь характерных могильных комплексов в Армении VII—VI вв. Вместо многочисленных предметов бронзовых украшений, находимых в погребениях VII—VI вв., в могиле № 10 обнаружены лишь отдельные предметы из бронзы (пуговицы, пряжки, маленькие треугольнички и пинцет). Отсутствуют самые характерные для предыдущего периода украшения. Зато в изобилии представлены железные предметы, подчас неопределенного функционального назначения (остроконечные орудия, узкие и тонкие пластины). Обломки ножа и кинжала (?) также своеобразны. Как новый предмет вооружения выступает железный дротик или тяжелая стрела. Точное соответствие этот дротик находит в материалах из погребения № 4, раскопанного в 1931 г. экспедицией Комитета охраны древностей Армении в местности, называемой «Казачий пост» и примыкающей непосредственно к территории Ленинанканского могильника. Этот комплекс больше всего сходен с инвентарем погребения № 10 и представляет чрезвычайный интерес по сочетанию аналогичных предметов, изготовленных частью из бронзы и частью из железа. Так, помимо обломка бронзового пояса, втульчатой части железного копья обычного типа, железных фрагментированных дротиков и стрелы, напоминающей урартский тип, здесь найдены также простейшей формы железные удила, имеющие свои аналогии среди бронзовых (Садахло и др.), а также закавказского типа бронзовые стрелы, встречаемые на Кармир-блуре, и точно такие же стрелы, изготовленные из железа. В 1952 г. на Кармир-блуре найдены очень близкие к упомянутым стрелы из бронзы с посвятельными надписями царей VIII в. до н. э. Аргишти и Сардура. Вообще же подобные стрелы на Кармир-блуре датируются точно VIII—VII вв. Однако не только на Кармир-блуре, но и в комплексах вещей VII—VI вв. подобные железные стрелы неизвестны, что позволяет отнести их и весь комплекс к более позднему времени (V—IV вв.). Погребение № 10 представляло собой огромных размеров «каменный ящик» (длина более 4 м, ширина 1,5 м) и заключало в себе человеческие скелеты (положение их не выяснено) и костяки мелкого и крупного скота.

В итоге можно отметить, что рассмотренные нами комплексы из Ленинанканского поселения и связанного с ним могильника характеризуют в основном культуру южного Закавказья первых шести столетий I тысячелетия до н. э. Самая поздняя группа вещественных памятников его относится ко времени после падения Урарту и образования уже восточной ветви армянской династии Еруандуни (V—IV вв. до н. э.). Вторая богатая группа собранного инвентаря относится к эпохе широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.), когда в материальном производстве южнозакавказского местного населения началась массовая замена бронзовых изделий (оружия и орудий труда) железными, предопределившая серьезные сдвиги в хозяйственной жизни страны. В политической жизни этот период ознаменовался ослабле-

нием и падением Урарту, началом образования современных закавказских народов.

Третья характерная группа изделий, установленная на основании изучения случайно обнаруженного комплекса 1939 г., относится к периоду поздней бронзы и первоначального появления железа (X—VIII вв. до н. э.), когда уровень производительных сил отдельных территориально замкнутых «культурных» очагов начал нивелироваться.

При отсутствии фактического материала значительно труднее определить нижнюю хронологическую границу поселения. Исследователи этого поселения явно ошибочно датировали нижний его слой неолитическим временем, не имея на это никакого основания. Изучение нашего материала указывает на вероятность наличия здесь памятников энеолитического возраста, и если с накоплением фактического материала можно будет установить подобную картину, то перед нами станет задача восстановления последовательных звеньев культуры бронзового века.

Таким образом, поселение существовало долго, и будущие исследователи его, несомненно, должны натолкнуться здесь на памятники разного культурного облика и времени. Несмотря на тяжелый урартский гнет, поселение это постоянно обновлялось и расширялось. Работами 1952 г. выяснено, что западное крыло поселения и могильника, пространство которых доведено ныне до минимальных размеров новым строительством, относится к VII—IV вв. до н. э., в то время как в восточной, снесенной уже части поселения были обнаружены комплексы предыдущих периодов. Следовательно, поселение расширялось по крайней мере с западной стороны. В погребениях западного крыла были еще обнаружены кое-какие бронзовые вещи, в жилище, описанном выше (№ 1), не оказалось ни одного бронзового предмета. Это обстоятельство свидетельствует о том, что проникновение железа в производственный быт коренного населения произошло значительно раньше, чем это могло отразиться в обрядах или вообще надстроечных явлениях. Несмотря на это, в погребальном инвентаре VII—VI вв. до н. э. и последующих мы уже не встречаем оружия или предметов труда, изготовленных из бронзы.

Вместе с развитием производительных сил общества развивались также строительные приемы и архитектурные представления. И если мы в этой связи сопоставим ленинakanские жилища с замечательными для того времени жилищами урартского города Тейшебаини, то увидим, что первые нисколько не уступают вторым. Основная разница между этими жилищами заключается в поквартальном расположении жилых комплексов города Тейшебаини, в то время как дома ленинakanского поселения были расположены на определенном расстоянии друг от друга, указывая тем самым на существование территориальной общины с отдельными семьями в условиях распада первобытно-общинных отношений и зарождения классовой дифференциации, усилившейся под влиянием урартского ига. Несмотря на урартские набеги и экономическое порабощение, жизнь на этом поселении не прекратилась, о чем свидетельствует весь найденный материал. Следовательно, сообщения урартских царей VIII в. о полном уничтожении поселений «страны» и основанное на них мнение некоторых исследователей, полагавших прекращение жизни в поселении в VIII в. до н. э., не соответствуют действительности. Помимо того, анализом всего собранного материала выясняется несостоятельность положения, выдвинутого Я. А. Манандяном, о принадлежности поселения киммерийскому или скифскому племени, занимавшему якобы территорию древнего Кумайри (Ленинakan). На основании нашего материала и многочисленных других комплексов первого тысячелетия опровергается также фиктивная версия о наличии в Закавказье I тысячелетия до н. э. «скифской стадии» вообще¹.

¹ И. И. Мещанинов. О применении лингвистического материала... ГАИМК, № 1—2, стр. 6, 8 и др.

Возвращаясь к интерпретации собранного нами материала, необходимо отметить также, что совершенные и несколько стандартные по форме изделия этих комплексов, сделанные из бронзы и из железа, свидетельствуют не только о высоком развитии металлообработки в эпоху раннего железа, но и о некоторой специализации разных отраслей производства и, следовательно, об обособленном положении ремесла.

Часть приведенного материала указывает на довольно широкие связи южного Закавказья с племенами, создавшими западнокавказскую культуру (колхидский топорик) и северную осетинскую культуру (кобанские одночленные фибулы, булавка и др., хранившиеся в историческом музее Армении). Действовавшим тогда важным трактом являлась дорога, связывавшая западную Грузию (через Ахалцых и Ахалкалаки) с Арменией. «Страна» же Эриахи, в которую входило и исследованное нами поселение, связывалась, с одной стороны, с Ванандом и бассейном р. Чорох, с другой — с Араратской равниной.

Вполне вероятно предположение Я. А. Манандяна, что эта линия является частью Меотис-Колхидской дороги, связывавшей причерноморские районы южной России с Ближним Востоком и Малой Азией¹.

На основании приведенного материала для начальных веков I тысячелетия до н. э. устанавливается не только высокое развитие ремесел, земледелия и скотоводства, но и картина довольно устойчивых межплеменных связей.

Дальнейшее изучение Ленинанканского поселения необходимо для решения важных вопросов истории первобытно-общинного строя в Армении.

¹ Е. И. Крупнов, вероятно независимо от Я. А. Манандяна, на основании изучения более поздних источников сделал аналогичное заключение о Меотис-Колхидской дороге.

О. Н. БАДЕР

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1952 год для Камской археологической экспедиции (КАЭ) Молотовского университета был шестым экспедиционным сезоном. В этом году экспедиция расширила исследования на новостройках. Помимо больших раскопочных работ в зоне строительства КамГЭС; были произведены также первые раскопки в Среднем Прикамье, между Еловом и Сарапулом. Впервые в течение одного экспедиционного сезона работами КАЭ были затронуты памятники всех эпох и культур, представленных в Прикамье. В настоящей статье дается краткий обзор работ КАЭ 1952 г. в порядке хронологии памятников (рис. 47).

В 1952 г. был вскрыт последний участок палеолитической стоянки им. Талицкого. Вскрытой за все годы площадью раскопок в 416 м² стоянка исследована целиком. Выявлена полная картина временной стоянки позднепалеолитических охотников с семью врытыми в землю очагами, расположенными попарно и обслуживавшими, надо думать, небольшие легкие жилища.

Одновременно произведены раскопки погребенного торфяника, залегающего в толще второй надпойменной террасы выше стоянки им. Талицкого. Остатков материальной культуры здесь обнаружено не было, и возможность определения возраста торфяника при помощи археологических данных отпала. Зато были, совместно с В. И. Громовым, проведены работы по детальному изучению стратиграфии второй надпойменной террасы у торфяника. При этом по двум вертикалям от борта террасы до воды взято 400 образцов для пыльцевого анализа.

С целью уточнения соотношения торфяника и стоянки им. Талицкого, а также для уточнения ее стратиграфии сделаны две сплошные вертикальные зачистки берега Чусовой. Связь стоянки и торфяника с отложениями второй надпойменной террасы, так же как и более поздний возраст торфяника (по отношению к стоянке), также установлены и подтверждены в 1952 г. геологом В. А. Апродовым (Молотовский университет). Однако нахождение над и под торфяником пыльцы *Betula nana* в наших работах разрешения не получило; изучение торфяника должно быть продолжено.

Были также произведены рекогносцировочные раскопки на месте находки кремневой пластины и обломка от бивня мамонта у Демидкова под Белой горой, на левом берегу Камы; памятник этот имеет значение как самое северное палеолитическое местонахождение Европы¹. Вскрыта площадь в 112 м² до глубины 4 и даже 6 м. Раскоп был вытянут вдоль обнажения второй надпойменной террасы по обе стороны от пункта находки. Выявленная при

¹ О. Н. Бадер. Итоги двухлетних исследований КАЭ (1947—1948). Доклады научных конференций Молотовского ун-та, вып. 5—6, 1951.

этом стратиграфия аналогична стратиграфии стоянки им. Талицкого. Однако ни новых остатков материальной культуры или четвертичной фауны, ни следов культурного слоя не обнаружено. Пластинка и обломок бивня, найденные в 1948 г., могут происходить со стоянки, расположенной выше по краю второй террасы, в стороне от современного русла Камы, по направлению к Полазне. Дальнейшие поиски, требующие широко разветвленной и глубокой шурфовки, пришлось отложить.

Очень интересны раскопки мезолитической Огурдинской стоянки на правом берегу Камы, близ Усоля и Березников. Огурдинская стоянка, наиболее северная стоянка этого типа в Европе, имеет большое значение как основной, наиболее богатый мезолитический памятник в Прикамье. В последних раскопках обнаружена довольно большая яма с заметной концентрацией кремневого материала вокруг нее, — вероятно, следы временного жилища. Существенно пополнилась и без того достаточно обширная¹ коллекция каменных орудий, среди которых нашлась еще одна трапеция. Судя по относительно небольшому проценту ножевидных пластин и более крупным их размерам, стоянка может быть наиболее ранним памятником камской культурной области мезолита.

Культурные слои неолитического времени были затронуты при исследовании жилищ бронзовой эпохи, устроенных на месте более ранних, неолитических стоянок — Базов Бор и Боровое озеро III. Исследована также и одна чисто неолитическая стоянка, находящаяся у границ Удмуртии, что особенно ценно, ибо в Среднем Прикамье неолит до сих пор оставался совершенно неисследованным. Стоянка была расположена в урочище «Сенное» на правом берегу Камы, примерно в 18 км ниже Елова; она представляла собой место кратковременной остановки, где был разбит всего один большой неолитический сосуд, потеряно несколько скребков и ножей и разбросаны немногочисленные кремневые осколки. Характер находок позволяет отнести стоянку всецело к культуре камского неолита, наиболее ярко представленной на стоянке Боровое озеро I на Чусовой. Таким образом, первый неолитический памятник Среднего Прикамья служит связующим звеном между неолитическими памятниками Верхнего и Нижнего Прикамья и подтверждает правильность выделения единой камской культуры эпохи неолита.

В том же районе, недалеко от урочища «Сенное», против Раздорных островов, были раскопаны еще две небольшие стоянки, одна из которых, как и Сенная, открыта разведочным отрядом Т. А. Медведевой в 1951 г., а другая — нами в 1952 г. На каждой стоянке было по одному четырехугольному жилищу — полуземлянке гаринского типа (представленного на стоянках Бор I, Боровое озеро II, Астраханцевской и др.). Незначительное количество культурных остатков свидетельствует о временном, промысловом характере этих стоянок. По материалу они очень близки стоянкам чусовского Прикамья, но относительно бедный орнамент на керамике отличает их; повидимому, памятники этого района со временем выделились в особую племенную культуру II тысячелетия до н. э.

Дополнительные раскопки на стоянке Базов Бор в устье р. Иньвы не дали никаких следов второго жилища. Очевидно, как и на двух стоянках у Раздорных островов, мы имеем здесь не постоянное поселение, а маленькую промысловую сезонную стоянку.

Много внимания было уделено в 1952 г. поискам новых районов постоянного обитания племен неолитической и бронзовой эпох в Прикамье. Автором настоящей статьи пройдены пешие маршруты в районе Елова, близ Висима в Чермозском районе, близ с. Орел в Ворошиловском районе, между Огур-

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИИМК, вып. 51, 1953, рис. 1.

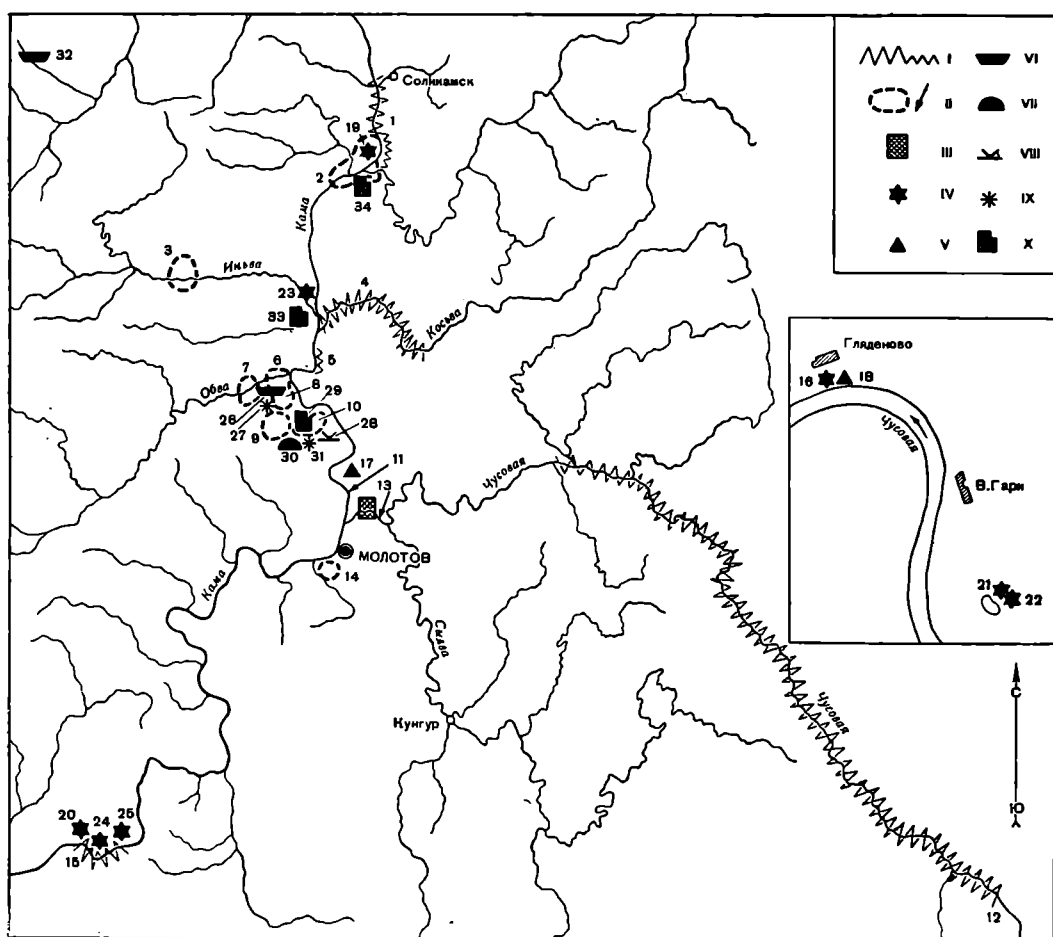


Рис. 47. Карта археологических исследований Камской экспедиции Молотовского государственного университета в 1952 г.

I — разведочные маршруты; *II* — узкие районы и пункты обследования; *III* — район Гладенова (вырезка помещена справа); *IV* — стоянки; *V* — местонахождения; *VI* — могильники; *VII* — курганные могильники; *VIII* — хостиза; *IX* — селшца, поселения; *X* — городища.

Разведки: 1 — по Каме от Соликамска до Усолия по обоим берегам и до р. Яйвы по левому берегу; 2 — по Каме от Усолия до р. Яйвы и по Яйве в окрестностях с. Орел; 3 — по рр. Иньве и Пою у сс. Купрос и Гурьина; 4 — по р. Косью от с. Пермского до устья; 5 — по Каме от Висима до Чермоза; 6 — в районе устья Обвы; 7 — р. Обва в районе с. Пермско-Ильинского; 8 — по Ломоватовке и Кемолу; 9 — верхнее течение М. Туя и Полуденной; 10 — по рр. Б. и М. Туй и Полуденной; 11 — левый берег Камы, устье р. Чумкосны; 12 — по р. Чусовой; 13 — по правому берегу Чусовой; 14 — по левому берегу Камы против Краснокамска; 15 — по Каме ниже Елова.

Раскопки (в хронологическом порядке): 16 — палеолитическая стоянка им. М. Талицкого; 17 — Демидовское палеолитическое местонахождение; 18 — верхний торфяник у стоянки им. М. Талицкого; 19 — Огурдинская мезолитическая стоянка; 20 — Сенная неолитическая стоянка; 21 — поселение Боровое озеро II; 22 — поселение Боровое озеро III; 23 — поселение Базов Бор; 24 — Раздорная I стоянка; 25 — Раздорная II стоянка; 26 — Скородумский могильник; 27 — Скородумское поселение; 28 — Усть-Туйское костище; 29 — Опутятское городище; 30 — Бурковский курганный могильник; 31 — Зародятское селшце; 32 — Заринский могильник; 33 — Кыласово городище; 34 — Орел-городок.

диным, Березниками и Усольем; сотрудницей экспедиции А. М. Ширинкиной — между Орлом и Таманом; З. П. Соколовой — по нижнему течению р. Косью; В. П. Денисовым — между Березниками и Соликамском. Открыты новые местонахождения и стоянки временного характера у Раздорных островов (две стоянки), близ с. Усть-Туй Добрянского района, близ Усолия (два местонахождения), между Березниками и Соликамском (две стоянки). Но до сего времени крупные, безусловно постоянные поселе-

ния известны лишь в низовьях Чусовой. Здесь в 1952 г. исследовано последнее, двенадцатое, жилище на поселении Боровое озеро II и начаты раскопки поселения Боровое озеро III, открытого автором в 1947 г.

На площади в 631 м² на этом поселении изучено целиком три четырехугольных жилища гаринского типа (см. поселения Бор I, Астраханцевское

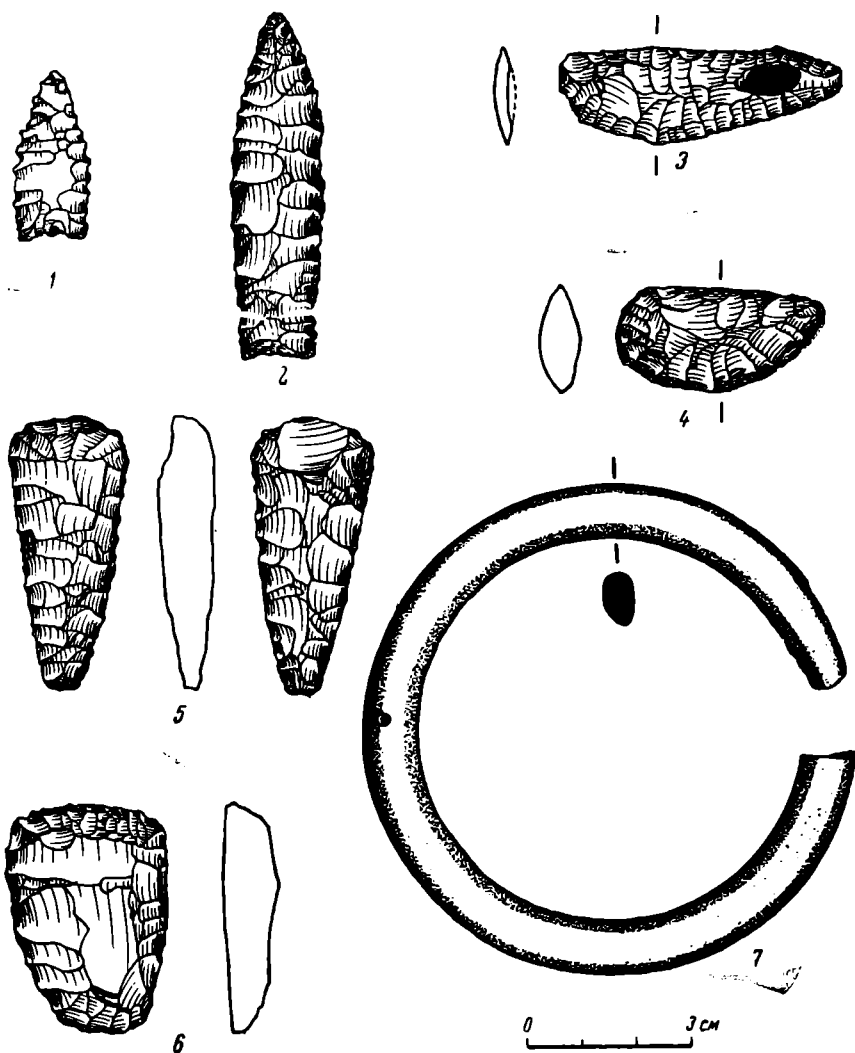


Рис. 48. Поселение Боровое озеро III. Каменный инвентарь из жилищ, аналогичный каменному инвентарю Турбинского могильника.

и др.); остались неизученными еще два жилища. Богатый материал, собранный на поселении, разнообразен и, судя по керамике, принадлежит трем одновременным комплексам. Выяснилось, что в III тысячелетии до н. э. на месте поселения была небольшая неолитическая стоянка. Во II тысячелетии были устроены полуземлянки, на дне которых собран материал только гаринского типа. Между прочим и на этом поселении гаринского этапа каменный инвентарь включает все типы каменных предметов, известных на Турбинском могильнике (рис. 48), что еще раз доказывает принадлежность Турбинского могильника и поселений гаринского типа одному и тому же древнему населению. Наконец, на мысу между землянками, помимо неолитической, собрана керамика, украшенная «флажковым» орнаментом; она свидетельствует о третьем заселении этого места в самом конце эпохи бронзы.

На предананьинский возраст комплексов керамики с флажковым орнаментом указывает П. П. Ефименко¹. А. В. Збруева убедительно подтверждает этот вывод и издает керамику с флажковым орнаментом с целого ряда предананьинских стоянок конца II — начала I тысячелетия до н. э. из районов р. Белой, Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья².

В Верхнем Поволжье керамика с флажковым орнаментом встречена в работах КАЭ на нескольких стоянках борского этапа, т. е. самого конца бронзовой эпохи³. Среди них могут быть выделены две — Бор IV и Боровое озеро III, с керамикой без растительных примесей, архаичной по форме, но с флажковым орнаментом (рис. 49), по этому признаку особенно близкой предананьинской керамике Нижнего Прикамья; на стоянке Бор IV эта керамика залегала над слоями с керамикой борского типа. Повидимому, именно эти и им подобные позднейшие стоянки Верхнего и Среднего Прикамья выделяются в особую, предананьинскую группу. Изучение их имеет первостепенное значение для проблемы происхождения ананьинской культуры, тесно связанной именно с северным, а не с южным Прикамьем⁴.

Вопреки мнению А. В. Збруевой об отсутствии в Верхнем Прикамье раннеананьинских памятников до VI в. до н. э., укажем, что такие памятники здесь имеются. К их числу можно отнести ранние горизонты Нижнеадищевского селища и Эсперова городища, ананьинский слой стоянки Базов Бор на Иньве и Скородумский могильник, на котором в 1952 г. площадь раскопок была доведена до 399 м² и исследованы два новых погребения. Одно из них оказалось без вещей, другое — с медным кельтом. Оба скелета очень плохой сохранности.

Кельт из раскопок в 1951 г. очень массивный, без хорошо оформленных граней⁵, архаичен, хотя и относится уже к ананьинскому типу. Найденный же в 1952 г. не принадлежит к ананьинскому типу. Он имеет удлиненные пропорции, овальную в сечении втулку и более широкое, чем втулка, лезвие; орнамент отсутствует совершенно. Этот кельт сближается с кельтами конца бронзовой эпохи и из верхнекамских наиболее близок неорнаментированному кельту из Усть-Гайвинского могильника турбинского типа. Необходимо учитывать и старые находки у д. Б. Скородум нескольких близких по форме кельтов, изданных А. В. Шмидтом⁶. Все это позволяет отнести Скородумский могильник к числу раннеананьинских и датировать его по крайней мере VII в. до н. э.

Таким образом, есть основания говорить о раннем возникновении ананьинской культуры в Верхнем Прикамье в результате автохтонного развития на базе местной культуры племен конца бронзовой эпохи.

Экспедицией были продолжены и раскопки Скородумского селища. Закончено вскрытие остатков жилища. Сильно разрушенное оврагом, жилище не может быть реконструировано; можно сказать лишь, что оно представляло собой большую, длинную полуземлянку. Обнаружен один обложенный камнями очаг, но он относится к позднему периоду существования памятника, т. е. к раннегладеновскому времени.

¹ П. П. Ефименко. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волгокам'я. Археологія, II, Київ, 1948.

² А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30. 1952.

³ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 89—95.

⁴ О. Н. Бадер. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. СЭ, № 2, 1951.

⁵ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИИМК, вып. 51, 1953.

⁶ А. В. Шмидт. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. Сборник музея антропологии и этнографии, VII, 1928.

Значительно пополненная последними раскопками коллекция предметов материальной культуры с селища с убедительностью рисует преемственную связь между ананьинской и гляденовской культурами¹.

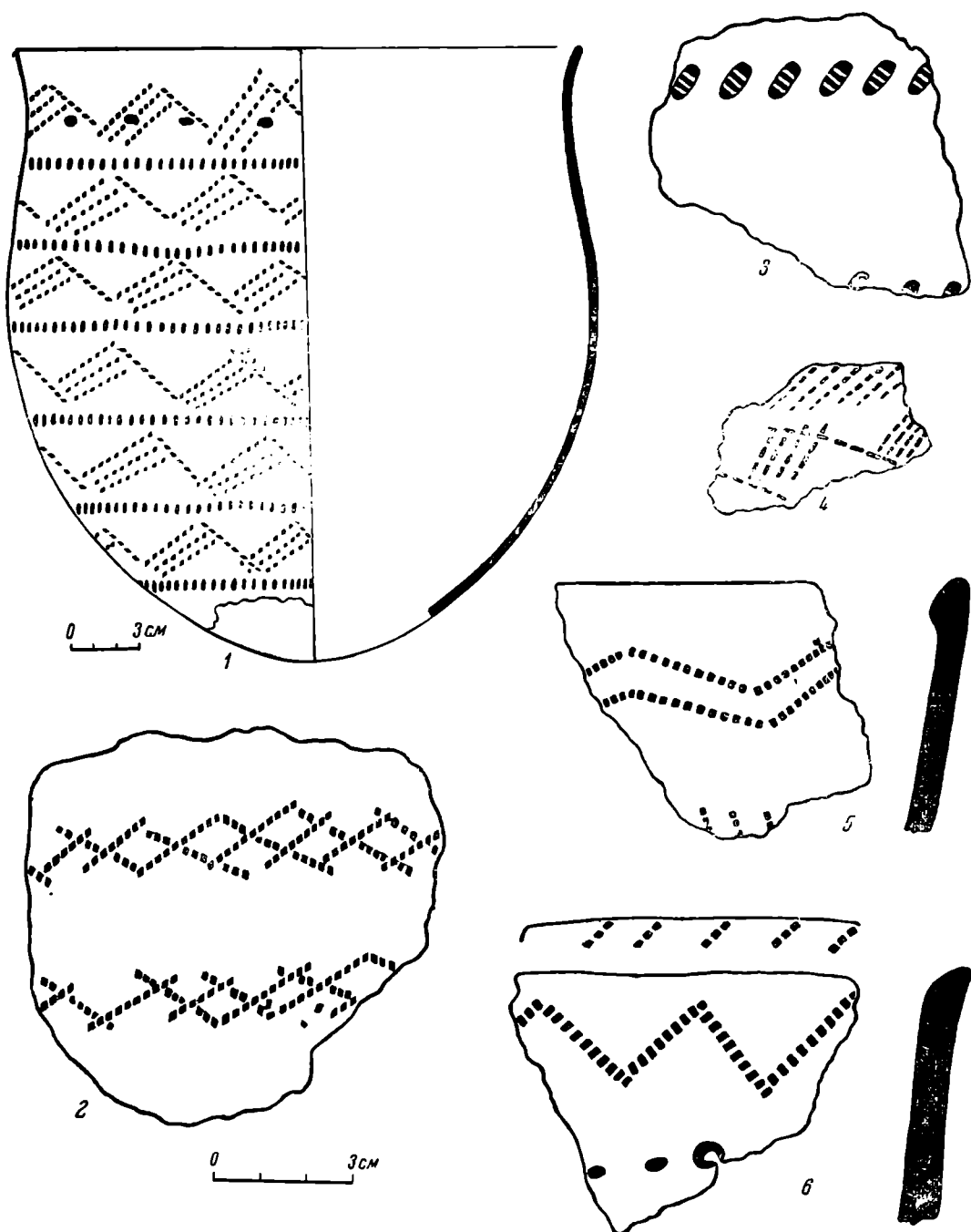


Рис. 49. Поселение Боровое озеро III. Позднейшая керамика с мыса.

Впервые КАЭ произведены раскопки памятника гляденовской культуры — Усть-Туйского костыща, находящегося на правом берегу Камы, у устья Малого Туя. Раскопками под руководством В. Ф. Генинга была исследована вся центральная часть костыща, т. е. большой зольник и непо-

¹ См. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИМК, вып. 51, 1953.

средственно окружающее его скопление непережженных костей. Всего вскрыто 450 м².

Скопление пережженных костей в центре костяща имело форму продолговатого подчетыреугольного пятна площадью 50 м² и состояло из отдельных, иногда сливавшихся зольных пятен, включенных в слой непережженных костей. Интенсивность скопления жженных костей очень велика: число фрагментов на одном квадратном метре достигало 9 тыс. Окружающий слой сырых костей был мощностью не более 40 см, но, несмотря на это, на одном квадратном метре залегало до полутора тысяч костей. Площадь слоя непережженных костей около 210 м².

В центре костяща прослежены остатки какого-то сооружения, состоявшего из небольшого насыпного холмика и обрамляющей его канавки, изогнутой почти под прямым углом. Аналогичное сооружение отмечено Теплоуховым на соседнем Гаревском костяще. Оба сооружения, имевшие, очевидно, определенную связь с культовым назначением костящ, остаются пока непонятными.

Остатки материальной культуры находились в зольнике и в слое непережженных костей; вне его они почти отсутствуют. Находки состоят из керамики, костяных (трехгранных и шестигранных в сечении) и железных плоских наконечников стрел и ножей, нескольких железных же вотивных вещей, бус, стеклянных (позолоченных, сдвоенных, строенных, реже более крупных одинарных), изредка сердоликовых и бронзовых, бронзовых же бляшек; обнаружены также бронзовый идол и птичка. Глиняная посуда подразделяется на две категории: жертвенные сосуды в виде небольших тонкостенных чашек располагались в центре костяща; обломки более грубой и крупной бытовой посуды распространялись более широко, но скопления их встречались лишь за пределами слоя непережженных костей, на периферии.

Таким образом, на Усть-Туйском костяще была раскрыта типичная для костящ картина. Однако надежды на уточнение вопроса об использовании их как могильников с обрядом трупосожжений пока не оправдались, так как ни явных остатков человеческих костей, ни группировки материала по отдельным погребальным комплексам не наблюдалось. Правда, в слое горелых костей последние располагались иногда отдельными кучками. Возможно, что для решения этой интересной проблемы мы получим новые данные после тщательного определения костного материала, взятого с раскопок целиком (свыше 30 ящиков). Усть-Туйское костяще относится к числу позднейших памятников этого рода; не исключено существование его и в харинское время. Предварительно его дата может быть определена как III—IV вв. н. э.

Было продолжено исследование Опутятского городища харинского времени (IV—V вв.). Площадь раскопок здесь за два года доведена до 5552 м². Несколько новых ям производственного назначения аналогичны изученным в 1951 г.¹ и не вносят ничего существенно нового. Вывод об отсутствии на городище постоянных жилищ и об использовании его главным образом для металлургического производства можно считать наиболее вероятным.

В 2,5 км от Опутятского городища произведены раскопки большого курганного могильника у д. Бурково, который относится ко времени городища и вероятно был с ним связан. На площади в 1090 м² В. Ф. Генингом было вскрыто 58 погребений. Как удалось выяснить, могильник занимал площадь около одного гектара. На нем сохранилось всего 20 курганных насыпей, очень расплывчатых, высотой не более 0,5 м и диаметром 5—10 м. Курганы расположены четырьмя рядами, вытянутыми с севера на юг; на каждом из них заметны следы кладонскательских ям.

¹ См. КСИИМК, вып. 51, 1953.

Вскрыто 15 курганных насыпей, под которыми обнаружено 33 могильных ямы (четыре кургана, расположенных на пашне, были распаханы). Под насыпями, на поверхности почвы, нередко встречались скопления золы с угольками и пережженными косточками; иногда здесь же находились отдельные вещи и черепки разбитых сосудов. Значение этих скоплений не ясно; они могут быть следами тризны, а быть может, и трупосожжений. Тут же, рядом с могилой, наблюдались пласты выброшенной при рытье ямы красной глины.

Под курганными насыпями, сильно оплывшими, находились по одной-три могильных ямы; под курганом № 2 их было 12. В последнем случае курган при ширине до 7 м имел длину 26 м и, возможно, состоял из нескольких слившихся насыпей; все 12 могил, однако, оказались вытянутыми в один ряд с севера на юг.

Все могилы были вытянутой подпрямоугольной формы; длина их 1,8—2,9 м, ширина 0,9—1,5 м и глубина 0,46—1,40 м. Несмотря на плохую сохранность скелетов, устанавливается вытянутое на спине положение и восточная, в отдельных случаях восточно-северо-восточная ориентировка; в полном соответствии со скелетами ориентированы и могилы. В каждой могиле лежал один скелет и лишь в одной, быть может, два.

Удалось также выяснить устройство могил. На дне их укладывались четырехугольником четыре бревна диаметром до 22 см; в одном случае длина боковых бревен равнялась 2,34 м, длина поперечного бревна (в головах) 0,84 м, в ногах — 0,77 м. На дне в нескольких случаях отмечены неглубокие поперечные канавки. При погребении труп и могильный инвентарь укладывались в этот, если так можно назвать, деревянный сруб, после чего он покрывался плахами, положенными поперек длины сруба. Иногда сруб оказывался обожженным, а на дне могилы было видно прокаленное пятно и жженные косточки, возможно следы трупосожжений.

На распаханной площади к востоку от курганов, на расстоянии около 70 м от них, вскрыто еще 25 могил, входивших, без сомнения, в тот же курганный могильник, но насыпи их были распаханы без остатка. Здесь могилы ориентированы также с запада на восток и расположены тремя вытянутыми с севера на юг рядами, не считая двух могил, помещенных между рядами. Форма, размеры и устройство могил те же, что и под курганами, лишь глубина их несколько меньше (0,4 и даже 0,3 м под почвой). Аналогичны и положение, и ориентировка скелетов, и могильный инвентарь.

Чрезвычайно интересны обнаруженные близ этой группы погребений два канавообразных углубления (до 1,4 м от современной поверхности), заполненные углистой землей, жжеными костями, сырыми костями животных и отдельными обломками керамики. Эти канавки имели какую-то связь с совершавшимися на могильнике ритуальными обрядами; говоря о них, нельзя не вспомнить о канавках на Усть-Туйском и Гаревском костях.

Все вскрытые на Бурковском могильнике могилы были ограблены или повреждены кладоискателями. Особенно хорошо это устанавливается в той части могильника, где сохранились курганы, по следам кладоискательских ям, беспорядку в могилах, сломанным вещам, щепкам от деревянного покрытия срубов, что указывает на древность ограблений, очевидно в то время, когда могильные сооружения еще не успели сгнить. Причина столь ревностного кладоискательства также ясна: это — богатство погребального инвентаря, содержавшего не только серебряные, но и золотые вещи.

В результате ограбления, без сомнения, сильно сократилось количество инвентаря в погребениях, но тем не менее он довольно богат. В нескольких могилах обнаружены железные мечи, копья, кинжалы, во многих — ножи, удила (иногда бронзовые с железными кольцами), медные, железные и серебряные пряжки, обломки керамики; найдены также серебряные наконечники ремней, накладки, бисер, синие стеклянные и красные пастовые бусы,

крупная золотая серьга с зернью, обломок серебряной монеты (видимо, сасанидской), янтарные бусы, остатки меха и ткани.

Инвентарь Бурковского могильника аналогичен инвентарю Качкинского и Харинского могильников, он находит аналогии в материале с Опутятского городища (керамика, железные ножи и пр.). Время его — IV—V вв. н. э.

Надо полагать, что могильник был связан с Опутятским городищем и с несколькими поселениями. Его следует считать родовым, а отдельные ряды погребений связывать с отдельными большими патриархальными семьями. С одной стороны, ряд погребений почти или вовсе без инвентаря, с другой — богатые погребения воинов с мечами и снаряжением всадников свидетельствуют о далеко зашедшем разложении рода.

Судя по материалу из Бурковского могильника, он уже сейчас является крупнейшим могильником харинского типа. Раскопки его будут продолжены.

Городища и селища харинско-ломоватовского времени еще почти не изучены. Это наибольший пробел в наших представлениях об этой эпохе. Не выяснен даже вопрос о самом характере поселений — временном или постоянном. Поэтому были начаты раскопки расположенного близ Опутятского городища Зародятского ломоватовского селища VI—VIII вв. В 1952 г. В. Ф. Генингом здесь было вскрыто 1378 м².

Культурный слой, почти везде толщиной всего в 18—20 см, давно разрушен старой пашней; доступными изучению оказались лишь углубления и другие детали, сохранившиеся под пахотным слоем на подстилающей глине. Только на краю селища, на склоне, культурный слой достигал 72 см.

На площади раскопок зафиксировано несколько кострищ с сильно прокаленной под ними землей и несколько ям хозяйственного и производственного назначения; одна из них была забита крупными кусками шлака, имела обожженные края и содержала несколько крупных обожженных обломков керамики, может быть керамической трубы; очевидно, яма служила для выплавки железа.

Из открытых на селище объектов наиболее интересно жилище. Оно представляло собой наземную постройку (примерно 12 × 6 м), ограниченную по длинным сторонам двумя параллельными канавками, с одним большим очагом и тремя ямами хозяйственного назначения. Судя по расположению двух смежных рядов столбовых ям вдоль одной из канавок, кровля жилища была односкатной. По своим основным признакам жилище Зародятского селища наиболее близко жилищам, открытым в нижнем слое Роданова городища¹.

Собранный материал состоит из керамики, железных шлаков, ножей и крючка, нескольких костяных поделок и остатков фауны. Основанием для определения даты служат керамика, костяной наконечник стрелы, аналогичный наконечникам из Бродовского могильника², и некоторые сасанидские изделия, найденные на месте селища в прежние годы. Раскопки Зародятского селища будут продолжены.

Чрезвычайно интересный Урьянский могильник был вскрыт В. Ф. Генингом в Коми-Пермяцком национальном округе на р. Онолве (по заданию Кудымкарского музея). На площади в 780 м² обнаружено несколько погребений VIII—XI вв., т. е. конца ломоватовской и начала родановской культуры. На основании богатого материала, собранного при раскопках, Урьянский могильник, наряду с Поломским, можно считать основным памятником переходного типа. Материал могильника неопровержимо доказывает преемственную связь между ломоватовской и родановской культурами в Верхнем Прикамье.

К концу ломоватовского времени относится и новая находка серебряной чаши (рис. 50) у дер. Бартым Березовского района Молотовской области.

¹ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951.

² В. Ф. Генинг. Бродовский могильник. КСИИМК, вып. 52, 1953.

близ р. Шаквы; чаша передана в Молотовский областной музей. Это уже шестая находка древней серебряной посуды у д. Бартым с 1925 г. и пятая с 1947 г. Новую чашу нашел в июле 1952 г. при окучивании картофеля на поле у д. Бартым ученик Копчиковской школы Назип Калиуллин.

Чаша сделана из низкопробного серебра со свинцовым оттенком; на дне ее золоченые изображения; низкий (9 мм) круглый поддон сделан из согнутой плоской полоски серебра, припаянной по диаметру чеканного изображения на дне и оторванной в момент находки (?). Толщина стенок чаши и поддона около 1 мм, исключая венчик, имеющий с внутренней стороны утолщенный полукруглый ободок. По наружному краю венчика идет резная надпись, замыкающаяся в полный круг; аналогичная, но короткая надпись имеется на поддоне. Диаметр чаши 12,4 см, высота — 3,4 см без поддона.

Золоченое изображение на дне чаши окантовано выпуклым орнаментированным валиком, представляющим правильный круг диаметром 7 см. Центральной фигурой является четверорукое женское (?) божество в длинном складчатом платье, сидящее на спине льва. Полное лицо божества обрамлено заплетенными волосами; на голове — торжественный головной убор или корона, увенчанная полумесяцем. В правой руке короткий жезл или скипетр, в левой — длинный жезл с шариком на конце. Вторая пара рук за спиной поднимает эмблемы солнца и луны в виде шара и полумесяца. Перед грудью льва — коленопреклоненная женская (?) фигурка с каким-то предметом (дарами?) в руках. Все фигуры рельефны и выполнены чеканкой, с обратной стороны дна повторяющей негативное изображение. Детали обработаны сверху очень тонкой чеканкой и резьбой; особенно хорошо выполнены детали костюма (рис. 50).

Чрезвычайно близкая аналогия этой чаше известна из д. Ковино близ Молотова, изданная в Атласе Я. И. Смирнова¹ под № 42, и в особенности чаша, приобретенная на Нижегородской ярмарке². На обеих даны фигуры четвероруких божеств с аналогичными эмблемами в руках. Изображенное на нижегородской чаше божество также восседает на спине льва и имеет на голове ту же корону; вокруг ободка чаши — длинная надпись, сделанная теми же письменами. Общность происхождения этой и вновь найденной чаши не подлежит сомнению. Весьма близка публикуемой и чаша № 44 (по Смирнову), также из д. Ковино³, с плохо сохранившимся изображением фигуры, сидящей на леопарде.

По ряду признаков сближается с нашей и чаша с изображением полулежащей фигуры воина (царя?)⁴ и отчасти чаша из Дагестана⁵, изданные в том же атласе.

Наконец, по качеству металла, золочению изображений, характеру чеканки, фигурам львов, тем же эмблемам луны и солнца и в особенности по надписям публикуемой чаше близка последняя бартымская же находка 1951 г.⁶, которую мы отнесли к VII—VIII вв.

Надписи на упомянутых чашах пока не прочтены. С. П. Толстов, сопоставляя знаки надписей на чашах 42—47 и 286 Атласа Я. И. Смирнова с надписями на хорезмийских монетах, пришел к заключению, что «все знаки монет оказались представленными на чашах и лишь несколько знаков на последних отсутствует на монетных легендах»⁷. С. П. Толстов делает и первые шаги для дешифровки этих надписей.

¹ Я. И. Смирнов. Атлас древней серебряной, золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.

² Там же, № 43.

³ Там же, № 44.

⁴ Там же, № 286 (из Оренбургской ученой архивной комиссии).

⁵ Там же, № 285.

⁶ О. Н. Бадер. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье. Сборник «На Западном Урале». Молотовгиз, 1952, рис. 4.

⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 193.

Признание бартымских чаш хорезмийскими подтверждает и датировку их VII—VIII вв., к которой мы пришли при рассмотрении бартымской чаши 1951 г. Напомним, что чаша № 42 (в Атласе Смирнова) найдена с доисламскими монетами, имевшими хождение до конца VI в.

Проникновение в Прикамье всех шести бартымских чаш — раннесасанидского, византийского и хорезмийского происхождения — произошло в пределах ломоватовского времени, т. е. между IV и VIII вв.

Из числа памятников родановской культуры в 1952 г. исследовалось Кыласово городище (Анюш-кар) на р. Иньве. Здесь В. А. Обориным были продолжены запланированные на несколько лет раскопки. Площадь раскопок 1952 г. была значительно увеличена и доведена до 544 м².

Два различных культурных слоя, наблюдавшиеся в 1951 г. и разделенные тонкой прослойкой сгнившего дерева¹, распространились и на площадь последних раскопок. В нижнем слое, относящемся к IX—XII вв., открыто и изучено жилище совершенно родановского типа, но без ямы-кладовки. В одной из ям хозяйственного назначения, расположенной рядом с очагом, находился большой сосуд с просом.

Таким образом, за последние годы в раскопках КАЭ выявлены преемственно связанные типы жилища от позднеломоватовского, зародятского к раннеродановскому, далее, позднеродановскому (жилище с тамбуром)² и к современной коми-пермяцкой избе.

Наиболее интересным объектом, относящимся к верхнему слою XII—XV вв., оказался вырытый на глубину более 3 м колодец с четырьмя вертикальными столбами по углам, со стенками, зашитыми при помощи столбов досками так, что столбы, находясь внутри каждого угла, прижимали доски к земляным стенкам. На дне колодца при раскопках скопилась вода, и было обнаружено раздавленное медное ведро.

В верхнем слое найдены еще один ральник, жернов, орнаментированная костяная лука для седла, многие другие бытовые предметы и украшения. Следует отметить, что хрустальные и сердоликовые бусы происходят из верхнего слоя, пастовые — из нижнего.

В 1952 г. впервые были произведены раскопки (под руководством В. А. Оборина) строгановского Орла-городка, или Кергедана, близ Усоля³. Вскрыта площадь в 1850 м². Исследование Орла-городка будет продолжено.

Помимо уже упоминавшихся поисковых работ, необходимо отметить 600-километровый маршрут В. П. Денисова по р. Чусовой, между речкой Кунгуркой Свердловской области и с. Копально Молотовской области. Организованный с целью изучения связей между турбинской и шигарской культурами, этот маршрут дал материал по нескольким, в том числе и вновь открытым стоянкам, но еще далеко не разрешил поставленной задачи. Участниками экспедиции были обследованы памятники: Ю. Поляковым в низовьях р. Обвы, М. Ланько — по Обве в районе с. Пермско-Ильинского, В. Неприной — по р. Ломоватовке, И. Поносовой — по р. Малому Тую и Полуденной, Э. Медниковой — по Большому и Малому Тую и Полуденной. В. Ф. Генингом обследовано несколько памятников в Коми-Пермяцком национальном округе по рр. Онолве, Иньве и Пою. Наконец, автором настоящей статьи обследованы три стоянки на правом берегу Чусовой в Верхне-Городковском районе и городище ананьинского времени в устье р. Чумкосны. Прочие разведки 1952 г. указаны на карте. Археологические исследования на новостройках Прикамья будут продолжены.

¹ КСИИМК, вып. 51, 1953.

² Там же.

³ См. статью В. А. Оборина в настоящем выпуске.

В. А. ОБОРИН

РАСКОПКИ ОРЛА-ГОРОДКА НА РЕКЕ КАМЕ

Вопрос о первоначальном заселении Прикамья русскими, история возникновения и развития русских городов и русской культуры и ее взаимоотношений с культурой местных племен и народов представляют существенный интерес для изучения истории нашей Родины. Несмотря на довольно большое число работ, в той или иной мере касающихся данного вопроса, он не может в настоящее время считаться достаточно изученным.

Для решения этого вопроса привлекались только письменные и этнографические источники, а между тем раскопки в Москве, Новгороде и других древнерусских городах показывают, что археологические источники служат ценным, а иногда и основным материалом для изучения истории русских городов. Даже для периода XV—XVII вв., который сравнительно хорошо освещен в письменных источниках, археологический материал позволяет значительно дополнить и уточнить имеющиеся сведения.

В связи с этим Камская археологическая экспедиция поставила перед собой в числе других задач задачу изучения первых русских поселений в Прикамье. С этой целью проведены небольшие разведки в г. Чердыни (1949 г.), в Орле-городке (1949 г.)¹, на Осинском городище (1950 г.)². Разведки производились на месте русских поселений, возникших в XV—XVI вв.

В 1952 г. Камская археологическая экспедиция осуществила первые крупные раскопки одного из ранних русских поселений в Прикамье — Орла-городка³.

Орел-городок (Кергедан) построен в 1564 г. уральскими магнатами Строгановыми как укрепленный русский опорный пункт «для бережения от нагайских и от иных орд» (как гласила жалованная грамота Ивана IV), т. е. для защиты северо-восточной границы русского государства от набегов вассалов сибирских ханов. В нем помещалась резиденция самих Строгановых.

Однако Орел-городок был не только военным, но и ремесленным центром, так как он был поставлен «у рассолу» и грамота Ивана IV требовала «варницы ставить и соль варить»⁴, а также расчищать лес под пашню

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 89.

² О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 94.

³ Раскопки проходили под руководством автора. В них принимали участие научный сотрудник Соликамского музея В. П. Денисов, научный сотрудник Молотовского музея Г. К. Шеншина, ассистент Молотовского университета С. И. Сметанин и студенты Молотовского университета.

⁴ В. Шишонко. Пермская летопись, т. I. Пермь, 1881, стр. 51.

и призывать людей «непашенных и нетяглых». Писцовые книги описывают Орел-городок как довольно крупный пункт с оседлым населением, несшим сторожевую службу и занимавшимся солеварением, кузнечным, деревообделочным и другими ремеслами и земледелием.

Орел-городок служил опорным пунктом для освоения русскими Сибири. В хранилище Строгановых находилась старинная пищаль с надписью: «В граде Кергедане на реке Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090»¹.

Впервые остатки древнего Орла-городка были обследованы в 1932 г. А. В. Шмидтом. Он определил место древнего поселения и кратко описал стратиграфию культурного слоя².

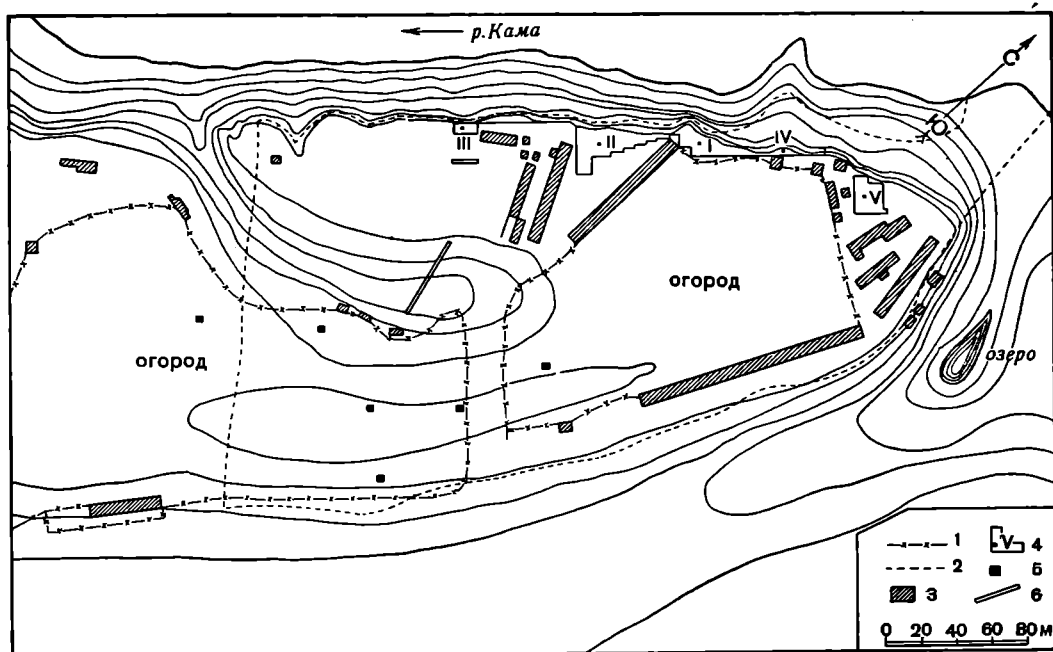


Рис. 51. План Орла-городка на Каме:

1 — забор огорода; 2 — границы распространения культурного слоя; 3 — сарай; 4 — раскопы; 5 — шурфы
6 — траншея.

В 1949 г. Орел-городок был дополнительно обследован автором совместно с В. П. Денисовым.

Остатки древнего Орла-городка (местное коми-пермяцкое название «Кергедан» — город в устье реки) расположены на левом берегу р. Камы, напротив с. Орел Ворошиловского района Молотовской области, на 7—8 м от уровня реки. В 400 м к северу от него в Каму впадает р. Яйва.

Сохранившаяся часть Орла-городка располагается на невысокой «стрелке», образованной левым берегом р. Камы и небольшим заливчиком — вымоиной вдоль юго-восточного склона. Площадка «стрелки» представляет собой ровную поверхность и только в юго-восточной части проходит небольшая гряда, возвышающаяся на 0,7—1,0 м над поверхностью площадки. Северо-западный и северный склоны сильно разрушаются размывами р. Камы (рис. 51). Темный культурный слой, мощностью 0,5—1,7 м, прослеживается на всех обнажениях. Общая площадь его около 40 000 м².

¹ А. Дмитриев. Пермская старина, вып. V. Пермь, 1894, стр. 144—145.

² А. В. Шмидт. Район р. Камы. Изв. ГАИМК, вып. 109, М.—Л., 1935, стр. 174—175.

На краю берега сохранились остатки деревянных сооружений в виде свай и развалившейся стены. Площадка городка в настоящее время застроена по краям скотными сараями местных жителей, а в центре занята огородами местных организаций. При планировании раскопок в 1952 г. приходилось использовать площадь, свободную от построек.

После тщательного обследования, разведочных зачисток и проверки данных письменных источников установлено, что древнее поселение Орла-городка располагалось на правом берегу р. Камы.

В 200 м к востоку от площадки, где расположены остатки Орла-городка, сохранилось старое русло р. Камы, которое идет параллельно юго-восточному склону городка и уходит дальше на юг, где через 10 км впадает в Каму около пос. Кондас. Зачистки на юго-восточном склоне показали, что прослойки песка, свидетельствующие о подтоплении городка в половодье, находятся в нижнем культурном слое, который датируется XVI—началом XVII в. На северо-западном склоне такие же прослойки появляются в верхнем культурном слое XVII—начала XVIII в., свидетельствуя о том, что примерно в это время р. Кама начинает менять русло.

В старицу Камы к юго-востоку от городка впадает старичное короткое русло р. Яйвы. Это указывает на то, что раньше Яйва впадала в Каму не севернее городка, а прямо против него, что подтверждается и письменными источниками. Писцовая книга М. Кайсарова 1623—1624 гг. упоминает «городок Орлов, деревянный, рубленный на реке Каме против Яйвинского устья»¹. Таким образом, в начале XVII в. Кама текла еще к юго-востоку от городка.

В раздельном акте имений Строгановых 1629 г. встречается описание Орла-городка: «На Каме реке городок Орлов, против устья р. Яйвы, в трех стенах башни и городки деревянные рубленные, а передняя городовая стена, что от Камы реки, поставлена была вся острогом, а у того городка трои ворота да две башни глухих, и того городка ныне по Каме боковую верхнюю стену, что от полою от посаду, и переднюю городовую стену, что от Камы, и с острогом и с вороты Камою рекою снесло»².

В 1706 г. в связи с окончательным изменением русла Камы, воды которой катастрофически размывали городок, оторвав от него часть боковой стены, Орел-городок был перенесен на правый высокий берег нового русла р. Камы³.

С середины XVII в. новое русло Камы становится основным, о чем свидетельствуют многочисленные прослойки песка в верхнем культурном слое XVII—начала XVIII в., появляющиеся на северо-западном склоне «стрелки».

Из сказанного ясно, что при образовании нового русла Камы рекой снесена часть городка. Это подтверждается тем, что на краю берега у северо-восточного склона «стрелки» сохранились остатки деревянного настила (может быть, поваленной стены?), которые уходят в воду. В ясную погоду продолжение их можно проследить под водой на расстоянии 30—40 м от берега.

Местные жители рассказывают, что при спаде воды недалеко от левого берега видны остатки деревянных сооружений, в том числе больших труб. По писцовым книгам известно, что соляные трубы в Орле-городке находились в посаде, а в 1606 г. соляные промыслы из Орла были перенесены в Усолье в связи с затоплением в Орле.

В результате размывов до нашего времени сохранилась только восточная часть Орла-городка, тогда как западная часть его (видимо, бóльшая часть посада) безвозвратно погибла.

¹ А. Дмитриев. Пермская старина, т. IV. Пермь, 1892, Приложение, стр. 163.

² Дополнение к «Актам историческим», т. II, СПб., 1846, стр. 90.

³ В. Шишонко. Пермская летопись, т. V, ч. III. Пермь, 1889, стр. 341.

В 1952 г. основные раскопки были сосредоточены на северо-западном склоне «стрелки». На всем протяжении ее культурный слой выходил к краю берега; здесь он был зачищен на протяжении 164 м, был снят подробный профиль и дано описание прослоек. Раскопы заложены к востоку от обрыва и прилегали к линии профиля, послужившей исходной линией для включения всех раскопов в единую сетку раскопок памятника.

Для уточнения места расположения рва в южной части городища проведены две траншеи, а для уточнения распространения культурного слоя заложено семь шурфов (2 × 2 м).

Общая вскрытая площадь на городке достигла 1530 м². Все раскопы показали в основном одинаковый характер культурных наслоений, четко разделявшихся по цвету и составу на два слоя.

Нижний культурный слой — темный суглинок с большим содержанием перегноя и древесных остатков. Мощность его в среднем 40—50 см. Среди находок преобладают обломки глиняной посуды, сделанной на ручном гончарном круге, и посуды с черной томленной поверхностью и резко профилированными шейками. Основаниями для даты этого слоя служат серебряные монеты «сабляницы» Ивана IV, а в верхней его части найдено несколько монет царя Михаила Федоровича. Подтверждением этой даты (вторая половина XVI—первая половина XVII в.) служат также изразцы. Встречаются только красноглиняные изразцы с рельефными изображениями и обломки черепицы, покрытой зеленой поливой (рис. 52—1, 4).

А. В. Филиппов датирует красные изразцы XVI—началом XVII в., а зеленую черепицу — первой половиной XVII в.¹ На этом основании нижний культурный слой Орла-городка можно датировать, начиная с даты его возникновения (1564 г.) до первой половины XVII в. включительно.

Верхний культурный слой, более светлого цвета, представляет собой светлый суглинок, содержащий прослойки дресвы и угля. Мощность его 18—60 см. Он также датируется по изразцам и монетам. В этом слое найдены серебряные «копейки» царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, та же зеленая черепица, которой сравнительно немного, и полихромные изразцы второй половины XVII—начала XVIII в., которые здесь преобладают (рис. 52—2, 3). Среди обломков глиняной посуды, изготовленной на ножном гончарном круге, преобладают фрагменты сосудов типа корчаг и горшков с более округлыми очертаниями шейки, чем у таких же форм из нижнего слоя. Верхний слой можно датировать второй половиной XVII—началом XVIII в., до 1706 г. (дата перенесения церкви Орла-городка на правый берег Камы).

На северо-западном склоне городища нижний слой местами отделен от верхнего песчаными прослойками мощностью до 15 см. Эти прослойки постепенно сходят на нет к востоку от реки.

В нижнем культурном слое на глубине 60 см от поверхности, в раскопе I, обнаружены остатки деревянного хлева. Остатки бревен и досок располагались в виде прямоугольника длиной 8 м и шириной 4 м. По краям длинных и коротких сторон лежали остатки бревен диаметром около 20 см; длина сохранившейся части около 1,8 м. Бревна ограничивали стороны прямоугольника, составляя венец сруба.

В центре площади, ограниченной бревнами, располагался настил из досок и жердей. Доски, шириной 20—30 см и длиной до 3 м, гладко вытесанные широколезвийным топором, лежали параллельно бревнам длинных сторон на настиле из тонких жердей, лежавших перпендикулярно к направлению досок. В северо-восточном углу между настилом из досок и жердей были прослежены два ряда столбовых ям, отгораживавших особое помещение,

¹ А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, т. I. М.—Л., изд. Акад. архитектуры СССР, 1938.

которое поверх настила было заполнено стружкой, щепой и навозом. Это позволяет считать его внутренним отдельным помещением для мелкого рогатого скота.

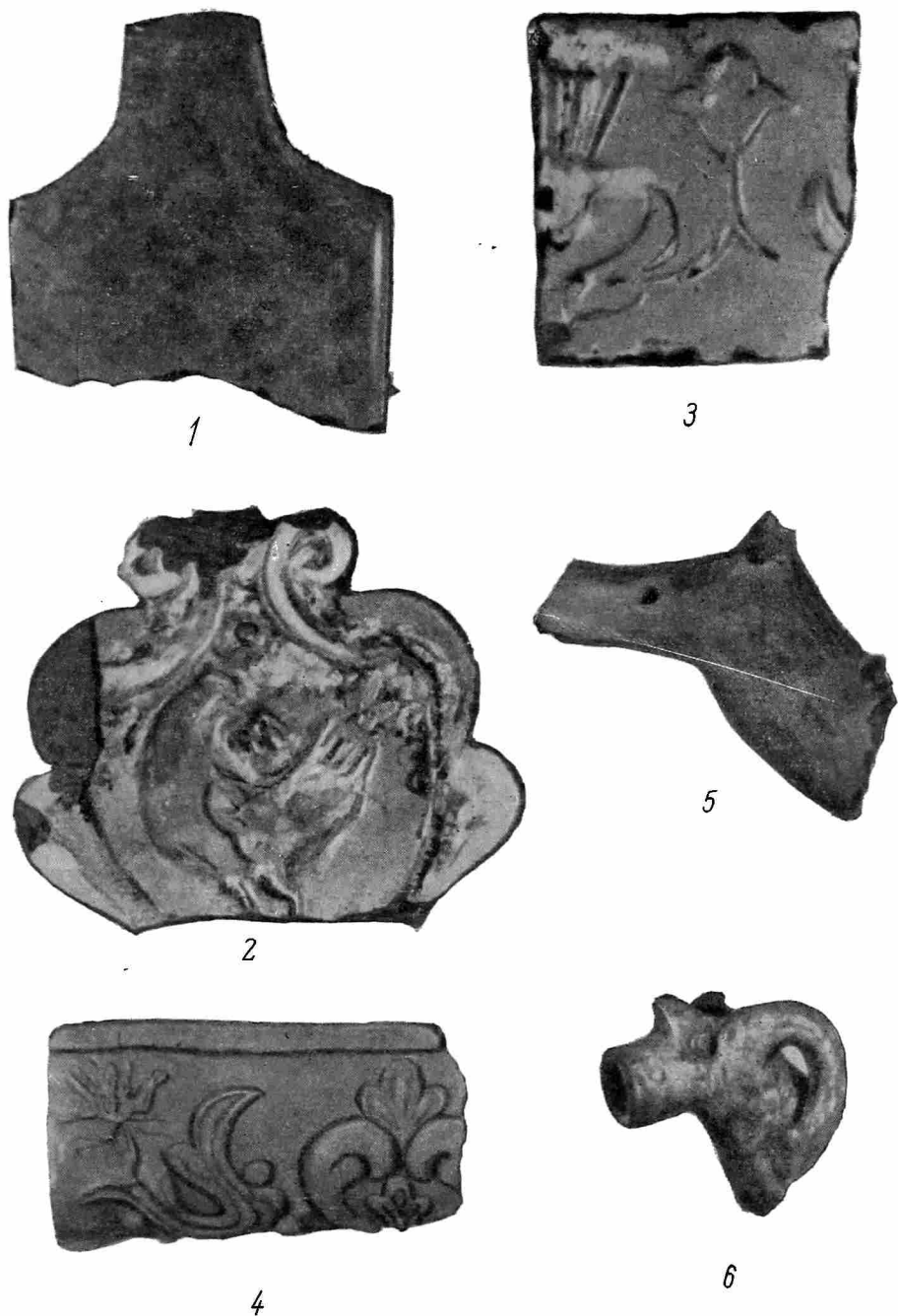


Рис. 52. Вещи из раскопок Орла-городка:

1 — фрагмент черепицы; 2, 3 — полихромные изразцы; 4 — красный изразец; 5 — глиняная игрушка; 6 — горло от кувшина-водолея.

Рядом с хлевом на том же уровне находилось большое скопление навоза вперемежку с корой и стружкой.

Хлев, очевидно, имел вид невысокого бревенчатого сруба с двускатной крышей. Крыша покрывалась берестой. Выше настила досок и стружки и несколько в стороне от края сруба обнаружен большой лист бересты (40 ×

× 20 см), состоящий из нескольких тонких слоев. Общая площадь хлева около 30 м², из них около 7 м² приходится на помещение для мелкого рогатого скота.

В верхнем слое этого же раскопа на глубине 20—50 см встречено большое скопление железных криц и шлаков. Вес отдельных криц 2—7 кг. Культурный слой вокруг них имеет интенсивный черный цвет с мелкими вкраплениями угля.

На раскопе II, к югу от раскопа I, в нижнем культурном слое обнаружены остатки деревянной избы (рис. 53—1). Бревенчатый сруб, рубленный «в лапу», располагался на глубине 1 м от поверхности и был составлен из

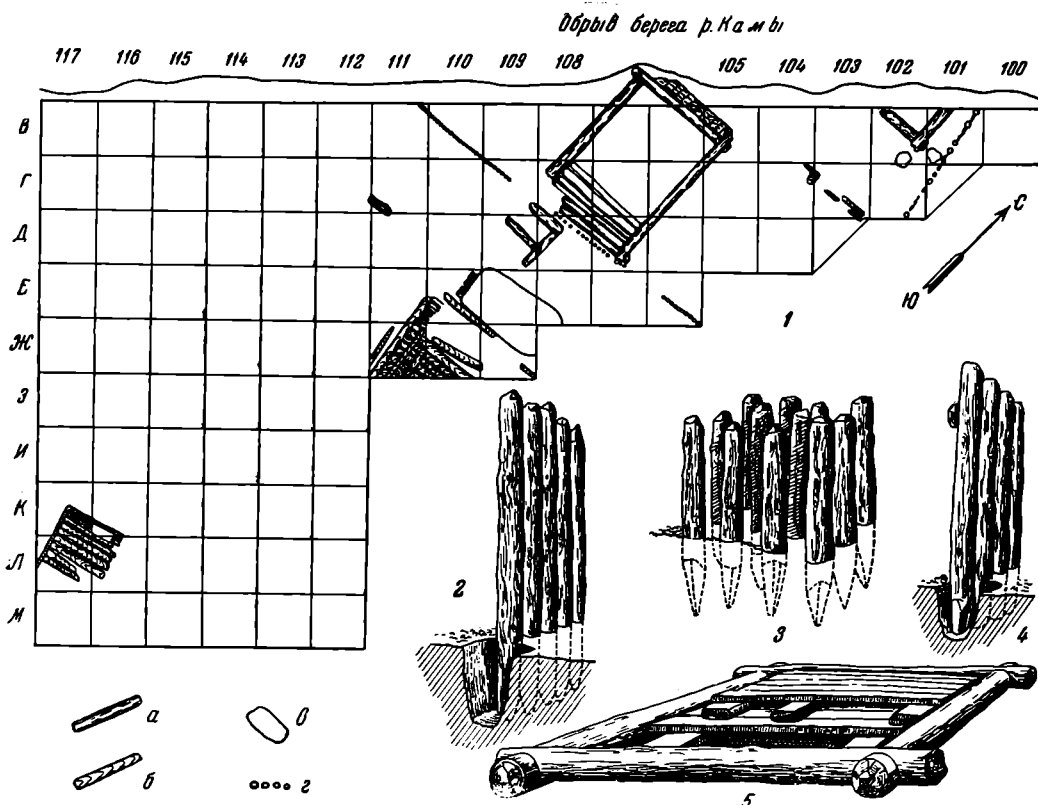


Рис. 53. План II раскопа Орлов-городка с остатками избы и двора XVI в. и реконструкция деревянных сооружений:

1 — план раскопа; 2, 4 — изгородь из частокола; 3 — сваи, укрепляющие берег; 5 — основание сруба и настил пола избы.

толстых бревен диаметром до 40 см. Размеры сруба 27 м² (4,5 × 6 м). У концов бревна имели широкие зарубки, в которые врезались подтесанные концевые части бревен длинной стороны. Внутри сруба был положен настил из толстых досок шириной до 30 см и длиной 3,5—4,5 м. Доски лежали в три ряда крест-накрест, причем доски верхнего ряда, составлявшие пол, были уложены впритык (рис. 53—5), а в нижних рядах — на расстоянии 20—30 см друг от друга.

Под полом сруба обнаружены бусы, мелкий бисер, кости домашних животных и заготовки из кости.

Сруб был ориентирован по странам света. Вдоль его северной стороны лежал толстый слой бересты, состоящий из 13 листов, последовательно налегавших друг на друга. Размер его 1,2 × 0,6 м. К южной стенке сруба примыкали остатки изгороди — частокола, идущего вдоль стенки с запада на восток. При зачистке подстилающего слоя вскрыты следы столбовых ям. Все ямы были разрезаны и прослежены в плане и профиле. Изгородь состояла

из вертикально вкопанных в особую канавку бревен или горбылей диаметром 10—15 см (рис. 53—2, 4).

Бревна были затесаны на три грани. На некоторых из них удалось проследить небольшое углубление — затес на высоте 50—60 см от заостренного конца. Затес, очевидно, служил пазом, в который вставлялась неширокая доска, скреплявшая забор снизу. В одном затесе сохранился железный гвоздь. Остатки такой же изгороди, идущей под прямым углом, сохранились и в северной части раскопа. Изгородью был обнесен большой двор, внутри которого располагался сруб и к северу от него — небольшой сарай, остатки которого в виде угла сруба и полуистлевшего дощатого настила сохранились в северной части раскопа¹.

На прилегающих к срубам участках на той же глубине найдено несколько заготовок из кости и рога, роговые гребни и железный резец для работы по кости. Очевидно, двор принадлежал мастеру — резчику по кости.

На той же глубине к юго-востоку от описанного двора обнаружены остатки еще двух деревянных сооружений в виде дощатых настилов, но без бревен сруба. Одно из них было нарушено ямой, идущей из верхнего слоя. Судить об их назначении трудно.

В верхнем слое раскопа II в юго-восточной его части вскрыты остатки глинобитного фундамента — глиняная подушка шириной около 50 см, на которой возвышалась стена из красного кирпича. Раскопом вскрыт пока только его угол. Около фундамента обнаружены завалы из битого кирпича и полихромных изразцов, очевидно, основание богатой каменной постройки. Внутри очертаний угла здания у северо-восточной стенки находилась печь, сложенная из крупных камней, скрепленных глиняным раствором. Основание печи покоилось на дощатом настиле. Раскопки будут продолжены.

В юго-западной части раскопа II в верхнем слое обнаружено интересное деревянное сооружение, состоящее из двух рядов толстых жердей, идущих с севера на юг. Промежутки между ними выстланы короткими досками. Перпендикулярно к настилу подходит с юга такой же настил, имеющий направление с востока на запад. Местные жители, осматривавшие это сооружение, утверждали, что такой вид в старину имели желоба, которые подкладывали под соляные трубы.

На раскопе III (к югу от раскопа II) открыты остатки рва. Ров был прослежен при зачистке обрыва, на стенках раскопа и в траншее, заложенной в 12 м к востоку от раскопа. Ров имел ширину до 2,5 м и глубину 1,5 м. Дно его заполнено темным культурным слоем, песком и глинистыми прослойками. Остатков деревянных сооружений около него пока не обнаружено. Общее его направление с юго-запада на северо-восток.

Раскоп IV заложен к северу от раскопа I, где в обрыве берега хорошо сохранились остатки деревянных свай, укреплявших берег от разрушения рекой (рис. 53—3), и находилось особенно много изразцов и битого кирпича. На раскопе вскрыты остатки фундамента крупного здания. На подстилающем слое лежал мощный слой бутового камня. В плане этот слой имеет вид правильного прямоугольника, западный конец которого упирается в сваи, укреплявшие берег. Площадь прямоугольника около 160 м². Восточный его конец уходит в край раскопа. Выше каменную забутовку скрепляет слой извести мощностью до 40 см. Сверху лежит слой битого красного кирпича, повидимому остатки стен. Вместе с кирпичом встречено много изразцов, преимущественно полихромных XVII—XVIII вв. Местные жители находили на бечевнике под сваями вымытые из культурного слоя обломки икон и паникадила. Очевидно, именно здесь находилась одна из

¹ В раскопках 1953 г. в восточном углу двора обнаружены остатки небольшой бани с печью-каменкой.

церквей Орла-городка, которая в 1706 г. была перенесена на правый берег реки. Раскопки ее фундамента будут продолжены.

На раскопе V, заложенном на мысу «стрелки», обнаружены следы каменной кладки, сложенной из очень крупных, слегка подтесанных камней. К ней примыкает полоса кирпичной кладки, идущей сплошной лентой в восточной части раскопа. Несомненно, что это остатки фундамента еще какого-то крупного здания, о чем свидетельствует также обилие полихромных изразцов. Расчистка кладки только начата и будет продолжена последующими раскопками. Таким образом, начало исследований Орла-городка в 1952 г. показало, что он является исключительно интересным памятником с довольно

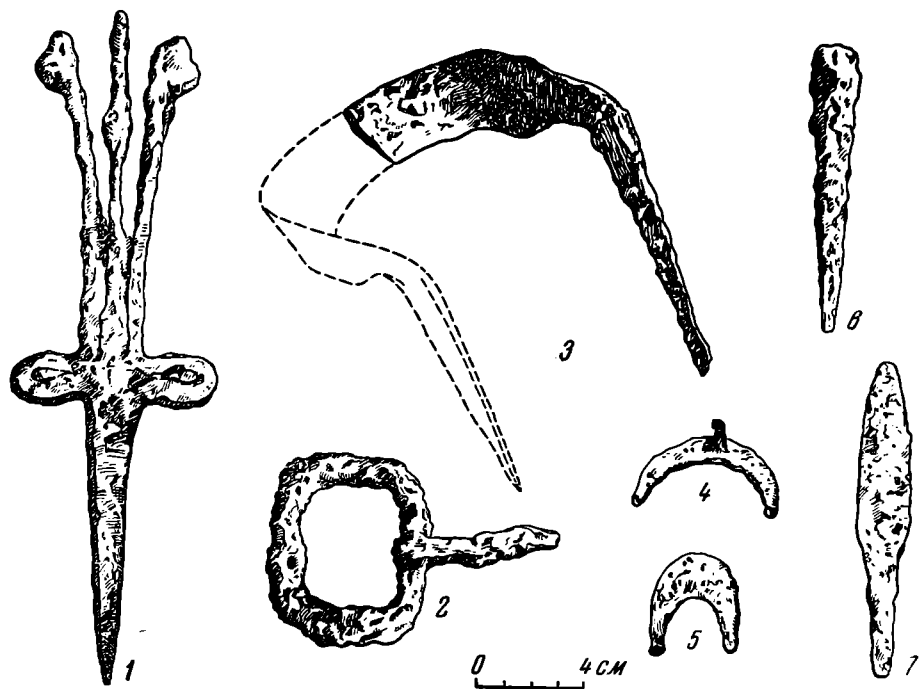


Рис. 54. Железные вещи из раскопок Орла-городка:

1 — светец; 2 — пряжка; 3 — скобель; 4, 5 — подковки от каблуков; 6 — резец; 7 — наконечник стрелы.

хорошей сохранностью деревянных сооружений. Некоторые из сооружений, особенно остатки зданий, в которых в изобилии встречаются изразцы, могут оказаться постройками самих вотчинников Строгановых, поэтому продолжение исследования особенно интересно.

Вещественный материал из раскопок 1952 г. очень велик. Основную массу находок составляют керамика и кости домашних животных. На некоторое отличие керамики верхнего и нижнего слоев мы указывали выше. Находки кусков обожженной глины, фрагментов бракованной посуды, так же как и наличие хороших местных гончарных глин, свидетельствуют о развитии местного гончарного производства¹. Развитие железоплавильного и кузнечного ремесла подтверждается находками скоплений криц и шлаков, а также железных орудий, которые, к сожалению, пока немногочисленны.

О развитии деревообделочного ремесла свидетельствуют находки железного скобеля (рис. 54—3), лесорубных топоров и остатки многочисленных деревянных сооружений. Находки медных шлаков и медных украшений позволяют говорить о том, что обитатели городка знали и обработку цветных

¹ Об этом же говорят находки обломков днищ сосудов с клеймами ремесленников.

металлов. Многочисленные заготовки из кости и рога, костяных гребней, шильев и других бытовых вещей из кости, как и находка железного резца, свидетельствуют о развитии костерезного ремесла.

В числе орудий труда отметим железную сечку, вилы, ножи и гвозди, глиняные грузила от сетей. В раскопках встречено очень много остатков кожаной обуви, иногда сохранившейся почти целиком. Это преимущественно остатки кожаных сапог с мягкой подошвой и на высоком каблуке с железной подковой. Железные подковки от каблуков встречаются особенно часто (рис. 54 — 4, 5).

Оружия почти не найдено, за исключением нескольких железных наконечников стрел, большого железного копья и нескольких найденных в верхнем слое кремней от кремневых ружей.

Найдены также интересные бытовые вещи — железный светец, пряжки, бусы, игольники с цветной эмалью, гребни, игрушки, кресты и т. д.

Значительную часть находок составляют изразцы и черепица. В нижнем слое встречаются преимущественно красноглиняные изразцы с рельефными изображениями батальных сцен, крепости, людей в воинской одежде, зверей и особенно часто с изображением птицы. Найдено несколько обломков изразцов с надписями, которые изучаются кафедрой языкознания Молотовского университета.

В верхнем слое встречаются преимущественно многоцветные изразцы с растительным орнаментом или опять-таки с изображением птиц.

Черепица представлена плоскими плитками, покрытыми зеленой поливой, иногда с отверстиями для гвоздя.

Изразцы Орла-городка имеют наиболее близкие аналогии в изразцах, найденных при раскопках Москвы. Такие сюжеты, как изображения крепости, пушки и пушкаря с пальником, некоторые растительные орнаменты на полихромных (рис. 52 — 3) и красноглиняных изразцах (рис. 52 — 4), до мелочей копируют московские изразцы и только некоторые детали не позволяют говорить об изготовлении их в одной форме¹.

Очень близкие аналогии, кроме изразцов, материалу из раскопок в Москве представляют и глиняные игрушки — головки зверей, а также обломки кувшинов-водолеев, горло которых оформлено в виде головы животного (рис. 52 — 5, 6)².

В раскопках найдено несколько фрагментов чернолощеной керамики с серебристой поверхностью, очень характерной для московской посуды, но встречающейся на Орле-городке лишь единично³.

Все это позволяет поставить вопрос о наличии в Орле-городке мастеров-гончаров — выходцев из Москвы. Можно, казалось бы, предположить, что изразцы могли доставляться из Москвы. Однако этому противоречит некоторое своеобразие сюжетов изразцов городка, отличающих их от московских (например, часто встречающееся изображение птицы, причем и оно отличается от подобных изображений московских изразцов). Кроме того, в раскопах Орла-городка встречены кусочки обгорелой поливы и несколько бракованных изразцов с неровным покрытием поливой поверхности изразца. Все это говорит в пользу местного производства изразцов.

Вероятнее всего предположить присутствие на Орле московских мастеров, которые по памяти воспроизводили сюжеты московских изразцов и внесли ряд новых элементов в изображения. Часто повторяющееся изображение птицы, преимущественно хищной клюющей птицы, может быть, связано с названием городка.

¹ М. Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве XVI—XVIII вв. МИА, № 7, 1947, стр. 63, рис. 9; стр. 64, рис. 10; стр. 67, рис. 15.

² М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, стр. 77, рис. 9.

³ М. Г. Рабинович. Гончарная слобода в Москве..., стр. 59—60.

Местное коми-пермяцкое название Орла-городка — Кергедан — наводило на мысль о существовании здесь дорусского поселения. Раскопки 1952 г. никаких следов дорусского слоя не дали. Однако в раскопках обнаружены предметы, находящие ближайшие аналогии в материальной культуре коми-пермяков позднего этапа родановской культуры XII—XV вв.: костяная ложечка с головкой птицы, литейная форма для отливки частей шумящих подвесок, железные наконечники стрел (рис. 54 — 7). Найдены также некоторые типы бус, очень близкие родановским.

Изба мастера—резчика по кости имела двускатное берестяное покрытие. Именно такой тип крыши характерен для срубного жилища позднего этапа родановской культуры¹, что подтвердили и раскопки Камской археологической экспедиции на Кыласовом городище в 1951 г.²

Резьба по кости, как ремесло, имела особенно сильное развитие в родановской культуре.

Все это не позволяет говорить пока о существовании дорусского поселения на месте Орла-городка, а скорее приводит к выводу о смешанном русско-пермяцком населении городка, причем из местного населения в городке жили, видимо, главным образом ремесленники.

Продолжение раскопок на Орле-городке позволит уточнить этот весьма интересный вопрос о взаимоотношениях русского и коми-пермяцкого населения.

¹ М. В. Т а л и ц к и й. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 39.

² О. Н. Б а д е р. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 82.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАДЖИКИСТАНА

После Великой Октябрьской социалистической революции на территории Таджикистана, ранее фактически являвшейся в археологическом отношении «белым пятном», развертываются большие археологические работы. С 1946 г. начинает функционировать Согдийско-Таджикская (ныне Таджикская) археологическая экспедиция. За истекшие годы экспедиция достигла значительных успехов в деле археологического изучения Таджикистана. Вслед за организацией в 1951 г. Академии наук Таджикской ССР в составе ее Института истории, археологии и этнографии учреждается сектор археологии. В 1952 г. из сотрудников сектора было сформировано три археологических отряда (Кайрак-Кумский, Исфаринский и Кулябский), работавших под руководством Б. А. Литвинского в составе Таджикской археологической экспедиции. Кроме того, сектор провел обследование некоторых памятников в Гиссарской долине и регистрировал археологические и нумизматические находки.

Кайрак-Кумский отряд провел предварительное обследование территории по левому и правому берегам Сыр-Дарьи, от Ленинабада до Канибадама. Обследованием выяснено, почему в письменных источниках Ходжент, теперешний Ленинабад, не всегда относили к Фергане: территория между Ленинабадом и Канибадамом в силу естественных условий была обжита очень слабо. Древние и средневековые поселения здесь вероятнее всего выполняли лишь роль стоянок на караванном пути.

На обоих берегах Сыр-Дарьи отряд изучал территорию, по которой в средневековье проходили дороги (они описаны средневековыми географами), причем были локализованы упомянутые на этих путях поселения. В районе одного из них — средневекового Хаджистана — обнаружен многокилометровый самотечный водопровод. Близ современного кишлака Ниазбек обследован мощный вал из крупных кусков и глыб камня, кое-где сохранившийся на высоту около 4 м. Этот вал, именуемый населением Кампыр-дувал, примыкает к горам и тянется с юга на север на 7 км. Он делает изгибы, на его углах имеются округлые выступы (башни?). Возможно, что Кампыр-дувал первоначально перегораживал всю долину, доходя на севере до Сыр-Дарьи. С запада к валу примыкает большая группа курганов — мугхона (свыше 60); некоторые из них хорошей сохранности.

Исфаринский отряд ставил перед собой следующие задачи: выявление на территории Исфаринского района сохранившихся археологических памятников; раскопки остатков крепости Калаи-боло; раскопка курганов с целью изучения культуры кочевников.

При разведках удалось зарегистрировать значительное число курганных групп, разбросанных в подгорной полосе каменистых равнин и словно

плотным кольцом охватывающих земледельческую часть Исфаринского района. Число курганов огромно — только в поле около Варухского ущелья их насчитывается около 500. Раскопано пять курганов в могильнике (Гури-муг'е) на северо-западной окраине сел. Варух. В трех курганах встречены коллективные захоронения, в двух одиночные. Курганы имеют невысокую

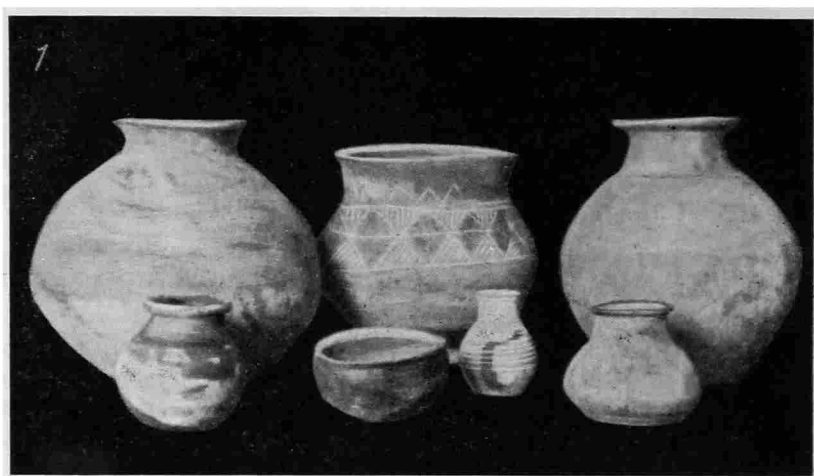


Рис. 55. Глиняные сосуды (1) и люстровая чаша (2) из курганов.

насыпь из щебня (диаметром 8—12 м), у большинства отчетливо прослеживается в нижних частях кольцо из крупных камней. Могильные ямы засыпались, сверху клался деревянный настил, не совпадавший с очертаниями ямы. Погребенные иногда лежали в деревянных гробовищах.

В курганах обнаружены разнообразные находки; керамика (рис. 55 — 1), бусы, деревянные с металлическими наконечниками стрелы, кинжалы, бронзовые украшения, бронзовое зеркало, алебастровый идол и пр. Этот материал весьма близок к культуре поселений и могильников Ферганы, Осру-

шаны (могильнику у Ширин-сая) и культуре первых веков нашей эры Ташкентского оазиса. Osteологический материал находится в процессе обработки; три черепа, уже изученные антропологом В. Я. Зезенковой, оказались брахицефальными европеоидными.

Специальная группа под руководством Е. А. Давидович производила раскопки руин замка-крепости Калаи-боло, расположенного южнее г. Исфары, на правом берегу одноименной речки, на речном мысу (рис. 56). На верхней площадке замка сохранились помещения, сложенные из крупного кирпича-сырца и пахсы и перекрытые коробовыми сводами. Эти помещения находят себе прямые аналогии в раннефеодальном доарабском крепостном строительстве (Ак-тепе близ Ташкента, замок на горе Муг и др.). Это позволяло, казалось бы, датировать их VI—VIII вв. Однако изучение замка выявило иную, более сложную картину¹.

В платформе замка оказалась «замурована» стена позднекушанской постройки. Второй строительный период падает на VI—VIII вв.; от этого времени сохранились и позднее были использованы мощная платформа, крепостные стены, снаружи декорированные рустовой разделкой, внутрстенные сводчатые коридоры, своеобразный коридорно-пандусный подъем на верхнюю площадку крепости, узкие внутрстенные ходы к парапету стены, а от жилых построек на верхней площадке — незначительные остатки стен, перекрытые позднейшей застройкой.

Третий период последовал после эпохи запустения и значительного разрушения. Он делится на три этапа, первый датируется XI—XII вв. Именно в это время ремонтируются старые и сооружаются новые крепостные стены, а также, частично следуя старому плану, воздвигаются сохранившиеся доныне помещения на верхней площадке (рис. 56). XI—XII века характеризуются большим комплексом бытовых предметов, особенно керамики и стекла. Среди них имеются и привозные изделия, например великолепная люстровая чаша (рис. 55—2).

Изучение истории замка Калаи-боло дает определенный материал для конкретной характеристики различных этапов истории Исфаринского района; демонстрирует преемственную связь средневекового строительства разных периодов, начиная с эпохи, предшествующей арабскому завоеванию; показывает глубокую самобытность и устойчивость среднеазиатской культуры, которую не сломили и не изменили никакие политические события. Получен материал для характеристики замково-крепостного строительства не только VI—VIII вв., но и более позднего времени.

Помимо замка Калаи-боло зарегистрированы и обследованы многочисленные «крепости на скалах» и наземные памятники, большинство которых возникло в кушанское время и погибло к саманидской эпохе. Материал этих «крепостей на скалах» и замка Калаи-боло очень убедительно показывает, что сложение феодальных отношений сопровождалось в Исфаринском районе глубоким кризисом, выразившимся, в частности, в разрушении и долговременном запустении всех этих поселений.

В Исфаринском районе изучен интересный сырцовый мавзолей Ходжа Рашнои близ кишлака Калачи-Мазар и мечеть-намазгах XVI в. в кишлаке Навгулем; собраны материалы по истории горного дела. Арабист С. Б. Певзнер застампировал вторую надпись в Варухском ущелье. В целом работы Исфаринского отряда позволили наметить основные положения истории Исфаринского района.

Кулябский отряд в 1952 г. проводил разведки на территории Кировабадского, Пархарского и Колхозабадского районов. О памятниках этих районов было известно очень мало. В процессе разведки зарегистрировано около

¹ Результаты работ на Калаи-боло излагаются по материалам Е. А. Давидович. Ею же выполнен план-реконструкция крепости, приведенный на рис. 56, см. стр. 142.

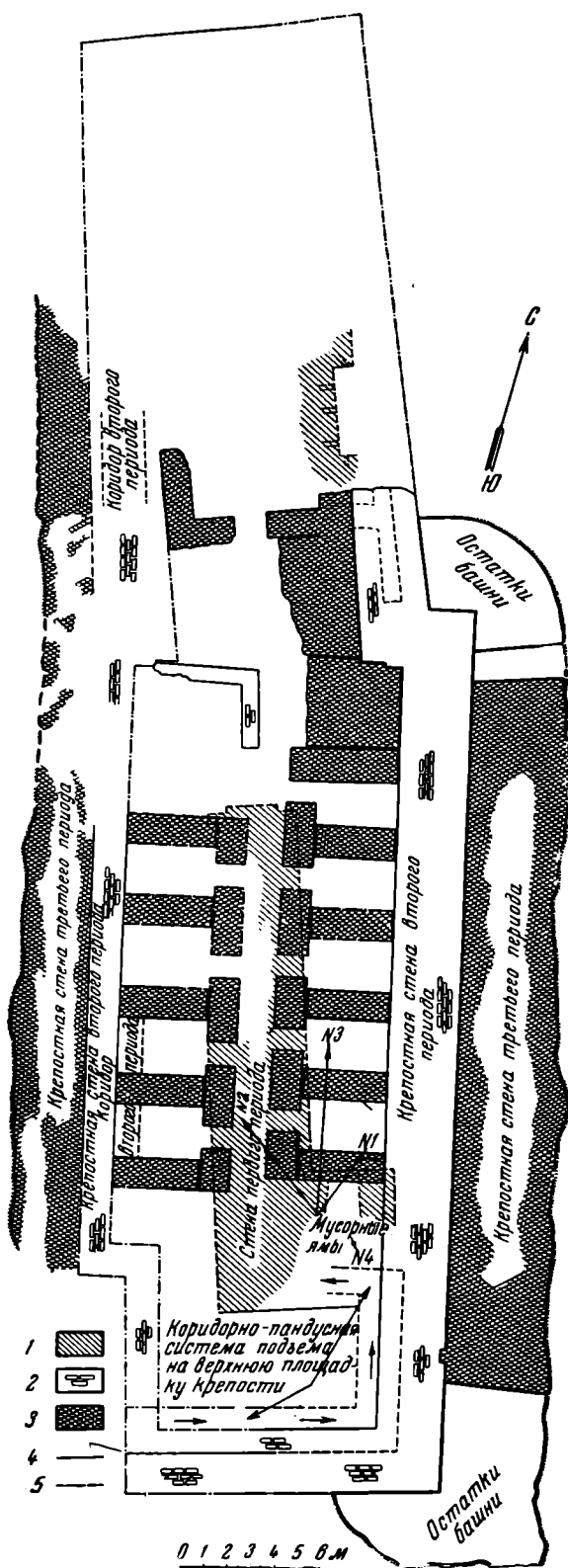


Рис. 56. Схематический план верхней площадки Кааи-боло:

1 — стены первого периода; 2 — стены второго периода; 3 — стены третьего периода; 4 — реконструкция; 5 — стены, лежащие выше или ниже основного уровня площадки.

80 памятников. Одним из интереснейших оказалось городище Курбаншанд, которое удалось окончательно отождествить со столицей Хутталя — городом Хульбуком. Городище раскинулось на площади 65 га. Прямо на поверхность выходят кладки фундаментов из обожженного кирпича, обильны находки керамики XI—XII вв. На запад от основной территории города на несколько километров тянутся крупные феодальные усадьбы; некоторые из них могли возникнуть, судя по планировке, во времена, предшествующие арабскому завоеванию.

Обнаружено много других средневековых городищ. Близ одного из них, в Пархарском районе, отмечено скопление строительного материала и декоративных фрагментов какого-то разрушенного архитектурного сооружения XVI в. Здесь найдены куски великолепной резной поливной терракоты, не уступающей лучшим самаркандским и бухарским образцам.

Обнаружены и памятники рабовладельческой эпохи. Так, например, на самом юге Пархарского района, вблизи Пянджа, было выявлено поселение раннекушанского времени, весьма значительное по площади (около 1,5 км длиной и до 300 м в ширину). В рельефе оно выражено очень слабо, лишь небольшие бугры (оплывы сырцовых построек) сохранились на поверхности. Но там, где дерновый слой нарушен, встречается много фрагментов лощеной керамики высокого качества. Здесь обнаружено семь маленьких баз, вероятно, относящихся к предметам культовой микроархитектуры. Все базы небрежной работы, материал — мергелистый известняк. Проведение раскопок на этом поселении, благодаря его однослойности, кажется весьма перспективным.

К этой же эпохе относится

зарегистрированный в 1952 г. предмет из зеленовато-черного змеевика, найденный в местности Куштур-мулла (около Айваджа)¹. Предмет сильно фрагментирован. Он имеет вид обломанной круглой пластинки (диаметр 38—40 мм, толщина 6—8 мм). Нижняя ее поверхность плоская, на верхней находится рельефное изображение хищника, терзающего травоядное животное (рис. 57—1), очевидно бухарского оленя (*Cervus elaphus*); этот вид сохранился в Южном Таджикистане до наших дней. Под тяжестью хищника

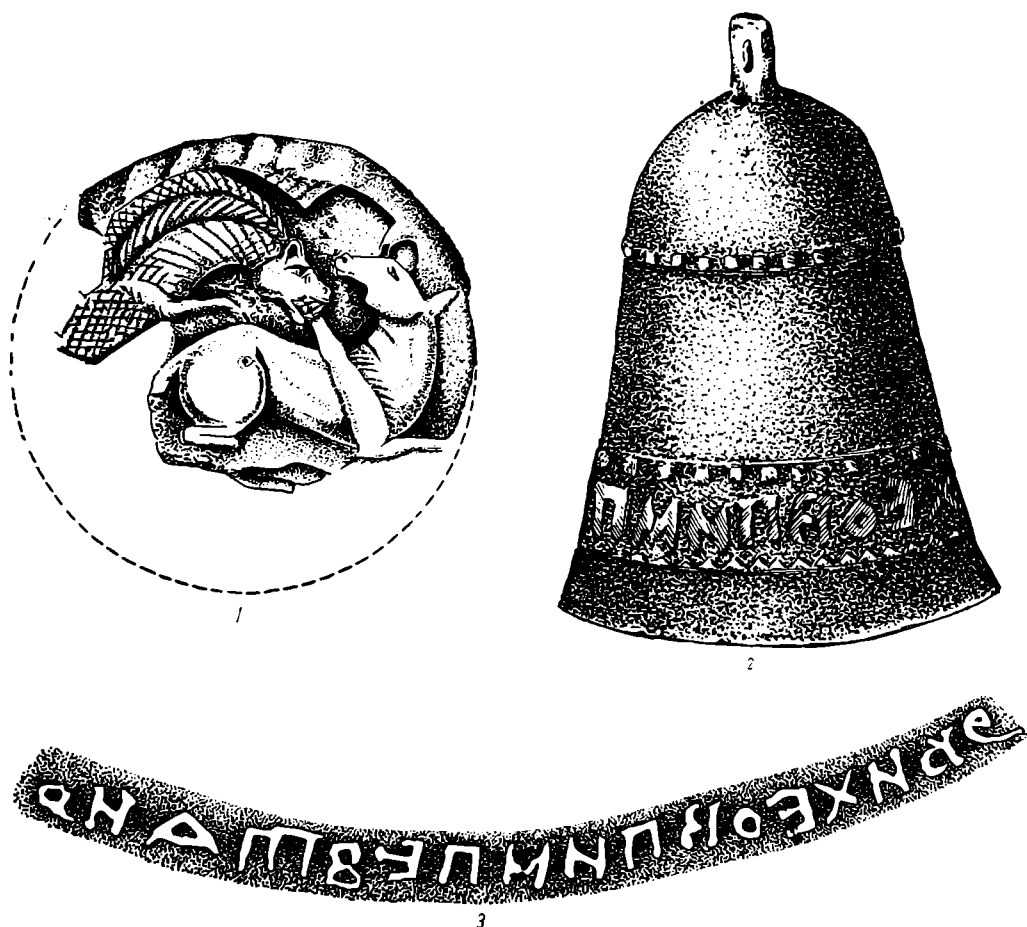


Рис. 57. Обломок каменной пластинки с резьбой (1) и бронзовый колокольчик с надписью (2, 3).

олень присел на задние ноги, голова его повернута назад. Передние ноги оленя вытянуты вперед. В передней части туловища имеется странная, идущая снизу вверх рельефная утолщенная полоса. Хищник находится сверху. Сохранились его морда, упруго изогнутая шея, тело и передняя нога. Морда дана строго в профиль, шея как будто в три четверти. Хищник, судя по общему впечатлению, принадлежит к семейству кошачьих. Удивляет контраст между точным следованием натуре в изображении фигуры оленя и отсутствием клыков, непропорциональной тонкостью туловища и другими деталями в фигуре хищника. Возможно, что мастер и не стремился изобразить какое-либо реальное животное, а создал образ хищника с чертами тигра, кабана, змеи.

¹ Предмет хранится в Сурхан-дарьинском областном историко-краеведческом музее и найден был еще в 1948 г. зам. директора этого музея В. К. Козловским. Наше внимание на этот предмет обратил Л. И. Альбаум.

Сцена борьбы животных выполнена мастерски. Округло-моделированная гладкая фигура оленя и покрытая сплошным полем насечек фигура хищника, статичная поза оленя, лишь слегка оживленная поворотом головы, и хищник с крутым изгибом мощной шеи, оскаленной пастью и даже неумело проработанными, но напряженно вытянутыми лапами создали полную силы и движения сцену борьбы двух начал — доброго и злого. Эта находка характеризует один из этапов развития «звериного стиля» на юге Таджикистана и является уникальной.

В 1952 г. среднеазиатская эпиграфика обогатилась новой, весьма редкой надписью. В сектор археологии из Дашти-джумского района Кулябинской области поступил бронзовый колокольчик (рис. 57—2). Его высота около 9 см (без ушка), диаметр внизу 7,0—7,5 см. Техника изготовления — литье с последующей проковкой. В нижней части колокольчика идет горизонтальная полоса из 17 рельефных знаков (рис. 57—3). Первое сопоставление этих знаков с алфавитом кушанских монет проделала Н. Н. Забелина, работающая над изданием колокольчика. Колокольчик можно ориентировочно датировать I—II вв. н. э.

В Пахтаабадском районе обнаружены при раскопке одного из имевшихся здесь небольших тепе несколько захоронений. Одно из них было в глиняном гробу в виде длинной, расширяющейся в одну сторону ванночки с округлым выступом на широкой боковой стороне. Общая длина гроба 2,05 м, в том числе длина выступа 0,2 м, ширина 0,23—0,52 м, высота 0,23—0,24 м, толщина стенок 2—2,5 см и днища 1,5—2 см. Крышка не сохранилась, но, по рассказу местных жителей, она состояла из плоских плиток. В днище имеется несколько отверстий (диаметром 1—2 см). Гроб вылеплен от руки из глины с примесью дресвы и самана, затем подвергнут обжигу.

Это вторая находка такого гроба в Таджикистане. Первая была сделана М. М. Дьяконовым при работах на Туп-хоне (погребение № 43), но там сохранился лишь фрагмент (видимо, меньше половины), так что форма гроба оставалась неизвестной. М. М. Дьяконов сопоставил этот гроб с парфянскими гробами, обнаруженными на территории зарубежной Парфии (Дура-Европос и Селевкия на Тигре), датировав свою находку началом нашей эры, не раньше. Судя по керамике, сопровождавшей гроб из Пахтаабадского района, он может быть датирован несколько более поздним временем — первыми веками нашей эры.

В 1952 г. сотрудниками сектора открыт и обследован архитектурный комплекс Ходжа-Нахшран, расположенный на западном склоне Баба-тага, близ Каратаг-Дарьи (Регарский район). Комплекс состоит из двух сильно разрушенных порталных мавзолеев. В мавзолее № 1, который удалось датировать второй половиной XI или XII в., сохранилась прекрасная терракотовая разделка одного из устоев портала (рис. 58). Декоративное убранство мавзолея чрезвычайно близко к мавзолеям в Саяте. База и капитель трехчетвертной колонки сближают его с ранним мавзолеем комплекса Султан-Саадат в Термезе.

Мавзолей № 2, по времени несколько более поздний (вторая половина XII или XIII в.), имеет чрезвычайно развитую порталную часть и уступчатые срезы в верхней части четверика стен. Полностью сохранилась узорная кладка щипцовой и отчасти щековых стенок портала, а также стен интерьера. Над входом в гур-хану находится терракотовое панно.

Одновременно был открыт и предварительно изучен мавзолей Ак-астана на территории Узунского района Сурхан-Дарьинской области. Он оказался сильно перестроенным центрическим мавзолеем второй половины X—первой половины XI в., имеющим много общего с мавзолеем Мир-сейид-Бахром в Кермине. Мавзолей Ак-астана внутри квадратный, с нишами посередине каждой стороны. По углам ниш трехчетвертные колонки. Своеобразен и интерьер ярус парусов.

Вновь открытые памятники характеризуют высокий уровень архитектурного искусства X—XIII вв. и дают новый важный материал для

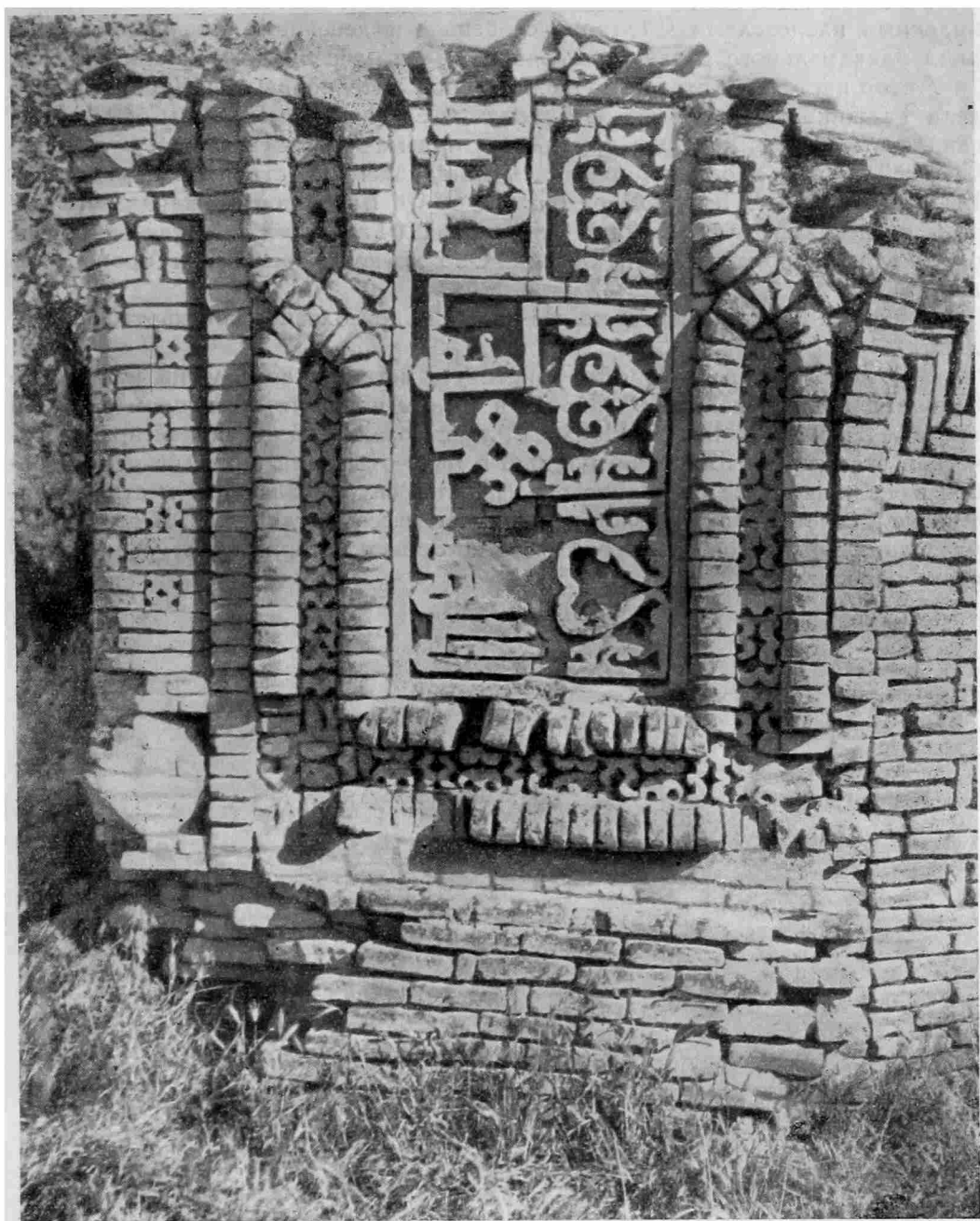


Рис. 58. Деталь портала мавзолея № 1. Архитектурный комплекс Ходжа-Нахшран.

исследования эволюции типа среднеазиатского мавзолея и отдельных архитектурных форм.

В 1952 г. сотрудники сектора, помимо полевых исследований и регистрации находок, вели разработку научно-исследовательских тем. Е. А. Давидович продолжала свои работы в области изучения средневековой среднеазиатской нумизматики. В этом плане, в частности, ею было завершено исследование большой группы караханидских монет второй половины XII—начала

ХІІІ в. В результате удалось выявить совершенно новые типы монет, установить генеалогию и хронологию ферганских караханидов, характер взаимоотношений между хорезмшахом Мухаммедом и последними караханидскими владельцами Ферганы, особенности денежного обращения в период максимального развития в Средней Азии серебряного кризиса и т. д.

Автор настоящей статьи продолжал сбор материалов по истории горного дела Таджикистана. Совместно с геологом О. И. Исламовым им была написана статья «О некоторых орудиях и приемах средневековых рудокопов Средней Азии». Концентрировались материалы из старинных рудников. Была, в частности, получена от геолога Э. Ф. Башкиной кирка из рога марала с гнездами для каменных вкладышей (Таласский Ала-тау) — первое орудие такого рода в Средней Азии. Оно может относиться к бронзовому веку.

Сектором начаты работы по составлению археологической карты республики.

В 1952 г. сектор археологии Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР работал в тесном контакте с сектором Средней Азии и Кавказа ИИМК АН СССР, участвовал в одной общей археологической экспедиции. Большую помощь в развертывании археологических работ в Таджикистане постоянно оказывали республиканские и местные партийные и советские организации и широкие массы трудящихся. В результате удалось получить новые материалы по истории и истории культуры таджикского народа.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

*М. Р. ПОЛЕСКИХ*МОГИЛЬНИК «АРМИЕВСКОГО ТИПА»
В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Летом 1952 г. в 2 км к востоку от с. Селиксы Бессоновского района Пензенской области при земляных работах обнаружены древние погребения — плохо сохранившиеся костяки и при них вещи, главным образом железные изделия.

Обследованием местонахождения, представляющего легкое всхолмление среди поля, и вблизи луговины с протекающим по ней ручьем выявлена следующая картина. На глубине 0,8—1,0 м четко обозначились четыре могильных пятна. Одна из могил оказалась разрушенной землекопами, другая — частично разрушенной, остальные две, повидимому, сохранились.

При расчистке частично разрушенного погребения найдена красная пастовая бусина и медная височная подвеска с бипирамидальным грузиком на одном конце и спиральным витком на другом. В засыпке незатронутой части могилы, на глубине 0,8 м, лежало донышко небольшого горшочка очень плохой сохранности. На глубине 0,85—0,90 м обнаружили плохо сохранившиеся остатки погребения: кости черепа и верхнего плечевого пояса, кости скелета в сильно смещенном и разрозненном состоянии. С трудом определяется южная ориентировка костяка. Судя по челюстным костям, размерам костей и сопровождавшим вещам, в могиле была погребена девочка-подросток.

У головы погребенной стоял лепной горшок бурого цвета с отчетливо выраженной шейкой и следами поверхностного заглаживания. На дне горшка мелкие полуистлевшие обломки костей, человеческий зуб-резец и две красные пастовые бусины. В полном беспорядке лежали две медные конусовидные подвески с колечками в отверстиях, три небольшие и одна более крупная трапецевидные подвески (последняя с орнаментом из точечных вдавлений и остатком колечка в отверстии), остатки плоской медной подвески с припаянным колечком, часть витой пронизки, спиральный перстень, стекловидный округлый «глазок» от перстня, красные пастовые и сердоликовые бусы (12 штук) и два фрагмента медной кольцевой плоской застежки с завернутыми концами (рис. 59).

Интересные вещи найдены в кладонискательской яме, принадлежавшие, повидимому, мужскому погребению. Удалось собрать следующие предметы: фрагменты толстостенного лепного сосуда, аналогичного с описанным, топор

проушной с массивным обушком и почти прямыми узками щековицами, удила с кольцами на концах, железный втульчатый наконечник копья,

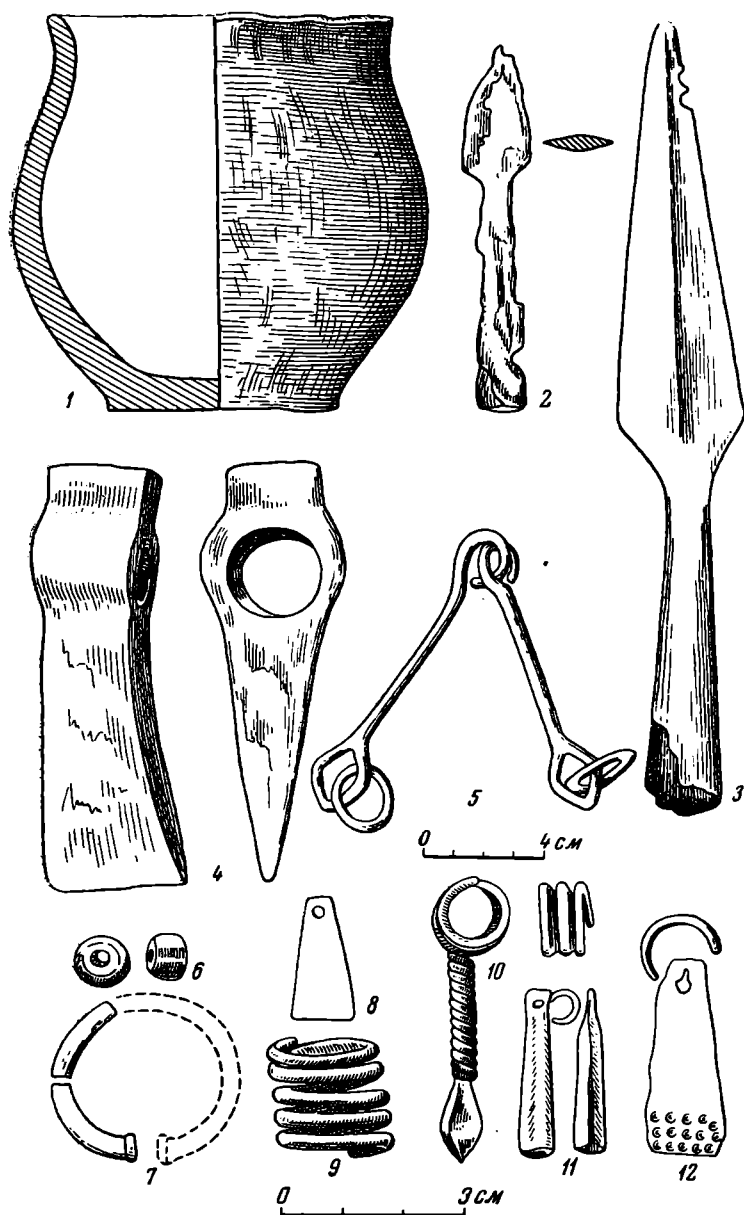


Рис. 59. Вещи из могильника у с. Селиксы:

1 — глиняный сосуд; 2 — железный наконечник стрелы; 3 — железный наконечник копья; 4 — железный топор; 5 — железные удила; 6 — пастовая бусина; 7 — медная застежка; 8 — трапецевидная подвеска; 9 — спиральный перстень; 10 — височная подвеска; 11 — конышечная подвеска; 12 — подвеска с чеканным узором.

железный втульчатый наконечник стрелы плохой сохранности, пастовые бусы (28 штук), литой медный браслет (три фрагмента).

Небольшая коллекция предметов из вновь открытого могильника характерна для памятников древнемордовских племен. Ближайшим и хорошо сопоставимым, хотя и более ранним, из этих памятников является Армиев-

ский могильник¹ (Пензенская область), исследованный экспедицией Саратовского музея в 1926—1927 гг. В коллекциях из этого могильника, хранящихся в Саратовском музее, можно видеть аналогичные селиксенским глиняные сосуды, подвески с грузиком (несколько более сплюснутым), характерные шумящие подвески с орнаментом «под зернь», конусовидные и трапецевидные подвески, застёжки, удила, наконечники копий и стрел, пастовые бусы, перстни.

К оригинальным находкам в могильнике у Селиксы надо отнести проушную топор, имеющий сходство с топором из Погибловского могильника (Мордовская АССР), датируемого VII—VIII вв.², и спиральный перстень — находка, часто встречаемая в коллекциях Перемчалкинского могильника³.

По сравнению с вещами из Армиева своеобразными кажутся браслет и, отчасти, височная спиральная подвеска с грузиком. Характерно присутствие красных пастовых бус. Аналогичные находки даёт могильник Красный Восток, или Казбек, — третий из этой группы могильников на территории Пензенской области⁴.

Исследование могильника у с. Селиксы представляет несомненно большой интерес. Предположение об отнесении описанного памятника ко времени около VIII в. может быть подтверждено лишь широкими раскопочными работами.

¹ П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья в I тысячелетии нашей эры по археологическим источникам. СА, т. II, стр. 46—47; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории племен Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 59.

² Е. И. Горюнова. Погибловский могильник. Археологический сборник, I. ИИМК АН СССР и НИИ при Совете Министров Мордовской АССР под редакцией Ю. В. Готье, Н. Ф. Цыганова и К. А. Коткова. Саранск, 1948, стр. 160.

³ А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. Указ. сборник, стр. 205, 206.

⁴ А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 76—83.

В. Л. ЯНИН

ПЕЧАТЬ СМОЛЕНСКОГО КНЯЗЯ
ВЯЧЕСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА
(1054—1057)

В апреле 1953 г. в Смоленский областной музей поступила свинцовая вислая печать, найденная случайно в развалинах Борисоглебской церкви на Смядыни¹. Новая печать пополняет крайне немногочисленную группу древнейших образцов русской сфрагистики, раздел так называемых греко-русских печатей. Определение дат и принадлежности таких печатей всегда вызывало и вызывает значительные затруднения из-за их малочисленности, неудовлетворительной сохранности большей части известных в настоящее время экземпляров. Кроме того, греко-русские печати, составляя наиболее ранний раздел древнерусских сфрагистических памятников, в очень большой степени сохраняют следы византийского влияния. Греческие надписи на них выполнены очень грамотно и почти не имеют каллиграфических погрешностей. Поэтому сложным является и само выделение греко-русских печатей из массы чисто византийского материала. В определении русской принадлежности таких печатей иногда помогают прямые указания на Русь как на место их изготовления в титулатуре владельца или помещение на печатях рядом с христианскими именами языческих, светских, имен. Н. П. Лихачеву, специально исследовавшему всю группу известных к концу 20-х годов XX в. греко-русских печатей, удалось убедительно установить хронологические рамки их бытования, не выходящие за пределы XI в.² При сравнении греко-русских печатей с точно датируемыми образцами начала и середины XII в. обнаруживается появление к этому времени принципиально новых типов вислых печатей и вытеснение старого типа, копирующего византийские образцы.

Вновь найденная печать (рис. 60 — 1) отличается исключительно хорошей сохранностью, необычной даже для позднейших образцов печатей. Она оттиснута на толстой (3 мм) круглой свинцовой пластинке диаметром 32 мм. В канале для шнура, заполненном главным образом землей, сохранились остатки самого шнура, повидимому проволочного. На лицевой стороне печати помещено погрудное изображение св. Меркурия Кесарийского с копьем в правой руке и со щитом у левого плеча; по сторонам надпись:

¹ Печать найдена учащимися 12-й Смоленской средней школы Г. Герасимовым и А. Крупкиным и хранится в Смоленском областном музее под инв. № 11677.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, Л., 1928, стр. 135—171.

О
МЕ
Р

К
ОВ
Р
О
С

Вокруг изображения ободок из точек, почти сливающихся в линию.

На оборотной стороне шестистрочная надпись, окруженная точечным ободком:

* KĒ RΘ
TWCWΔV
MEPKVPI =
ΩTOREN
TECΘAA
RW

* K(υρ)ιЄ · B(ση)Θ(ει) ·
TΩ · CΩ · Δ(ο)V(λω)
MEPKVPI
Ω · TO · BEN
TECΘAA
BΩ



Рис. 60. Древнерусские печати середины XI в.:

1 — печать с именем Меркурия, найденная в Смоленске;
2 — печать с именем Андрея.

Греко-русская печать с изображением св. Меркурия встречена впервые. Палеографические особенности ее надписей вполне соответствуют палеографии всех остальных греко-русских печатей XI в. Обращает на себя внимание типичное для того времени написание «беты» в форме латинского R.

Содержание надписи на оборотной стороне вновь найденной печати не вызывает сомнений и представляет значительный интерес. Ее особенностью является то, что в обычной благопожелательной формуле «господи, помоги рабу твоему» стоит не одно имя, как обычно, а два, христианское и светское: «Меркурию—Вентеславу». Единственная аналогия этой особенности известна на греко-русской же печати, которую Н. П. Лихачев считал принадлежащей Всеволоду Ярославичу (Андрею-Всеволоду), отцу Владимира

Мономаха¹. Несколько необычным кажется написание ВЕНТЕСЛАВОС с вставкой «теты» между «сигмой» и «ламбдой». Однако точно такой же прием отмечен на печати Мстислава, где имя князя написано в форме МЕСТИСЛАВОС.

Д. И. Блифельд, опубликовавший последнюю печать, замечает по этому поводу, ссылаясь на А. А. Белецкого, что «тета» всегда вставлялась между «С» и «Л» в именах русских князей византийских письменных источников X—XIII вв., так как сочетание «СЛ» греческому языку не свойственно².

Имя Вентеслав может быть только греческой транскрипцией славянского имени Венцеслав (Вацлав), употреблявшегося на Руси в форме Вячеслав.

В списках русских политических деятелей XI в., упоминаемых летописями и другими письменными памятниками, отмечаются только три Вячеслава: Вячеслав Ярославич, княживший в Смоленске с 1054 по 1057 г., Вячеслав Владимирович, княживший попеременно в Турове, Смоленске, Переяславле и Киеве, и Вячеслав Ярополкович, княжич Туровский.

Два последние действовали собственно с конца XI в., поэтому они в расчет не могут быть приняты. О Вячеславе Ярославиче летопись рассказывает очень скупо. В 1034 г. он родился, в 1054 г. получил от отца в княжение Смоленск, в 1057 г. умер³. Правильность отнесения к нему вновь найденной печати подтверждается и местом ее находки и сравнением с уже упомянутой печатью Андрея-Всеволода Ярославича.

Эта печать (рис. 60—2) на лицевой стороне имеет погрудное изображение св. Андрея и надпись: ΟΑΓΙΟΣ ΑΝΔΡΕΑΣ. На обороте:

✥ ΚΕ ΒΟ		✥ Κιϋρι)Ε · ΒΟ
ΗΘΕΙΤΩΩ		ΗΘΕΙ · ΤΩ · Ω ·
ΔΟΝΛΩΝ	=	ΔΟΝΛΩ · ΑΝ
ΔΡΕΑΤΟС		ΔΡΕΑ · ΤΟ · С
РЛАΔО		ВЛАΔО

Одинаковый размер матриц и толщина пластинок, стилистическое, композиционное, палеографическое сходство этой печати с печатью Меркурия-Вячеслава настолько велико, что можно говорить не только о одновременном их изготовлении, но и о выполнении их одним мастером.

Это сходство вполне объяснимо, если учесть, что Вячеслав и Всеволод были родными братьями, начавшими свою политическую деятельность почти одновременно. Очень глубокой кажется после этих сопоставлений мысль Н. П. Лихачева, предлагавшего искать время изготовления печати с именем Андрея-Всеволода не только в XI в. вообще, но и притом «возможно ближе к середине его»⁴.

Установленное таким образом христианское имя Вячеслава Ярославича—Меркурий—заставляет невольно припомнить, что Меркурий был патроном Смоленска. Житие Меркурия Смоленского, связывающее его с событиями XIII в., в значительной степени повторяет житие Меркурия Кесарийского⁵, изображенного на нашей печати. День памяти Меркурия Смоленского установлен в один день с празднованием Меркурия Кесарийского. Эти обстоятельства позволяют предполагать большую древность почитания Меркурия в Смоленске, возникновение его задолго до составления жития собственного святого Меркурия. Можно предполагать, что оно связано с несохранившимся патрональным храмом князя Вячеслава-Меркурия.

¹ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 146—152.

² Д. И. Блѣфельд. Висла печатка з Білгородки. Археологія, III, Київ, 1950, стр. 103—104.

³ ПСРЛ, т. I, 70; т. II, 266—269; т. V, 139; т. VII, 242, 333.

⁴ Н. П. Лихачев. Указ. соч., т. I, стр. 152.

⁵ Н. К. Гудзий. История древнерусской литературы. М., 1945, стр. 295.

В. Ф. ГЕНИНГ

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПОЗДНЕРОДАНОВСКОГО
ВРЕМЕНИ

Летом 1952 г. в Коми-Пермяцкий окружной музей в г. Кудымкаре поступило письмо от С. П. Якимова, жителя с. Купрос Юсьвинского района, с сообщением о находках сабли, копья и других вещей у д. Гуриной. Осенью того же года нами совместно с директором музея Ф. П. Будкевичем было обследовано место находок.

Выяснилось, что еще в 1942 г. в д. Гуриной при земляных работах на полях колхоза им. Ворошилова найдены железная сабля (вероятно, меч), железный наконечник копья, много медных бляшек. Сабля и копье долго хранились в правлении колхоза, но найти вещи не удалось.

Осмотр местности показал, что здесь находится древний могильник. Могильник расположен в 1,5 км от д. Гуриной, по правую сторону дороги в д. Каглево. Дорога проходит в 100 м от края высокой террасы (до 15 м), спускающейся в пойму правого берега р. Пой, левого притока р. Иньвы. Терраса имеет небольшой уклон с запада на восток и неглубокими логами разрезается на ряд обширных тупых мысов. Яма, где были найдены вещи, находится в конце такого лога, рядом с дорогой. Местоположение для могильника очень неподходящее.

Осмотр мыса к северо-востоку от ямы показал, что могильник находится именно здесь. Северный край площадки мыса не распахивается, и среди кустарника хорошо различаются впадины от могильных ям, расположенных довольно близко друг от друга. Могильные ямы идут с запада на восток.

Местные жители рассказывают, что когда-то на всем мысу был лес и впадины были очень хорошо видны. В настоящее время большая часть площади распахивается. Площадка мыса (100 × 100 м) по форме представляет полуовал. Западную часть ее и занимает могильник, площадью около 0,5 га.

Нами был заложен раскоп размером 3 × 2 м, включивший две сохранившиеся впадины. Обнаружены две могильные ямы прямоугольной формы, вытянутые с северо-запада на юго-восток. Размер первой ямы 1,8 × 0,7 м, второй 1,7 × 0,7 м. В середине первой могилы, на глубине 0,5 м, найдено железное кольцо (рис. 61—1), в ее северном конце — железный наконечник стрелы (рис. 61—2). Во второй могиле найдены в южном конце обломки глиняного сосуда (рис. 61—3), в северном — железный нож (рис. 61—4).

Погребения оказались чрезвычайно бедными.

Железное кольцо, диаметром 35 мм, использовалось, вероятно, как пряжка к поясному ремню. Железный наконечник стрелы довольно оригинального типа. Это плоский двушипный наконечник с валиком на черешке. Признаки эти характерны в Прикамье для стрел поздних типов (XIII—XIV вв.).

Железный нож также позднего типа. Он небольшой по длине (лезвие 6,5 см), но с довольно толстой спинкой (4 мм). Лезвие сильно сточено. Для поздних ножей Прикамья характерны почти квадратные в сечении черешки для деревянной рукояти с заостренными концами.

Обломки глиняного сосуда не позволяют полностью восстановить его форму. Очевидно, это широкая открытая чашка с сильно отогнутым венчиком, по краю которого нанесен орнамент вертикальными насечками. Сосуд сделан из глиняного теста черного цвета. Поверхность его тщательно заглажена.

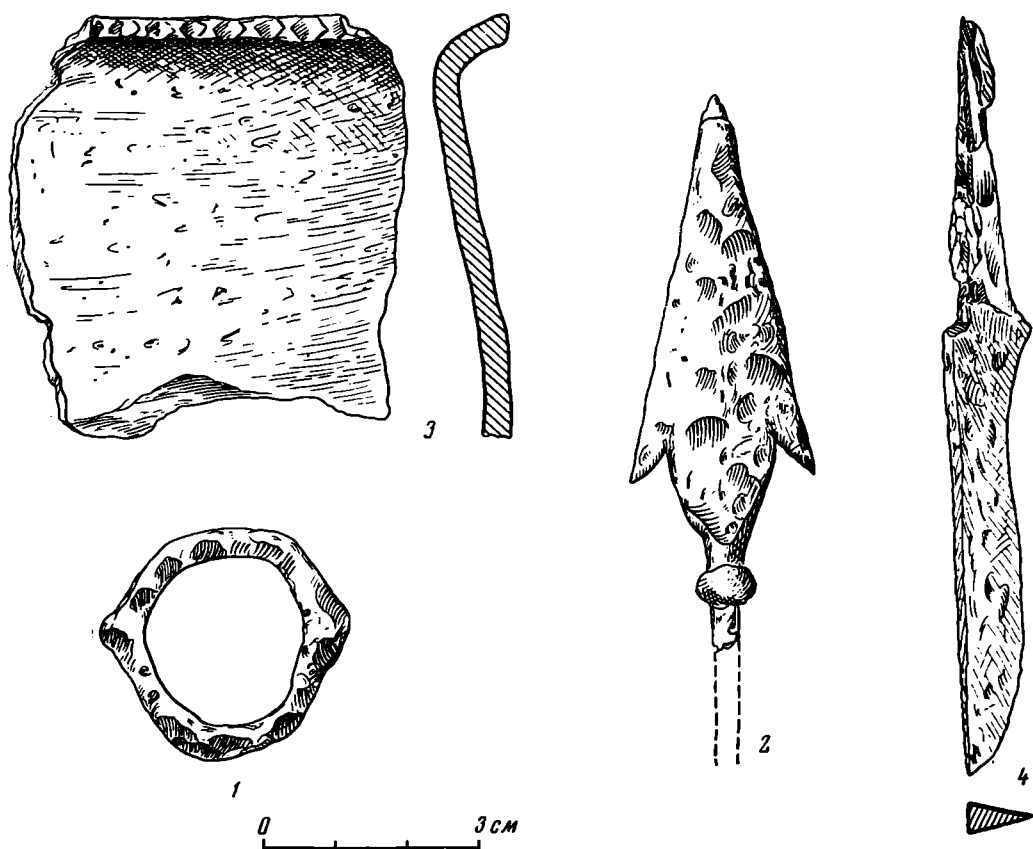


Рис. 61. Железные вещи и обломок глиняного сосуда из Гуринского могильника.

Сейчас на ней много выщербин от разложившихся органических частиц, бывших в глине. Интересно, что в глиняном тесте нет примеси толченой раковины, столь характерной для керамики Прикамья эпохи железа.

В общем по немногочисленным находкам и по хорошо заметным следам могильных ям Гуринский могильник относится к родановской культуре, представляя наиболее поздний этап ее (XIII—XIV вв.). Могильник вполне пригоден для дальнейших раскопок и может дать интересный материал для культурно-экономической характеристики населения Верхнего Прикамья в названный период.

IV. ХРОНИКА

ПАМЯТИ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ДЬЯКОНОВА

8 июня 1954 г. после тяжелой болезни скончался на 47-м году жизни заслуженный деятель науки Таджикской ССР, член Союза советских писателей, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник



Института истории материальной культуры АН СССР, член КПСС Михаил Михайлович Дьяконов. С его смертью советская историческая наука потеряла талантливого востоковеда, историка и археолога Средней Азии, видного знатока искусства стран Ближнего Востока.

Михаил Михайлович был разносторонне одаренным человеком. Он обладал знанием многих языков Запада и Востока, тонким художественным чутьем, незаурядным поэтическим дарованием. Такое счастливое сочетание способностей предопределило то, что в своей научной деятельности он сумел проявить себя блестящим образом как исследователь в различных областях науки. Им опубликовано около 50 ценных научных работ. Ряд исследований остался незавершенным.

В студенческие годы М. М. Дьяконов получил солидную лингвистическую подготовку. Как историк-востоковед он воспринял прекрасную научную традицию передовой русской востоковедческой школы, виднейшим представителем которой был академик В. В. Бартольд. Михаил Михайлович был ближайшим учеником, а затем и сотрудником известного советского историка Средней Азии А. Ю. Якубовского.

Первые годы по окончании университета (в 1930 г.) Михаил Михайлович провел на работе в Средней Азии, тесную связь с которой сохранил до конца своей жизни. Уже в первых своих работах он обнаружил разносторонность своих дарований. Избрав объектом своих исследований знаменитую поэму «Шах-Намэ», он опубликовал, наряду со стихотворными переводами, отмеченными высокими поэтическими достоинствами, историко-литературные и текстологические исследования, выступая как литературовед и зрелый опытный знаток рукописей.

С «Шах-Намэ» связана и его первая искусствоведческая работа. Совместно с Л. Г. Гюзальяном он опубликовал в виде отдельной книги миниатюры из хранившихся в Ленинграде рукописей «Шах-Намэ», внося крупный вклад в дело изучения искусства средневекового Востока.

С 1931 г. он работает в Государственном Эрмитаже, где с большим успехом исследует памятники материальной культуры и искусства стран Ближнего Востока, преимущественно Ирана, Кавказа и Средней Азии. Благодаря его публикациям и исследованиям достоянием науки становятся хранящиеся в Эрмитаже ценнейшие произведения художественного ремесла и уникальные предметы материальной культуры народов зарубежного Востока, Кавказа и Средней Азии. К таким исследованиям относится мастерски написанная работа о ранней средневековой бронзовой пластике. Обширную эрудицию, тонкий вкус и острый критический дар обнаружил он в публикации, посвященной уникальному среднеазиатскому памятнику — бронзовой гире с именем известного правителя Средней Азии Исмаила Самани (875—907).

Замечательная скульптурная группа «Ширванский водолей 1206 г.» была избрана им темой кандидатской диссертации, защищенной в 1937 г.

Близкое участие принял он в подготовке и проведении III Международного конгресса иранского искусства, состоявшегося в Москве и Ленинграде в 1935 г.

С 1939 г. начинается его полевая археологическая деятельность. Приняв участие в раскопках известного в древности и раннем средневековье среднеазиатского города Пейкенда, он опубликовал интересную статью о добытой при раскопках керамике. Статья эта является частью крупного исследования по истории культуры саманидского времени, к сожалению оставшегося незаконченным.

Наступил грозный 1941 год. Одним из первых откликнулся М. М. Дьяконов на призыв к всенародной борьбе против фашистских интервентов. Добровольно вступив в ряды народных ополченцев, он сражался, обороняя Ленинград.

Осенью того же года он был ранен под Невской Дубровкой. По выздоровлении он продолжал оставаться в рядах Советской Армии вплоть до 1944 г. В 1943 г. участвовал в операциях по освобождению г. Смоленска. В мае 1944 г. он был демобилизован и направлен на научную работу в Московский

государственный университет, где до октября 1945 г. занимал должность заместителя декана исторического факультета МГУ.

С 1945 г. он снова работает в Ленинграде — в Эрмитаже и в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР. В ЛОИМК он становится вскоре одним из руководящих работников — сперва его ученым секретарем, а затем заведующим (с 1951 по 1953 г.). В июне 1946 г. Михаил Михайлович защитил докторскую диссертацию «Очерки по древней истории Ирана».

С 1946 г. он участник и ближайший сотрудник А. Ю. Якубовского в организации и проведении полевых работ Таджикской археологической экспедиции, а после смерти А. Ю. Якубовского — ее начальник. Своими успехами экспедиция в значительной мере обязана его энергии. Особо плодотворными были его археологические исследования юга Таджикистана, территории Северной Бактрии, где он в качестве начальника Кафирниганского отряда открыл и исследовал ряд древних памятников, существенно продвинув вперед изучение истории и культуры Средней Азии эпохи развития рабовладельческих отношений.

Проведенные под его непосредственным руководством раскопки на городищах Калаи-Мир, Кей-Кобад шах, Мунчак-Тепе, а также исключительно удачное исследование могильника Туп-хона (памятники датируются VII в. до н. э. — V—VI вв. н. э.) сразу же выдвинули Михаила Михайловича в первые ряды среднеазиатских историков-археологов. Этими работами он положил прочное начало археологическому изучению юга Таджикистана.

Исследование этого района Таджикистана позволило ему одновременно поставить и приступить к решению крупных проблем истории Средней Азии в целом. К ним относятся проблема становления рабовладельческих отношений, вопросы об эллинистическом периоде, о кризисе IV—V вв. и другие.

Данная М. М. Дьяконовым превосходная стратиграфическая и хронологическая характеристика добытых на указанных городищах материалов позволяет уточнить датировку многих памятников древности, происходящих из других областей Средней Азии.

Одновременно он принимает непосредственное участие в раскопках Пянджикента и в изучении открытой там живописи.

С глубокой печалью приходится писать о том, что М. М. Дьяконову не суждено было увидеть вышедшей в свет свою большую работу о живописи Пянджикента, работу, которую он писал с особой любовью. В ней впервые с замечательным знанием предмета показано, какое большое место занимают в истории искусства Востока открытые в последнее время памятники изобразительного искусства Средней Азии.

Особое место в научном наследстве занимают его работы в области эпиграфики Востока. Выдающееся значение приобретает возглавленная им коллективная работа по расшифровке хозяйственных документов, добытых Южнотуркменской археологической экспедицией в Парфянской Нисе. В этой работе он с особым блеском показал обширность своих исторических познаний, основательную марксистскую подготовку, исследовательское дарование.

Уже на первом этапе работы Михаил Михайлович, не ограничиваясь лингвистическим анализом памятников, мастерски использовал результаты дешифровки для воссоздания важных черт общественных отношений и хозяйственной жизни в парфянскую эпоху.

Большую научно-исследовательскую работу М. М. Дьяконов совмещал с педагогической. Он вел ряд ответственных курсов и специальных семинаров по истории, истории искусства, археологии стран зарубежного и советского Востока, в Академии художеств и в Ленинградском университете.

Признанием научных заслуг Михаила Михайловича явилось избрание его в 1953 г. профессором Московского государственного университета, с которым он был связан с 1944 г. Здесь он с большим успехом начал чтение курсов по истории Ближнего Востока и археологии Средней Азии. По его замыслу эти курсы должны были лечь в основу соответствующих обобщающих трудов. Смерть оборвала эту работу в самом начале.

М. М. Дьяконов был талантливым педагогом, ярким и увлекательным лектором. Он всегда уделял много внимания подготовке научной молодежи. Внимательный и требовательный руководитель и друг своих учеников, он щедро делился своими знаниями и опытом. Многие из его учеников работают ныне в области исторической науки в Таджикистане, в Ленинграде, Москве и в других городах СССР.

Высокоодаренный ученый, Михаил Михайлович был преданным делу партии коммунистом, чутким товарищем, жизнерадостным человеком.

Светлая память о Михаиле Михайловиче Дьяконове навсегда сохранится в сердцах его друзей, товарищей и учеников.

А. М. Беленицкий

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ

М. М. ДЬЯКОНОВА

1932

1. Передмова М. М. Дьяконова. — У кн.: Джемаль-Заде М. Новелі. Из збірки «Що було й чого не було». Пер. из перс. мови Б. Нікітина и др. Передмова М. Дьяконова. Харків, 1932, с. 5—16.

1934

2. Рукописи Шах-Намэ в Ленинградских собраниях. Под ред. И. А. Орбели. — Л., АН СССР, 1934, XXIV, 123 с. (Ин-т востоковедения АН СССР и Гос. Эрмитаж). В соавторстве с Л. Т. Гюзальян.

3. Фирдауси. — «Вестник знания», Л., 1934, июль № 7, с. 422—427, илл.

1935

4. Иранские миниатюры в рукописях Шах-Намэ Ленинградских собраний. — М.—Л., Academia, Гос. Эрмитаж, 1935, 91 с., 54 л. илл. В соавторстве с Л. Т. Гюзальян.

5. Фердоуси. Бижан и Мениже. Отрывок из Шах-Намэ. Пер. М. М. Дьяконова. — В кн.: Литература Ирана X—XV в. Под ред. А. А. Болотникова и др. М.—Л., 1935, с. 89—125.

6. Фердоуси. Маздак. Отрывок из Шах-Намэ. Пер. М. М. Дьяконова. — В кн.: Литература Ирана X—XV в. Под ред. А. А. Болотникова и др. М.—Л., 1935, с. 149—156.

1936

7. Бронзовый водолей 1206 г. как памятник искусства и исторический источник. Из истории культуры Сев. Ирана XI—XIII вв. Тезисы дисс. на степень кандидата наук. — Л., АН СССР, 1936, 5 с.

8. Выставка иранского искусства. — «Искусство», М.—Л., 1936, № 1, с. 21—46. В соавторстве с А. Стрелковым.

9. Фердоуси. Гав и Талханд. Отрывок из Шах-Намэ. Пер. с перс. М. М. Дьяконова. — В кн.: Орбели И. А. и Тревер К. В. Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936, с. 153—194.

1938

10. Люстровое блюдо с изображением царского двора. — В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, с. 195—200.

11. Фахр ад-Дин Гургани. Вис и Рамин, персидская поэма 1048 г. Отрывки в пер. М. М. Дьяконова. — В кн.: Висрамиани — грузинский роман XII в. и персидская поэма XI в. Вис и Рамин в изложении и переводах Б. Т. Руденко и М. М. Дьяконова. М.—Л., 1938, с. 157—182.

12. Ширванский бронзовый водолей 1206 г. — В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, с. 247—254.

1939

13. Ахеменидская держава и ее восточные области. — В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. 1—2. М.—Л., 1939, с. 193—199. В соавторстве с И. М. Дьяконовым.

14. Бронзовый водолей 1206 г. н. э. — В кн.: III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Л., 1939, с. 45—52, табл. XXIV—XXV. Резюме на франц. яз.

15. Мидия и образование державы Ахеменидов. — В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. 1—2. М.—Л., 1939, с. 179—182. В соавторстве с И. М. Дьяконовым.

16. Путеводитель по залам Отдела Востока (Гос. Эрмитажа). Сост. научн. работниками Отдела во главе с М. М. Дьяконовым. Л., 1939, 247 с., илл., пл.

17. Фаянсовый сосуд с иллюстрациями к Шах-Намэ. — В кн.: Труды Отдела Востока (Гос. Эрмитажа). Т. 1. Л., 1939, с. 317—325, 1 илл. Резюме на франц. яз.

1940

18. Бронзовая гиря с именем Исманла Самани. — В кн.: Труды Отдела Востока (Гос. Эрмитажа). Т. 2. Л., 1940, с. 165—176, 2 илл. Резюме на франц. яз.

19. Низами. Семь красавиц. Гл. 35. Пер. М. Дьяконова. — В кн.: Низами. Сб. 1. Баку, 1940, с. 118—136.

20. Рукопись «Хамсэ» Низами 1431 года и ее значение для истории миниатюрной живописи на Востоке. — В кн.: Труды Отдела Востока (Гос. Эрмитажа). Т. 3. Л., 1940, с. 275—286, 7 илл. Резюме на франц. яз.

21. Фердоуси. Жизнь и творчество. (Отв. ред. И. А. Орбели). — М.—Л., 1940, 138 с., илл.

1941

22. Низами. Семь красавиц. Рассказ о Бахrame и его невольнице. Пер. М. Дьяконова. — В кн.: Низами. Сб. 3. Баку, 1941, с. 217—228.

1944

23. Рецензия на кн.: Заходер Б. История восточного средневековья. М., 1944, 152 с. — «Исторический журнал», М., 1944, № 10—11, с. 132—135.

1945

24. Десять лет Исторического факультета (Моск. гос. ун-та им. Ломоносова). — «Доклады и сообщения ист. фак-та (Моск. ордена Ленина гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)», М., 1945, вып. 1, с. 37—39.

25. Памятники иранского искусства в Музее Эрмитажа в Ленинграде. — «Пэйям-е-ноу», Тегеран, 1945, № 9, с. 35—36. На перс. яз.

26. Рецензия на кн.: Гафуров Б. и Прохоров П. Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Сталинабад, 1944, 212 с., 4 л. илл. — «Доклады и сообщения ист. фак-та (Моск. ордена Ленина гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)», М., 1945, вып. 1, с. 53—56.

27. Рецензия на кн.: Щеблыкин И. П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. (Материалы). Баку, 1943, 94 с. — «Исторический журнал», М., 1945, кн. 5, с. 76—79.

28. Юбилей Эрмитажа в прессе. — В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. 3. Л., 1945, с. 24.

29. Oriental studies at Soviet Universities. — «Great Britain and the East». London, 1945, Jan. 1, Vol. 61, N 1743, p. 44—45.

1946

30. История древнего Ирана. (Автореферат докторской диссертации). — «Вопросы истории», М., 1946, № 1, с. 130—139.

31. Рецензия на статью: Райнов Т. Великие ученые Узбекистана (IX—XI вв.). — «Вопросы истории», М., 1946, № 2—3, с. 144—145.

1947

32. Бронзовая пластика первых веков хиджры. — В кн.: Труды Отдела Востока (Гос. Эрмитажа). Т. 4. Л., 1947, с. 155—179. Резюме на франц. яз.

33. Об одной ранней арабской надписи. — «Эпиграфика Востока», М.—Л., 1947, сб. 1, с. 5—8.

34. Хагани. (Стихи. Пер. М. М. Дьяконова). В кн.: Хрестоматия по литературе народов СССР. Сост. Л. И. Климович. М., 1947, с. 158—159.

1948

35. Археология Средней Азии. (Пленум ИИМК в Ленинграде). — «Вестник АН СССР», М., 1948, авг. № 8, с. 113—115.

36. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. — «Эпиграфика Востока», М.—Л., 1948, сб. 2, с. 9—15.

37. О дате Денденаканской мечети. — «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР». М.—Л., 1948, № 23, с. 108.

38. Работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1946—1948 гг. — «Сообщения Тадж. филиала АН СССР». Сталинабад, 1948, вып. 10, с. 47—50.

39. Рецензия на кн.: Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. Москва—Баку, 1947, XVI, 444 с., 115 табл. — «Вопросы истории», М., 1948, № 9, с. 119—122.

40. Рецензия на кн.: Гафуров Б. История таджикского народа в кратком изложении. Сталинабад. 1947, 382 с. — «Вопросы истории», М., 1948, № 7, с. 107—110.

1949

41. Керамика Пейкенда. — «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР». М.—Л., 1949, вып. XXVIII, с. 89—93.

42. Рецензия на кн.: 1) Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, 352 с. 2) Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, 323 с. — «Вопросы истории», М., 1949, № 2, с. 128—133.

43. Рецензия на кн.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, 323 с. — «Советская этнография», М.—Л., 1949, № 2, с. 213—219.

43а. Надписи на звездчатых изразцах XIII в. с городища Новая Ниса. (Совместно с Л. Г. Гюзальян). — В кн.: Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. I. Ашхабад, 1949.

1950

44. Работы Кафирниганского отряда. — В кн.: Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Ин-та истории материальной культуры АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. I. 1946—1947. М.—Л., 1950, с. 147—186.

1951

45. Арабская надпись на бронзовом орле из собраний Государственного Эрмитажа. — «Эпиграфика Востока», М.—Л., 1951, сб. 4, с. 24—27.

46. Гургони Фахридин. Вис и Рамин. (Отрывки). Пер. М. М. Дьяконова. — В кн.: Антология таджикской поэзии с древнейших времен до наших дней. М., 1951, с. 270—276.

47. Джами Абдуррахман. Из книги «Подарки праведникам». Пер. М. М. Дьяконова. — В кн.: Антология таджикской поэзии с древнейших времен до наших дней. М., 1951, с. 419—421.

48. Документы из древней Нисы. (Дешифровка и анализ). — В кн.: Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 2. М.—Л., 1951, с. 21—65. В соавторстве с И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем.

49. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры АН СССР». М., 1951, вып. 40, с. 34—44, илл.

50. Перспективы археологического изучения Таджикистана. — В кн.: Труды Ин-та истории, языка и лит-ры Тадж. филиала АН СССР. Т. 29. Сталинабад, 1951, с. 19—35, карта. Резюме на тадж. яз.

51. Редактирование и предисловие в кн.: Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А. А. Жданова, 1951, 255 с.

52. Рецензия на кн.: Тревер К. В. и др. История народов Узбекистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI века. Под ред. С. П. Толстова и др. Ташкент, 1950, 472 с. — «Вопросы истории», М., 1951, № 4, с. 134—141.

52а. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. М.—Л., 1951. Перед загл. авт. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон.

1952

53. Редактирование кн.: Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952, 346 с., илл. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 26).

1953

54. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан) (1950—1951 гг.). — В кн.: Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 2. 1948—1950. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 37). М.—Л., 1953, с. 253—293.

55. Иран. Изобразительные искусства и архитектура. — В кн.: Большая советская энциклопедия, изд. 2, т. 18, М., 1953, с. 427—430.

56. Памяти Александра Юрьевича Якубовского. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры АН СССР». М., 1953. № 51, с. 166—168. В соавторстве с А. М. Беленицким.

57. Парфянский архив из древней Нисы. — «Вестник древней истории», М., 1953, № 4, с. 114—130. В соавторстве с И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем.

58. Сложение классового общества в Северной Бактрии. — «Советская археология», М., 1954, т. 19.
 59. Живопись Пянджикента и живопись Средней Азии. — В кн.: Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

Работы, подготовленные к печати

60. Древняя Бактрия.
 61. Парфянские печати из древней Нисы.
 62. Истоки древней таджикской культуры.
 63. Таджикский художник в Азербайджане. В соавторстве с Ю. С. Дашевским.

В список не вошли статьи и заметки в газетах, переводы с западноевропейских языков и мелкие переводы из восточных поэтов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
КАЭ — Камская археологическая экспедиция Молотовского государственного университета
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СГУ — Саратовский государственный университет
СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция
СЭ — Советская этнография
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
MDAFA — Mémoires de la délégation archeologique française en Afghanistan.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам археологических и этнографических экспедиций за 1952 год	3
Информация	3

I. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

П. Н. Третьяков. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье	11
А. П. Смирнов. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках	17
А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пянджикенте	31
О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента	48
Х. А. Моора. Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг.	52

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К. Ф. Смирнов. Работа первого Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции	64
И. В. Синуцын. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции	77
Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция	95
А. А. Мартиросян. О древнем поселении и могильнике близ Ленинакана	106
О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция	117
В. А. Оборин. Раскопки Орла-городка на реке Каме	129
Б. А. Литвинский. Новые материалы по археологии Таджикистана	139

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

М. Р. Полесских. Могильник «армиевского типа» в Пензенской области	147
В. Л. Янин. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057)	150
В. Ф. Генинг. Новый могильник позднеродановского времени	153

IV. ХРОНИКА

Памяти Михаила Михайловича Дьяконова. А. М. Беленицкий	155
Список печатных трудов М. М. Дьяконова	159
Список сокращений	163

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор Т. В. Алексеева.

Корректор А. В. Утина

*

РИСО АН СССР № 52-46В. Т-06252. Издат. № 489. Тип. заказ № 1160. Подп. к печ. 20/X 1954 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 5,12. Печ. л. 14,04. Уч.-изд. 14,00. Тираж 1500. Цена по прейскуранту
1952 г. 8 р. 40 к.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	26 сн.	первобытно-общинного	первобытно-общинного,
8	19 св.	Гуяр-Кала	Гяур-Кала
49	2 сн.	Кафиниганского	Кафирниганского
57	6 св.	забросали	забросили
69	3—2 сн.	найденным	найденных
93	Рис. 38 (масштаб)	5 см	4 см
156	23 св.	Л. Г. Гюзальяном	Л. Т. Гюзальяном